

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Т. 3 · № 3 · МАЙ – ИЮНЬ · 2005

Содержание

Давняя война и современная политика *Фёдор Лукьянов* 5

Комментарии

Призрак свободы *Тимофей Бордачёв* 8

Суть урока демократии, который жители Франции и Голландии преподали европейцам на референдумах в конце мая – начале июня 2005 года, заключается в следующем: не бывает устойчивой конструкция, построенная мудрецами на государственной службе без учета мнения рядовых граждан.

Альтруизм как национальный интерес *Кьелль Магне Бундевик* 16

Норвегия рассматривает участие в урегулировании конфликтов по всему земному шару в качестве приоритета своей внешней политики. Ведь войны и нестабильность даже в самых отдаленных уголках мира – угроза благополучию каждого.

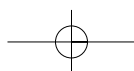
Экономический шпионаж – тайное оружие великих держав
Али Лауди 26

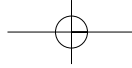
Борьба за информацию о конкурентах, об отраслях и технологиях стратегического характера, в которой участвуют предприятия и даже государства, – это война без правил. Тем более что она ведется в условиях господства одной-единственной сверхдержавы – США.

Война: прошлое и настоящее

Очень своевременный противник *Владислав Иноземцев* 38

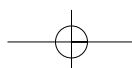
«Война с террором» не могла не начаться, потому что политики во всем мире крайне нуждались в «правильном» враге. Такого противника нельзя увидеть; борьба с ним должна продолжаться бесконечно долго, а мера ее успешности – оставаться неопределимой.

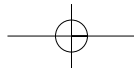

Содержание

- Борьба за трансформацию военной сферы** *Макс Бут* 54
 Война в Ираке показала, что Рамсфелду не удалось добиться полного успеха в деле трансформации военной сферы. Американская армия по-прежнему плохо подготовлена к противостоянию в условиях партизанской войны, при этом число необычных угроз с годами будет только возрастать. Необходимо сосредоточиться на обучении пехотных подразделений для осуществления национального строительства, а также для ведения нетрадиционной войны. Этой задаче Вашингтон должен придать статус первоочередного приоритета.
- Демократия и ядерное оружие** *Алексей Арбатов* 72
 Сама постановка вопроса о демократическом контроле и отчетности в сфере ядерных вооружений — святая святых военной политики — способна вызвать в лучшем случае недоумение, а в худшем — и подозрение в преступных намерениях. Однако такой вопрос не только имеет право на существование, но и давно назрел в российской политике в сфере обороны и безопасности.
- «Бомба Гитлера» и взгляд из Москвы** *Райнер Карльш* 90
 Нацистский режим продвинулся по пути создания атомного оружия дальше, чем считалось до сих пор. И хотя успех ученых Третьего рейха не изменил бы итогов войны — немцы просто не успевали создать достаточное количество ядерных зарядов, — он мог заметно осложнить антигитлеровской коалиции финальную стадию боевых действий.
- Вторая мировая, которой не было** *Александр Кузяков* 101
 Как и любое событие всемирно-исторического масштаба, Вторая мировая война открывает широкий простор для фантазий. О том, существовали ли альтернативные сценарии развития самого кровопролитного конфликта в истории человечества, рассуждают наиболее авторитетные военные историки США и Великобритании Джон Киган, Стивен Эмброуз и Энтони Бивор.
- ## Память и политика
- Белые пятна в истории великой войны** *Александр Чубарьян* 112
 Изучение Второй мировой войны, справедливая и точная оценка событий того периода крайне важны не только с научной, но и с политической точки зрения. Ведь в год 60-летия Победы вопросы, связанные с ее историей, превратились в предмет напряженных споров, дискуссий и спекуляций на самом высоком государственном и международном уровне.
- Тени прошлого над Россией и Балтией** *Ларс Фреден* 122
 Преодоление Россией своего прошлого, признание темных сторон истории необходимы для ее примирения с самой собой. Россия не станет нормальной страной, если не признает тяжких преступлений, совершенных коммунизмом не только против сопредельных народов, но и против самих россиян.
- Россия и Балтия: дело не в истории** *Михаил Демурин* 131
 Претензии к России, связанные с «оккупацией» и «аннексией» прибалтийских государств, не имеют отношения к исторической науке, а диктуются исключительно политическими целями. Концепция «оккупации» служит тому, чтобы оправдать дискриминацию нетитульного населения, лишить его политических и социально-экономических прав, закрепить власть за определенными этнократическими группами.

Содержание

Грани исламского мира

- После затишья: Россия и арабский мир на новом этапе
Владимир Евтушенко 140

После распада СССР Москва значительно утратила интерес к арабскому миру. Сегодня, по мере стремительного возрастания общемировой геополитической значимости Ближнего Востока, там открываются и принципиально новые экономические возможности. Россия возвращается в этот регион в лице не только государственных ведомств, но и частных корпораций.

- Свобода и справедливость на сегодняшнем Ближнем Востоке
Бернард Льюис 152

Говорить о диктатуре как об извечном способе правления на Ближнем Востоке — значит попросту исказить факты. Подобные утверждения выдают незнание истории арабского мира, презрение к его настоящему и безразличие к будущему. Установить демократический общественно-политический строй в Ираке или любой другой стране данного региона — задача непростая, но осуществимая.

- Центральная Азия: корни конфликтов 170

Сто лет назад русские путешественники и этнографы сетовали на то, что ученые не уделяют достаточного внимания мусульманскому вопросу в Средней Азии. Между тем, отмечали они, «внутренний мир туземного мусульманского населения и все стороны его духовной жизни, вытекающие из векового господства ислама, до сих пор малоизвестны».

Продолжение темы: эпоха перемен

- Аршин для России *Александр Музыкантский* 180

Поиск самоидентификации России заставляет в очередной раз задуматься о фундаментальных характеристиках российской цивилизации. Без учета типичных особенностей, определявших формы существования и Российской империи, и Советского Союза, и нынешней Российской Федерации, невозможно спроектировать новую модель, необходимую для приспособления к реалиям современного мира.

- Необратимый бег «колесницы реформ» *Владимир Дегоев* 191

Оглядываясь назад, проще доказывать закономерность, чем случайность падения советского колосса. Довольно бессистемное нагромождение событий второй половины 1980-х «легко» выстраивается в один логический безальтернативный ряд. Однако, выживи Советский Союз в какой-либо форме, мы ныне столь же убедительно разъясняли бы, почему «иное не было дано».

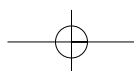
- Свобода СМИ в России: юбилей без торжеств *Владимир Энтин* 199

За 15 лет, прошедших после законодательного закрепления в России свободы средств массовой информации, их положение и роль заметно изменились. Связано это не только с политической конъюнктурой, но и с переменами в общественном сознании.

Рецензии

- О чем мечтают сорвавшиеся с цепи евробюрократы?
Игорь Федюкин 208

- Евроатлантическое сообщество: реформы и реакция
Владимир Устинов 213

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

*Председатель
попечительского совета
ПОТАНИН В.О.
«Интеррос»*

*ВАЙНШТОК С.М.
ОАО «АК «Транснефть»»*

*ВАРДАНИЯН Р.К.
«Тройка-Диалог»*

*ВЕКСЕЛЬБЕРГ В.Ф.
ОАО «СУАЛ-Холдинг»*

*ГЕНЕРАЛОВ С.В.
председатель совета директоров
Ассоциации по защите прав
инвесторов*

*ЕВТУШЕНКОВ В.П.
АФК «Система»*

*КУЗЫК Б.Н.
«Новые программы и концепции»*

*КУЗЯЕВ А.Р.
«ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг Лтд.»*

*ОКУЛОВ В.М.
ОАО «Аэрофлот»*

*ЦВЕТКОВ Н.А.
ФК «Уралсиб»*

УЧРЕДИТЕЛИ

**ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ
ПО ВНЕШНЕЙ
И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ**

**РОССИЙСКИЙ СОЮЗ
ПРОМЫШЛЕННИКОВ
И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ
(РАБОТОДАТЕЛЕЙ)**

**ОАО «РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ
«ИЗВЕСТИЯ»»**

Издается АНО РИД «Глобус»

ЗАРЕГИСТРИРОВАН
в МИНИСТЕРСТВЕ РФ ПО ДЕЛАМ
ПЕЧАТИ, ТЕЛЕРАДИОВЕЩАНИЯ
И СРЕДСТВ МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ
ПИ № 77-12900
от 3 июня 2002 г.

Адрес редакции:
Россия, 103873, Москва
ул. Моховая, 11, стр. 3 «В»
Тел.: (095) 980-7353
Факс: (095) 937-7611
E-mail: info@globalaffairs.ru
http://www.globalaffairs.ru

Отпечатано в ОАО «Калужская
типография стандартов»
Заказ № 1212.
Общий тираж 10 000 экз.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

КАРАГАНОВ С.А. – председатель

*АРБАТОВ А.Г.
АХТИСААРИ Мартти
(Финляндия)*

*БЕЛОУСОВ Л.С.
заместитель председателя*

БЕРГСТЕН Фред (США)

БИЛЬДТ Карл (Швеция)

*ГРИГОРЬЕВ В.В.
(в личном качестве)*

*ЖУКОВ А.Д.
(в личном качестве)*

ЗВЕРЕВ С.А.

*ИВАНОВ И.С.
(в личном качестве)*

*ИНОЗЕМЦЕВ В.Л.
председатель
научно-консультативного
совета*

*КАЙЗЕР Карл
(Германия)*

КОЖОКИН М.М.

КОКОШИН А.А.

*КОЛЬ Гельмут
(Германия)*

КОМИССАР М.В.

КОПЬЕВ В.В.

КУЗЬМИНОВ Я.И.

*ЛАВРОВ С.В.
(в личном качестве)*

ЛИВШИЦ А.Я.

ЛУКИН В.П.

*ЛУКЬЯНОВ Ф.А.
главный редактор*

МАУ В.А.

*МОНБРИАЛЬ Тьерри де
(Франция)*

*НИКОНОВ В.А.
заместитель председателя*

ОВЧИНСКИЙ В.С.

ПОЗНЕР В.В.

ПРИМАКОВ Е.М.

*ПРИХОДЬКО С.Э.
(в личном качестве)*

РЫЖКОВ В.А.

*ТЕЛЬЧИК Хорст
(Германия)*

ТОРКУНОВ А.В.

*УОЛЛЕС Уильям, лорд
(Великобритания)*

ХАКАМАДА И.М.

ХОУГ Джеймс (США)

ШМЕЛЁВ Н.П.

ЭЛЛИСОН Грэм (США)

ЮРГЕНС И.Ю.

*ЯСТРЖЕМБСКИЙ С.В.
(в личном качестве)*

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

*ИНОЗЕМЦЕВ В.Л.
председатель*

АДАМИШИН А.Л.

БУТОРИНА О.В.

ГРИГОРЬЕВ Л.М.

ЛОМАНОВ А.В.

МИРСКИЙ Г.И.

ШКУНДИН М.З.

ЭНТИН В.Л.

ЮРЬЕВ А.И.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА

- Газеты «Время новостей», «Известия», «Московские новости», «Российская газета», «Совершенно секретно», «Труд»
- Информационные агентства «Интерфакс», РИА «Новости», «Росбалт»
- Радиостанция «Эхо Москвы»

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА

Коллегия адвокатов
«КЛИШИН И ПАРТНЕРЫ»

PR-ПОДДЕРЖКА

ЗАО «КРОС»

Главный редактор Фёдор Лукьянов

Заместители главного редактора:

Тимофей Бордачёв, Наталья Костромская (англоязычное издание)

*Генеральный директор
Ирина Палехова*

*Ответственный редактор
Александр Кузяков*

*Заведомо переводной литературы
Любовь Рыклина*

*Референт председателя
редакционного совета
Елена Блиникова*

*Ответственный секретарь
Наталья Шупленкова*

*Автор макета
Константин Радченко*

*Верстка
Наталья Заблочките*

*Проверка и корректура
Арнольд Кун*

*Интернет-редактор
Павел Житнюк
pavel@globalaffairs.ru*

*Распространение
Андрей Евдокимов
тел.: (095) 937-7611
subscribe@globalaffairs.ru*

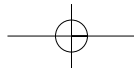
*Англоязычное издание
Russia in Global Affairs*

*Редактор
Ринат Якубов*

*Стилист
Роберт Бридж*

*Корректор
Людмила Купченко*

*Иллюстрации
Александр Бобосов*

Давняя война и современная политика

Фёдор Лукьянов, главный редактор

Весна 2005 года прошла под знаком 60-летия победы над гитлеровской Германией. Правда, в силу разных обстоятельств праздник приобрел своеобразное звучание, чуть не превратившись в повод для сведения исторических счетов, раздувания старых, а отчасти и новых противоречий. Между тем как раз в данном случае идеологические диспуты были наименее уместны — ведь эта круглая дата — едва ли не последняя возможность отдать всенародную дань уважения и благодарности живым участникам той страшной войны. В книге, вышедшей накануне годовщины, американский историк Кристофер Пол Мур приводит печальную статистику: ежедневно из жизни уходит тысяча ветеранов Второй мировой.

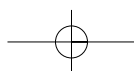
О том, почему разгорелись страсти, как прошлое влияет на современную политику и кто перед кем должен извиняться, на страницах журнала спорят академик РАН **Александр Чубарьян**, руководитель польского Института национальной памяти **Леон Керес**, дипломаты **Ларс Фреден** (Швеция) и **Михаил Демури** (Россия).

С ходом времени раскрываются всё новые грани самого кровопролитного сражения в истории человечества. Так, о неизвестных ранее

атомных амбициях нацистов пишет немецкий исследователь **Райнер Карльш** — автор нашумевшей книги «Бомба Гитлера». Любопытный эксперимент проводят военные историки из США и Великобритании. **Джон Киган**, **Стивен Эмброуз** и **Энтони Бивор** фантазируют о том, могли ли боевые действия развиваться иначе, чем это было в реальности. Интеллектуальные упражнения тоже приводят Эмброуза и Бивора к теме атомного оружия, которая при определенном стечении обстоятельств могла стать актуальной не только на тихоокеанском театре военных действий, но и в Европе.

Крайне интересную проблему — демократический контроль над ядерными вооружениями — затрагивает известный российский эксперт **Алексей Арбатов**.

Мостик от Второй мировой войны к конфликтам сегодняшнего дня перекидывает наш постоянный автор **Владислав Иноземцев**. Борьба с терроризмом, объявленная в 2001 году Вашингтоном, по продолжительности скоро превзойдет и Великую Отечественную, и войну США против Японии. Однако результаты этой баталии куда менее впечатляющи. Почему Соединенным Штатам не

удается нанести смертельный удар по врагу, рассуждает американский аналитик **Макс Бут**. А премьер-министр Норвегии **Кьелль Магне Бундевик** предлагает альтернативный, невоенный, путь улаживания противоречий — терпеливое развязывание конфликтных узлов по всему миру и помощь отсталым странам.

О трудностях, переживаемых единой Европой, размышляет **Тимофей Бордачёв**. Неудачи референдумов по Конституции Европейского союза связаны с тем, что архитекторы евростроительства забыли заветы отцов-основателей, сформулированные на развалинах послевоенной Европы для того, чтобы ужасы прошлого никогда не повторились.

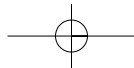
Тема, не теряющая актуальности, — развитие мусульманских стран. О демократии на Ближнем Востоке пишет старейший американский востоковед **Бернард Льюис**, а перспективы российского присутствия там оценивает предприниматель **Владимир Евтушенко**. В связи с событиями в Центральной Азии небезынтересно ознакомиться с заметками русских путешественников столетней давности.

Продолжая тему, начатую в предыдущем номере, мы возвращаемся к преобразованиям в СССР/России. О первом законе, закрепившем 15 лет назад свободу средств массовой информации, вспоминает его соавтор **Владимир Энтин**, не упуская при этом из виду и сегодняшние проблемы СМИ. Тезис о неизбежности перемен в Советском Союзе оспаривает **Владимир Дегоев**. О специфике

российского менталитета, не подверженной политическим изменениям, пишет **Александр Музыкантский**.

У журнала «Россия в глобальной политике» появился новый престижный партнер — французская ежемесячная газета *Le Monde Diplomatique*, одно из наиболее авторитетных изданий Европы, специализирующееся на международных отношениях. Отныне мы получили право перепечатывать наиболее интересные публикации французских коллег. «Мы надеемся, что позиции, отстаиваемые нашим ежемесячником, обогатят столь необходимую дискуссию о будущем России, ее месте в процессе глобализации и взаимоотношениях с остальным миром. И что Европа, наконец, станет “общим домом” для всех народов континента», — пишет, обращаясь к читателям нашего журнала, главный редактор *Le Monde Diplomatique* **Ален Греш**. Для «затравки» мы помещаем статью **Али Лаиди**, посвященную такой захватывающей теме, как экономический шпионаж — «невидимая» война, которую ведут между собой великие державы и транснациональные корпорации.

В следующем номере: расширение ЕС и место России в общеевропейском процессе, «доктрина Буша», анализ деятельности американского руководства, судьба российского Черноморского флота... Своим видением мироустройства в преддверии намеченной реформы Организации Объединенных Наций поделится ее генеральный секретарь Кофи Аннан.

Комментарии

Отцы-основатели европейской интеграции Жан Монне и Робер Шуман перед штаб-квартирой Европейского объединения угля и стали, 1951 год

“Европу невозможно построить сразу или в соответствии с неким генеральным планом. Она возникнет как результат множества конкретных дел, первым из которых должно стать достижение солидарности”

Робер Шуман, из Декларации 9 мая 1950 года

“Смысл совместной работы в том, чтобы показать, что за всеми различиями и поверх границ у людей есть общие интересы... Продолжайте, продолжайте, у европейцев нет иного будущего, кроме как в союзе”

Из мемуаров Жана Монне

Призрак свободы *Тимофей Бордачёв*

8

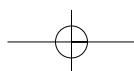
Альтруизм как национальный интерес *Кьелль Магне Бундевик*

16

Экономический шпионаж — тайное оружие великих держав

Али Лауди

26

Призрак свободы

Тимофей Бордачёв

Отказавшись в ходе референдумов 29 мая и 1 июня 2005 года поддерживать «Договор, учреждающий Конституцию для Европы», избиратели Франции и Нидерландов — двух стран, стоявших у истоков европейской интеграции, — преподали всему миру урок демократии и осознанного волеизъявления. Этот урок должен быть усвоен авторами трудночитаемого текста из 252 страниц (французская версия), политическими лидерами, которые подписали его в торжественной обстановке в Риме 29 октября 2004-го, а также теми странами, где Конституция получила одобрение либо в ходе непродолжительных парламентских слушаний, либо в результате референдума с позорно низкой явкой избирателей.

Да и соседям единой Европы, упорно ограничивающим масштабы участия общества в определении политического будущего, результаты голосования дают почву для раз-

мышлений. В особенности это касается России, где власти традиционно склонны принимать важные решения без оглядки на общественное мнение.

Суть урока демократии заключается в том, что не бывает устойчивой конструкция, правовая база которой создавалась мудрецами на государственной службе в отрыве от пожеланий рядовых граждан. Дефицит демократии — неизбежное зло и главная системная ошибка технократической системы управления — неминуемо дает себя знать и рано или поздно становится тормозом всего процесса. Как правило, это проявляется на выборах, когда избиратели отказывают в поддержке политическим инициативам, не учитывающим их мнение. В тех же странах, где гражданам редко предоставляется возможность влиять на власть напрямую, они вынуждены просто саботировать реализацию решений, принятых без их участия.

Т.В. Бордачёв — директор научных программ Совета по внешней и оборонной политике, заместитель главного редактора журнала «Россия в глобальной политике».

Призрак свободы

Поддался искушению «рационального» технократического управления и Европейский союз. За последние 10–15 лет логика процесса европейской интеграции все больше напоминала принцип езды на велосипеде: пока крутишь педали, не упадешь. При этом техническое состояние транспортного средства, самочувствие пассажиров и их «эгоистические» пожелания оставались, как правило, без особого внимания. Скорость движения увеличивалась, причем всегда во имя некой высшей цели, будь то экспансия общего рынка (как в случае с расширением и включением государств европейской периферии в программу «нового соседства») либо превращение Европейского союза в самую конкурентоспособную экономику в мире к 2010 году.

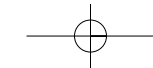
По замечанию одного из представителей Комиссии Европейских сообществ (КЕС), сделанному, правда, совершенно по другому поводу, в современных условиях лидеры не могут каждый раз ждать того момента, когда общество и политические элиты захотят полностью поддержать их инициативы. Люди консервативны по своей природе и не всегда способны оценить важность и глубину принимаемых решений. А стало быть, и действовать зачастую нужно без оглядки на неизбежно запаздывающее общественное мнение.

Изначально интеграция основывалась на реальной готовности всех

участников процесса к сближению. Во второй половине 1980-х был преодолен «евросклероз» предыдущего десятилетия и углубление интеграции стало осознанной необходимостью. Большинство стран Западной Европы ощутили плоды упорного труда всех послевоенных лет, и даже в Италии началась серьезная борьба с мафией. Решительно шли к экономическому процветанию Ирландия и Испания, а Греция с Португалией хоть и оставались «гадкими утятами», но пристойно двигались в общем строю.

Мощная динамика, заданная в конце 1980-х годов в период председательства Жака Делора (1985–1995), воистину великого лидера Европейской комиссии, поддержанного такими «гигантами», как Гельмут Коль и Франсуа Миттеран, позволила сообществу европейских демократий стремительно развиваться и вширь, и вглубь. На рубеже 1990-х годов к внутренней энергии, накопленной Европейскими сообществами за 30 лет, добавился колоссальный внешний импульс — необходимость взять на себя ответственность за судьбу восьми стран Центральной и Восточной Европы, которые тогда только вышли из тени рушившейся советской империи.

Именно в этот период появился и приобрел принципиально новое качество Брюссель — столица единой Европы и главная резиденция пре-

Тимофей Бордачёв

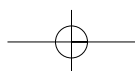
словутой европейской бюрократии. Высочайший профессионализм, работоспособность и энергия чиновников Европейской комиссии сделали «европейский квартал» — скопление административных зданий вокруг площади Шумана — центром принятия важнейших решений и источником все новых инициатив, направленных на нормативное сближение стран ЕС, а также усиление политической и экономической роли Европы в мире.

Параллельно Брюссель «отъедал» все больше полномочий у национальных правительств и парламентов стран ЕС и, ссылаясь на повышение европейской конкурентоспособности как на высшую цель, прибирал к рукам рычаги регулирования экономической деятельности в странах общего рынка. Сотрудники КЕС действительно демонстрировали способность работать быстрее и лучше национальных бюрократий. Решения, которые они предлагали, как правило, больше соответствовали ситуации внутри Европейского союза и оказывались технически более выверенными в тех случаях, когда касались мер по усилению влияния Европы на соседние страны. Одним из последних триумфов стала разработка планов по созданию Общего экономического пространства с Россией, дающего возможность решать все вопросы «в оперативном порядке», не привлекая излишнего внимания общественности и деловых кругов.

Результатом политического решения явилось и присоединение к ЕС десяти новых стран-членов, ознаменовавшее самое масштабное расширение Евросоюза. При этом только одно из вновь вступивших государств — крошечная Мальта — не имело на 1 мая 2004 года собственных «скелетов в шкафу», будь то социалистическая система социальной защиты, бесправные нацменьшинства, территориальные споры с соседями или полная неспособность вести диалог на дипломатическом языке Западной Европы.

Проверку же соответствия стран-кандидатов «копенгагенским критериям» — рамочным требованиям к претендентам на членство в Европейском союзе — возложили на Комиссию, которая приобрела роль самостоятельного политического игрока. В результате крупнейший за всю историю внешнеполитический проект единой Европы был полностью отдан на откуп брюссельским технократам, что окончательно уверило их в способности «собственноручно» принимать любые, даже самые важные, стратегические решения.

На фоне многолетней «устойчивой позитивной динамики» в декабре 2001-го было принято решение о подготовке нового договора и учреждении с этой целью европейского Конвента. Его работа имела целью выработать документ, который заменил бы собой предыдущие договоры

Призрак свободы

о ЕС, признанные большинством граждан слишком сложными и трудными для восприятия. Учитывая, что специфика процесса европейской интеграции всегда состояла в отказе от простых решений в пользу сложных процедур и механизмов согласования интересов, задача предложить публике простой текст с самого начала выглядела рискованной.

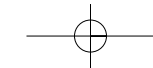
Да и сам текст конституционного договора готовился Конвентом «мудрецов» в явном отрыве от населения стран Евросоюза. Положенная в его основу высшая цель — условная «европейская мечта» — осознавалась лишь частью политических элит. При этом конкретные параметры документа разрабатывались в КЕС, став затем предметом ожесточенного торга лидеров стран Европейского союза в ходе нескольких саммитов, что само по себе не могло не способствовать снятию с Конституции романтического флера.

Ничего романтического и не вышло. В результате полуторагодичной работы Конвента на свет появился документ, насчитывающий (с приложениями) порядка 850 страниц. Текстовое воплощение «европейской мечты» — это 448 статей, 36 дополнительных протоколов, два приложения и 50 деклараций, отражающих отдельные мнения стран-участниц относительно судьбы Игналинской атомной станции, написания слова «евро» на латышском и венгерском языках, экономической помощи ре-

гионам бывшей ГДР и многого другого. Кроме того, Конституция лишала страны — члены ЕС права вето по всем вопросам экономической политики и фактически выводила Комиссию из-под контроля Европарламента — единственного избираемого органа Евросоюза. Также Парламент лишался права законодательной инициативы по большинству вопросов.

В отличие от Конституции США, открывающейся словами «Мы, народ...», европейская Конституция начинается с длительного перечня подписантов, увековечивающего имена президентов, царственных особ, премьер-министров, федеральных канцлеров и одного великого герцога. Список дополнили именами лидеров Болгарии, Румынии и даже Турции, поскольку те возглавляют страны, признанные кандидатами на вступление в ЕС, и разделяют «культурное, религиозное и гуманистическое наследие Европы». Вскоре опубликовали и «удобный для чтения» (*Reader Friendly*) вариант Конституции, насчитывающий всего 219 страниц.

Спору нет, законодательные документы единой Европы никогда не отличались краткостью, и рядовые граждане всегда испытывали трудности при их изучении. Однако ни Римский, ни Маастрихтский, ни Амстердамский или Ниццкий договоры не претендовали на то, чтобы именоваться Конституцией. В отли-

Тимофей Бордачёв

чие от перечисленных документов Конституция принимается на веки вечные (*unlimited duration*), а внесение в нее любых поправок требует почти недостижимого двойного большинства: глав государств и населения их стран. Договоры предполагали приведение национальных законодательств стран-членов в соответствие с общими решениями в каждом отдельном случае и согласно демократическим процедурам. Конституция же должна установить общеевропейские наднациональные нормы, обязательные к исполнению всеми с момента принятия.

С экономической точки зрения Конституция стала своего рода либеральной мечтой. По подсчетам одного французского автора, слово «рынок» использовано в ее тексте 78 раз, а «конкуренция», «свободный и конкурентный рынок» и «независимость Европейского центрбанка» — 27, 7 и 98 раз соответственно. Слово «занятость» упоминается в одном случае, а «безработица» вообще ни разу. Неудивительно, что, как подметили многие в Европе, конституционный договор вызвал полное одобрение президента США Джорджа Буша.

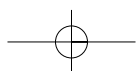
Другой особенностью стало предельное насыщение текста деталями, законодательно регулируемыми экономической политикой в странах единой Европы. Управление и унификация норм экономической деятельности вообще является «коньком»

Еврокомиссии, в чем Москва имела блестящий шанс убедиться в ходе подготовки совместных «дорожных карт» России и ЕС по четырем общим пространствам. Правда, как и в случае с европейской Конституцией, документ становится недоступным для понимания даже продвинутого пользователя.

С ноября 2004 года начался процесс ратификации. Не особенно задумываясь, первыми под новым договором подписались Венгрия и Литва. Их примеру последовали Австрия, Бельгия, Словакия и Словения, парламенты которых ратифицировали Конституцию весной 2005-го. Из стран, решившихся вынести договор на референдум, выделилась Испания. Ее граждане хотя и одобрили Конституцию, но отнеслись к этому вопросу довольно равнодушно, обеспечив в день голосования явку в 42 с небольшим процента.

С самого начала все с трепетом ждали референдума в Великобритании. Жителей Соединенного Королевства, пребывание которого в составе ЕС и так выглядит забавным парадоксом, вполне обоснованно подозревали в намерении провалить договор. В последние месяцы эти подозрения перешли уже в твердую уверенность.

Однако настоящий сюрприз подстерегал авторов Конституции во Франции и Нидерландах. Исходя из собственных политических соображений, президент Французской Рес-

Призрак свободы

публики Жак Ширак решился на самый рискованный шаг — провести в конце мая 2005 года национальный референдум. В результате судьба европейской Конституции стала внутренним делом Франции, а ее граждане увлеченно приступили к изучению самого документа — мысль, которая вряд ли пришла в голову жителям стран, одоббивших договор. За считанные недели Конституция превратилась в хит национального списка бестселлеров, а книги под названием «Понять европейскую Конституцию» и «Десять ключей к пониманию Конституции» разлетелись с полок магазинов, подобно горячим пирожкам. Как отметил один из авторов интернет-издания *EUObserver*, весной 2005-го разгадывание Конституции стало во Франции чем-то вроде национального вида спорта.

Похожие процессы наблюдались и в Нидерландах, власти которых также решились на проведение национального референдума. Ранее в этой стране плебисциты не проводились, и поэтому подданные королевы Беатрикс отнеслись к полученному поручению максимально серьезно. В отличие от Франции, где главной претензией населения к Конституции стал ее излишний экономический либерализм, большую часть голландцев заставили насторожиться передача Брюсселю полномочий по регулированию экономической деятельности и явное усиление роли

новых стран-членов из Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) в общеевропейском процессе принятия решений. Дошло даже до анекдотичной ситуации: после недавнего песенного конкурса «Евровидение» в Киеве число нидерландских противников Конституции выросло на 8 % только из-за того, что страны ЦВЕ якобы дружно голосовали за представителей своих соседей невзирая на реальное качество их выступлений. В результате исполнители от стран «старой Европы» заняли последние позиции, а голландская певица даже не попала в финал.

Итоги песенного состязания до крайности обеспокоили и без того подозрительных голландцев. Они уже давно задавались вопросом, почему граждане стран ЦВЕ, которые лишь с недавних пор живут в условиях рынка и демократии, имеют такие же права на решение общеевропейских дел, как и те, кто строит капитализм, как минимум, с XVI века. В результате большинство жителей Нидерландов решили сказать европейской Конституции «Нее», тем самым предоставив повод поставить под сомнение правильность направлений и темпов развития Европы за последние 10–15 лет. А то, мол, если слушать технократов из Еврокомиссии, то даже Турция с Украиной могут вступить в ЕС через десяток лет, стоит им только выполнить рамочные условия по обретению членства и оказать ува-

Тимофей Бордачёв

жение проверяющим из Директората КЕС по расширению.

Важнее, однако, другое. Во Франции и Нидерландах мы все стали свидетелями непосредственного вовлечения рядовых избирателей в транснациональную общеевропейскую политику. Драматические события весны 2005 года демонстрируют всему миру уникальный пример транснациональной демократии в действии. В отличие от предыдущих договоров – Римского, Маастрихтского, Амстердамского и Ниццкого, Конституция ЕС не технический перечень сфер и механизмов экономической интеграции. Конституционный договор имеет всеобъемлющий характер и призван стать поворотным этапом истории, заложить основу для развития Европейского союза на годы вперед, а стало быть, есть повод отнестись к нему серьезно.

Можно сожалеть о том, что население двух стран – основательниц ЕС подключилось к определению судьбы европейского интеграционного проекта лишь на поздней стадии, когда у тех, кто сомневался в правильности отдельных положений, отсутствовали возможности выразить свое мнение иначе, чем отвергнув весь текст. Но это не является большой трагедией.

Возможно, и в других странах, правительства которых (Германия) поспешили использовать парламентскую ратификацию договора в качестве инструмента влияния на своих соседей, граждане наконец-то задумаются вопросом, почему они не пошли по франко-голландскому пути.

Незадолго до референдума во Франции премьер-министр Люксембурга Жан-Клод Юнкер заявил, что выработка нового документа потребует до 10 лет. Весьма вероятно, что это так. Очевидно, однако, что стабильная основа общего будущего как в рамках объединяющейся Европы, так и в ее отношениях со своими соседями и «стратегическими партнерами» не может строиться только на политической воле и решимости лидеров. Необходимо, чтобы работа над Основным законом Европы с самого начала сопровождалась широким вовлечением в нее рядовых граждан и неправительственных организаций. Ведь согласно статье I – 47.1 Договора, учреждающего Конституцию для Европы, *«институты ЕС должны соответствующим образом давать гражданам и их представительным ассоциациям возможность выразить свое мнение во всех областях деятельности Союза».*

FOREIGN AFFAIRS

Before it becomes policy, it's in *FOREIGN AFFAIRS*

When you want to be the first to know what the experts in foreign policy and economics have to say about world events—turn to *FOREIGN AFFAIRS*. With contributions from distinguished authorities like Condoleezza Rice, Richard Holbrooke, Fouad Ajami, Donald Rumsfeld, Kenneth Pollack, and Samuel Huntington—this is the forum for leaders who shape the world.

SUBSCRIBE TODAY TO
**FOREIGN
AFFAIRS**

“The most influential periodical in print.” —*TIME*

“*FOREIGN AFFAIRS* is essential reading.” —*FORTUNE*

“*FOREIGN AFFAIRS* [is] the most prestigious of America's many foreign policy journals.” —*FINANCIAL TIMES*

SPECIAL OFFER for readers of *Russia in Global Affairs*: One year only US\$57.00!

You will receive 6 bimonthly issues delivered via air mail. Your satisfaction is guaranteed or you will receive a FULL REFUND on all unmailed issues.

To order, send payment to: FOREIGN AFFAIRS SUBSCRIPTION SERVICES,
P.O. Box 420190, Palm Coast, FL 32142-9970 U.S.A.
TEL: (386)445-4662 FAX: (368)446-5005 or EMAIL: ForAff@palmcoastd.com

All international orders must be prepaid, therefore, please make checks or international money orders payable to Foreign Affairs in US\$ only. We also accept MasterCard, Visa, and American Express as payment. Please allow 6–8 weeks for the delivery of your first issue.

www.foreignaffairs.org/ordernow

Альтруизм как национальный интерес

Кьелль Магне Бундевик

Дипломатические отношения между Норвегией и Россией были установлены ровно сто лет назад, после мирного расторжения шведско-норвежской унии (1814–1905). Однако, как справедливо гласит название совместной выставки, открывшейся в Санкт-Петербурге в апреле 2005-го, на неформальном уровне мы являемся «соседями уже тысячу лет». За все это время наши народы ни разу не воевали друг с другом. Мир на общей северной границе сохранялся даже тогда, когда по тем или иным причинам возникала политическая напряженность. Норвегия и СССР являлись союзниками в борьбе против нацизма, и мы никогда не забудем, что именно Советская армия освободила норвежскую провинцию Финмарк.

Пятнадцать лет тому назад развитие связей между обеими странами вступило в новую фазу, и можно с уверенностью утверждать, что никогда прежде между ними не устанавливались столь дружественные и

разносторонние отношения. Сегодня сотрудничество в области экологии, энергетики, трансграничный, культурный обмен и контакты между людьми так же важны, как военно-политические вопросы, доминировавшие до 1990 года. Обе страны богаты природными ресурсами; они вместе управляют рыбными ресурсами Баренцева моря, экономическое значение которого, равно как и значение всего северного региона, возросло. Нефтяные запасы в этих водах становятся все более существенным фактором, и это открывает перед двумя странами новые и многообещающие возможности, прокладывает путь к сближению.

Важной областью совместной деятельности, в которой участвуют также и другие страны «большой восьмерки», стало за последнее десятилетие укрепление ядерной безопасности на северо-западе России. На соответствующие программы Норвегия выделила 160 млн долларов. Мы намерены и впредь сотрудничать с

Кьелль Магне Бундевик — премьер-министр Норвегии.

Альтруизм как национальный интерес

Россией в вопросах снижения риска ядерных аварий, предотвращения загрязнения атомными станциями окружающей среды, чтобы не допустить попадания радиоактивных материалов и расщепляющихся веществ в руки злоумышленников. В этой связи особое значение придается сотрудничеству между теми российскими и норвежскими учреждениями, которые управляют этими объектами и контролируют их.

Сегодня сообща работают не только правительства — все большее число российских и норвежских компаний становятся партнерами в результате создания совместных предприятий или вследствие расширения торговли и увеличения инвестиций. Это относится прежде всего к нефтяной отрасли. Мы надеемся наладить еще более тесное сотрудничество на северных месторождениях, как норвежских, так и российских. Норвежским компаниям, за плечами которых тридцатилетний опыт освоения нефтегазовых ресурсов Северного моря (а это весьма сложный технологический процесс), есть что предложить России при разработке гигантского Штокмановского газового месторождения в прибрежных водах.

Норвегия и Россия — два из трех крупнейших мировых экспортеров нефти, а также основные поставщики природного газа на европейские энергетические рынки. По ряду причин — отчасти из-за неста-

бильности в основных нефтедобывающих регионах (Ближний Восток), отчасти из-за высоких цен на энергоносители — вопрос глобальной энергетической безопасности выходит сегодня на передний план во всем мире, а нефтедобыча в наших северных областях приобретает особое стратегическое и экономическое значение. В то же время обе

Норвегия выходит из союза со Швецией.
Шведская карикатура, 1905 г.

страны имеют на севере важные военные, политические и экологические интересы, которые также необходимо учитывать. Вот почему Норвегия приветствует более открытый и всеобъемлющий двусторонний диалог с Россией.

Кьелль Магне Бундевик

Договоренность о морской линии разграничения, соответствующая устоявшейся международной практике и принципам, позволит расширить сотрудничество, в том числе и в той географической зоне, что считается спорной. Норвегия готова продолжить переговоры, после того как в России завершится процесс пересмотра внутреннего административного деления.

Многосторонние организации

Региональные и субрегиональные структуры сотрудничества — это один из наиболее действенных механизмов укрепления мира и стабильности. Норвегия и Россия являются активными членами Совета Баренцева региона, Арктического совета и Совета государств Балтийского моря. В этих организациях мы работаем над региональной интеграцией и трансграничным сотрудничеством в таких областях, как здравоохранение, защита окружающей среды, миграция и пресечение контрабандной торговли.

Военно-политическое сотрудничество вышло на новый этап после того, как в ходе заседания Совета Россия — НАТО, состоявшегося в Вильнюсе в апреле 2005 года, Россия подписала Соглашение о формировании совместных сил в рамках программы «Партнерство ради мира». Со времени создания Совета Россия — НАТО наши отношения претерпели заметные изменения и в настоя-

щее время являются центральным элементом формирующейся евразийской архитектуры безопасности. Успех этого предприятия усилит нашу способность противостоять угрозам, исходящим от терроризма и наркоторговли, и реагировать на те вызовы, которые бросают нам такие проблемные регионы, как Афганистан, Центральная Азия и Кавказ. Мы с нетерпением ждем ратификации подписанного документа Госдумой, поскольку это проложит путь для активного двустороннего военного сотрудничества между Норвегией и Россией.

Важную роль в укреплении мира, стабильности, демократии и прав человека в Евразийском регионе играют Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и Совет Европы. Правда, не так давно ряд стран СНГ, включая Россию, критиковали ОБСЕ за несбалансированный подход, в частности за то, что она больше сосредоточивается на гуманитарных вопросах, нежели на военно-политических и экономических. В то же время западные страны упрекают государства СНГ за крен в противоположном направлении. Однако после «революции тюльпанов» в Кыргызской Республике стали поступать сигналы, указывающие на то, что обе стороны признают необходимость достичь соглашения о дальнейших действиях. Норвегия готова внести свой вклад в поиск сбалансированных решений, обеспечивающих действенную роль

Альтруизм как национальный интерес

ОБСЕ как в гуманитарных вопросах, так и в сфере безопасности.

Нет сомнений в том, что укрепление демократических институтов и прав человека в зоне ОБСЕ нуждается в международном сотрудничестве. Говорить о «компромиссе» между правами человека и безопасностью просто нелепо. Действия по защите прав человека должны идти рука об руку с мерами, направленными на повышение безопасности, точно так же как мирную дипломатию нужно сочетать с сотрудничеством в области развития. Сама история доказывает, что попытки добиться безопасности за счет демократии и прав человека обречены на неудачу.

На протяжении многих лет яблоком раздора между Россией и западными странами является конфликт в Чечне. Ситуация там сложна и неоднозначна. Группы террористов и экстремистов совершили страшные преступления, включая ужасающую бойню в Беслане. Террористические злодеяния нельзя оправдать ничем. Серьезные нарушения прав человека допускают все стороны. Это неприемлемо, равно как и попытки поддерживать сепаратизм или насильственное изменение границ. Подобно другим странам — участницам ОБСЕ, Норвегия привержена хельсинкскому Заключительному акту, мы решительно выступаем за суверенитет и территориальную целостность России, как на Северном Кавказе, так и в других регионах страны.

Норвегия продолжает выступать за мирное политическое урегулирование конфликта в Чечне и за предоставление гуманитарной помощи беженцам на Северном Кавказе. Мы помогаем российскому правительству в реализации плана возрождения региона: участвуем в строительстве новой школы в Беслане и восстановлении системы образования в Чечне. В этих вопросах мы сотрудничаем и со специализированными учреждениями ООН — ЮНЕСКО, Управлением по координации гуманитарных вопросов, Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев, а также с неправительственными организациями (НПО), такими, как Норвежский совет беженцев, Международный комитет Красного Креста и Красного Полумесяца, «Врачи без границ». Все они выполняют огромный объем работы в сложных условиях Северного Кавказа и нуждаются в помощи доноров, российских федеральных и региональных властей.

Норвегия как организатор мирного процесса

Норвегия принадлежит к числу крупнейших доноров международных программ развития. Ежегодно она направляет на эти цели (через специализированные учреждения ООН, неправительственные организации и механизмы двустороннего сотрудничества) почти 1 % своего валового внутреннего продукта, или приблизительно 2 млрд долларов.

Кьелль Магне Бундевик

Роль Норвегии как посредника, помогающего разрешать конфликты в различных уголках земного шара, является неотъемлемой частью общего международного процесса.

Установление мира и помощь в разрешении конфликтов — это логически оправданная цель внешней политики для таких небольших государств, как Норвегия. Ведь с нашей открытой экономикой мы зависим от событий, происходящих за пределами наших границ. Нам столь же важно защищать наши инвестиции в развитие и безопасность людей, проживающих в странах, с которыми у нас сложились партнерские отношения. Существует прямая взаимосвязь: бедность и отсталость повышают риск возникновения конфликта, а конфликты и отсутствие мира, в свою очередь, препятствуют устойчивому развитию.

Наше участие в мирном процессе принимает разные формы — от действий в ранге официального организатора переговоров, как, например, в Шри-Ланке и на Филиппинах, до спонсирования обходного канала связи для получения информации обеспечения секретных переговоров, например, на Ближнем Востоке. Вместе с другими государствами и международными организациями мы работаем в таких странах, как Судан, Эфиопия, Эритрея, Сомали, Колумбия и Гватемала.

Пять лет назад стороны, участвовавшие в шри-ланкийском конфлик-

те, обратились к Норвегии за содействием в проведении мирного диалога. Мы, естественно, выразили готовность помочь, и в 2002 году правительство Шри-Ланки и организация «Тигры освобождения Тамил-Илама» заключили соглашение о прекращении огня. Три года перемирия — это пока самый длительный со времени начала войны в 1983-м период воздержания от военных действий, позволивший спасти тысячи жизней.

В настоящее время прямые переговоры приостановлены, доверие сторон друг к другу проходит испытание на прочность в условиях неопределенной ситуации, сложившейся в области политики и безопасности. Однако после разрушительного цунами декабря 2004-го появился шанс на постепенное укрепление взаимного доверия сторон, от которых ожидаются совместные усилия по налаживанию каналов финансирования северных и восточных областей страны, пострадавших в результате природной катастрофы. Создание и реализация совместного механизма в этой сфере не только обеспечит справедливое распределение помощи на основе реальных потребностей местного населения, но и внесет вклад в создание благоприятного климата для мирных переговоров в долгосрочной перспективе.

Событие поистине исторического масштаба недавно имело место на африканском континенте: правитель-

Альтруизм как национальный интерес

ство Судана и представители Суданского народно-освободительного движения (СНОД) подписали всеобъемлющий мирный договор в Найроби. Он знаменует собой окончание одной из самых длительных и кровопролитных гражданских войн в Африке. Вместе с тем, однако, по-прежнему не разрешен конфликт в суданской провинции Дарфур, что вызывает всеобщую озабоченность. Эффективное урегулирование этого противоборства потребует новой формы национального строительства, основанной на справедливой системе разделения властей и распределения богатства между центром и периферией Судана. Следует также учитывать множество культурных, этнических, религиозных и исторических факторов. Мирный договор содержит схему такого урегулирования, и теперь именно от возможности ее применения к другим провинциям будет зависеть устойчивость мира в Судане. Помощь в реализации соглашения — главный элемент нашей политики на суданском направлении.

Наше участие в суданском мирном процессе, равно как и оказанная политическая поддержка, обусловлены нашими давними обязательствами по предоставлению этой стране гуманитарной помощи; кроме того, это результат усилий норвежских НПО, итог многолетнего сотрудничества образовательных учреждений наших государств. Действуя в гуманитарной области мы так

или иначе поддерживаем связь с обеими сторонами конфликта. При оказании гуманитарной помощи пострадавшим от войны южным провинциям были налажены тесные связи со СНОД, которые особенно пригодились правительству Судана во время решающего раунда мирных переговоров. Присутствие норвежской стороны было в равной степени полезно всем участникам конфликта, поскольку, выступая посредником между ними, мы излагали и разъясняли им позиции противной стороны.

Норвежское участие было согласовано в неформальной «тройке» — вместе с США и Великобританией, но поддержание мира и развития в Судане едва ли возможно без активного вовлечения в этот процесс и других государств. Первая международная конференция доноров Судана, прошедшая недавно в Осло и собравшая представителей более 60 стран и международных организаций, стала важным достижением на этом направлении. Доноры обязались выделить Судану 4,5 млрд долларов в период с 2005 по 2007 год.

Возобновление мирного процесса между Израилем и палестинцами давно уже не представлялось столь вероятным, как сегодня. Если Израиль выполнит свое решение вывести поселения из сектора Газа и уйти из четырех поселений на Западном берегу реки Иордан, то это, возможно, вернет мирному процес-

Кьелль Магне Бундевик

су былую динамику. Вместе с тем мировое сообщество должно твердо настаивать на том, чтобы уход из поселений осуществлялся в соответствии с планом «Дорожная карта».

Палестинским властям следует наращивать усилия по установлению полного контроля над всеми вооруженными группировками. Огромное значение имеет взаимопонимание, достигнутое недавно на встрече в Египте между представителями Палестинской национальной администрации и большинства палестинских военизированных организаций, в первую очередь движения ХАМАС, принявшего решение о своем участии в местных и парламентских выборах. Только политические меры могут принести мир на Ближний Восток. Надо демонтировать террористическую инфраструктуру и собрать все оружие.

Руководителям конфликтующих сторон предстоит справиться с задачами огромной трудности. Им придется учитывать внутреннюю ситуацию и преодолевать сопротивление: есть слишком много желающих остановить мирный процесс или пустить его под откос. Однако важно воздерживаться от действий, которые могут принести краткосрочную политическую выгоду и одновременно нанести урон долгосрочному продвижению к цели.

Мировое сообщество не имеет права упускать эту новую возможность и обязано поддержать стороны

в их усилиях по оживлению мирного процесса. Необходимы согласованные, целенаправленные шаги со стороны четверки посредников, и здесь решающую роль должна сыграть Россия наравне с тремя другими участниками «квартета» – США, ООН и Европейским союзом.

Мирный процесс усложняется такими существенными проблемами, как статус Западного берега реки Иордан и Восточного Иерусалима. Строительство стены на оккупированной палестинской земле и расширение поселений, ставящие под угрозу мирные переговоры, следует прекратить. Решения по принципу «Газа в первую и последнюю очередь» никогда не принесут мир на Ближний Восток. События на Западном берегу реки Иордан и в Восточном Иерусалиме относятся к числу приоритетов в диалоге мирового сообщества с Израилем.

Тяжелое экономическое и гуманитарное положение населения Палестины представляет собой еще одну угрозу, поскольку бедность порождает экстремизм. Норвегия уже более десяти лет направляет усилия междунациональных доноров на поддержку палестинского сообщества и будет делать это впредь, поскольку такие меры являются важным компонентом поиска мирного решения.

Почему мы этим занимаемся

Нашу деятельность по налаживанию диалога в зонах конфликтов следует

Альтруизм как национальный интерес

рассматривать в более широком контексте: участие Норвегии в организации мирных переговоров вытекает из нашей давней поддержки руководящей роли ООН в деле обеспечения мира и безопасности. Предоставляя другим странам гуманитарную помощь и сотрудничая с целью развития, мы содействуем успеху и постоянству усилий всемирной организации.

Мы склонны поддерживать других ведущих игроков, уступая им приоритет в руководстве. В некоторых случаях, правда, Норвегия принимает лидерство на себя, но всегда — только по просьбе сторон, вовлеченных в конфликт.

Норвегия — терпеливый организатор. В нашей стране сложился широкий и давно устоявшийся консенсус относительно политики миротворчества. Так, участие в урегулировании шри-ланкийского кризиса последовательно поддерживалось тремя министрами иностранных дел, представлявшими три разные политические партии.

Особенно активно мы подходим к организации диалога между религиями, поскольку в последние десять лет значение религиозного фактора в международных делах неуклонно росло. Обычно то или иное вероисповедание не является единственной или главной причиной конфликта, но религиозные чувства зачастую эксплуатируются в политических целях. Религиозной идеей,

так же как и патриотической, легко злоупотребить, поскольку люди, выражая свой гнев, желания и даже цели, часто апеллируют к вопросам культа. Религиозные настроения можно использовать для того, чтобы прокладывать путь к политическому урегулированию конфликтов, мирному и устойчивому. Взаимодействие между лидерами различных конфессий и общин может в значительной степени содействовать установлению мира; оно способно углублять взаимопонимание и сотрудничество как внутри отдельно взятой страны, так и между разными странами и народами. И хотя религия часто считается источником проблем, на самом деле она в состоянии внести большой вклад в их решение.

Другой важный фактор в нашей деятельности — это акцент на сотрудничество с национальными и международными неправительственными организациями. Работая по всему миру на протяжении нескольких десятилетий, норвежские НПО накопили богатый опыт. Они хорошо знают прошлое и настоящее различных регионов, обладают эффективной сетевой структурой, а также навыками и умением, на которые мы можем опираться.

Партнеры уважают нашу беспристрастность. У Норвегии нет колониального прошлого, и нас не подозревают в том, что мы преследуем какие-либо скрытые политико-

Кьелль Магне Бундевик

экономические цели. Поскольку отдельно взятой стране трудно в одиночку добиться успеха, мы сотрудничаем с другими мировыми акторами. Это равносильно объединению нашего потенциала с возможностями других стран, чем обеспечивается необходимая поддержка процессам, в которые мы вовлечены.

Наконец, важный аспект нашего участия состоит в том, что мы считаем себя организаторами мирного процесса, а не миротворцами. Мы стараемся сделать все возможное, чтобы облегчить сторонам задачу подписания мирного договора, и поддерживаем их в этом, но необходимую волю к миру они должны проявить самостоятельно.

Одна из причин нашего стремления активно участвовать в мирном процессе заключается в том, что, подобно многим другим, мы осознаём свой нравственный долг — способствовать мирному разрешению конфликтов и тем самым улучшению жизни людей в других частях мира. Но нами движет не один лишь альтруизм. Норвегия кровно заинтересована в том, чтобы в разных частях земного шара воцарился мир. Сегодня, с одной стороны, уменьшается число межгосударственных конфликтов. С другой — мы являемся свидетелями нарастания внутренних конфликтов, и это привлекает к себе все большее внимание мирового сообщества.

Глобализация — обоюдоострый меч. Она оказывает положительное влияние, сближая страны с помощью торговых потоков, инвестиций, обмена информацией и идеями, создания новых возможностей для сотрудничества и совместных инициатив. Но вместе с тем намного быстрее распространяются теперь нестабильность и угрозы. Нелегальная миграция, организованная преступность и терроризм, болезни, ухудшение экологической обстановки — все это негативные последствия внутренних конфликтов, выходящих далеко за пределы их фактического очага.

Именно таким образом внутренние конфликты выходят на глобальный уровень. То, что вчера являлось гуманитарным кризисом, сегодня превращается в центральную проблему безопасности. Мирная дипломатия — один из инструментов, который используется нами для достижения мира. Но поиск мира — это во многом и вопрос предоставления помощи в развитии, обеспечения эффективного управления и уважения прав человека. Когда того требует ситуация, допустимо применение военных средств — но только в качестве крайней меры. Ни одна страна не может не испытывать на себе последствия глобализации, как положительные, так и отрицательные. Норвегия, подобно России и другим государствам, получает всеобъемлющую выгоду от расширения трансграничного взаимодействия и контактов. Но для осу-

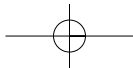
Альтруизм как национальный интерес

ществления демократического контроля требуется более тесное межправительственное сотрудничество. Чтобы успешнее разрешать конфликты и устранять связанные с ними международные угрозы, государства должны работать сообща — в двустороннем, региональном и многостороннем форматах.

Опыт Норвегии в том, что касается организации мирных процессов и предоставления помощи в развитии, показывает, что население бедных, раздираемых конфликтами стран в отсутствие надежды на лучшее будущее и в условиях безработицы более подвержено вербовке со стороны группировок и адептов идеологий, выступающих за насилие и вооруженное сопротивление. Рано или поздно эхо этих конфликтов докатится и до наших границ, превратившись в непосредственную угрозу жителям нашей

вполне процветающей страны, находящейся на первый взгляд в полной безопасности. Борясь с бедностью, загрязнением окружающей среды и болезнями, мы устраняем потенциально опасный очаг распространения ненависти, экстремизма и терроризма.

Конечно, нельзя не реагировать на политические и этнические обиды, но конфликты следует улаживать исключительно политическими и мирными средствами. Строительство мира и стабильности требует изрядной доли терпения, использования всех имеющихся в нашем распоряжении средств — дипломатических, политических и экономических. Только такой подход позволит обеспечить длительное, устойчивое развитие. Во имя достижения этой цели мы должны трудиться вместе. Норвегия и Россия — естественные партнеры на этом пути.

Ален Греш, главный редактор *Le Monde Diplomatique*:

Начало регулярной публикации в России статей из *Le Monde Diplomatique* – событие знаменательное. Сотрудничество с «Россией в глобальной политике» позволит пополнить круг изданий-партнеров нашего ежемесячника, выходящих по всему миру на двух десятках языков, в том числе на английском, арабском, греческом, португальском, японском, испанском и т.д. Масштабы нашей читательской аудитории свидетельствуют о стремлении людей лучше понять международную обстановку, сложившуюся по окончании холодной войны. Спустя пятнадцать лет после падения Берлинской стены надежды на установление нового мирового порядка уступили место представлению о мире, который становится все более опасным в силу войн, терроризма и экологических угроз. Из месяца в месяц мы стараемся объяснять читателям, что именно представляет собой новая реальность с точки зрения всемирной перспективы. Мы надеемся, что позиции, отстаиваемые нашим ежемесячником, обогатят необходимую дискуссию о будущем России, ее месте в процессе глобализации и взаимоотношениях с остальным миром. И верим, что Европа наконец станет «общим домом» для всех народов континента.

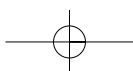
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ШПИОНАЖ — тайное оружие великих держав

Али Лауди

Гул этой войны не слышен за раскатами войны другой – борьбы Добра со Злом, начавшейся 11 сентября 2001 года, и множество жертв, которые она уносит, – это не павшие на поле боя, не раненые, а безработные, инвалиды труда, изгои общества. Она наносит ущерб даже

общественным устоям государства. Речь идет об экономической войне; ее ключевые фигуры – это предприятия, нередко пользующиеся поддержкой государства. Воины-бизнесмены привыкли пренебрегать правилами торговли и глумиться над общепринятой моралью, их

Али Лауди – журналист и ассоциированный научный сотрудник Института международных и стратегических отношений (*IRIS*), автор книги «Секреты экономической войны» (*Secrets de la guerre économique. Paris: Seuil, 2004*). Данная статья опубликована в газете *Le Monde Diplomatique*, №5 за 2005 год.

Экономический шпионаж — тайное оружие великих держав

единственная религия — рост доходов. В данном конфликте царит вседозволенность, утверждает в своем докладе Национальному собранию Франции депутат от департамента Тарн Бернар Карейон, составивший список новейших методов ведения этой войны.

Самый модный из таких методов предполагает использование в корыстных целях так называемых международных судебных поручений (МСП). МСП позволяют обращаться к правосудию третьей страны с ходатайством о возбуждении следственных действий на международном уровне. Хитрость в том, что в состав комиссии, занимающейся тем или иным МСП, внедряется «нужный эксперт» с целью извлечь необходимую стратегическую информацию о подследственной компании. В качестве наглядного примера депутат приводит следующий случай. В связи с авиакатастрофой итальянское правосудие направило МСП в отношении некоего французского конструктора авиационных двигателей. Как сообщает Карейон, «представитель судебной власти Франции обратил внимание на подозрительное поведение итальянского эксперта, который, пользуясь своим статусом, пытался заполучить секретную документацию, касающуюся всех двигателей компании, в то время как предметом разбирательства был лишь один двигатель. Узнав об этом от своего французского коллеги, итальянский

судья принял решение об отзыве эксперта, который ко всему прочему оказался сотрудником итальянского концерна, непосредственно конкурирующего с данной французской компанией...»

В своем докладе парламентарий приводит еще один характерный пример подобных «приемов». «Служба безопасности одного из ближневосточных аэропортов конфисковала портативные компьютеры у ответственных руководителей самолетостроительной компании, прилетевших в данную страну с деловым визитом». Таможенники объяснили свои действия тем, что обнаружили в ноутбуках следы неизвестного порошка. «Подобная практика, осуществляемая под предлогом борьбы с терроризмом, — настаивает депутат, — судя по всему, не является чем-то чрезвычайным для данного аэропорта (в отчете название аэропорта не указано. — **Ред.**) и служит плохим прикрытием для фактов экономического и научно-технического шпионажа». Как правило, по прошествии нескольких недель ноутбуки возвращают, но уже без файлов.

Вооружение и фармацевтика, транспорт и сельское хозяйство, пищевая промышленность и высшее образование... Практически все сферы экономики страдают от шпионажа. От него невозможно укрыться. Видимо, даже стратегические компании, деятельность которых носит смешанный, военно-гражданский,

Али Лауди

характер, недостаточно защищены от подобного рода угроз.

В ходе приватизации в октябре 2004 года СМИ уделяли много внимания компании *Snecma* — европейскому лидеру в области авиационных двигателей. Однако в прессу — и это настораживает — так и не просочилось никакой информации о неприятностях ее дочернего предприятия *Messier-Dowty*, ставшего осенью 2001-го жертвой одного загадочного происшествия.

Завод *Messier-Dowty*, расположенный в Бидосе (департамент Атлантические Пиренеи, Франция), доминирует на мировом рынке колесных шасси и обслуживает как гражданскую, так и военную авиацию. Седьмого ноября 2000 года внезапно исчезают две детали шасси последней модели боевого самолета, принадлежащей концерну *Dassault*. Эта модель — *Rafale Marine* — в скором времени должна была поступить на вооружение французского флота, и пропавшие детали, а именно кессон и поворотная стойка переднего шасси, относились к разряду стратегических, что не могло не заинтересовать Дирекцию территориального надзора (ДТН, французская контрразведка). На заводе провели тщательный обыск, проверили каждый кузов, допросили сотрудников компании *Périsse*, ответственной за вывоз мусора. Поскольку детали могли по ошибке попасть на соседнюю свалку, проверили и ее. Ни малей-

шего следа. Тогда дирекция завода заявила об ошибке диспетчера, координировавшего деятельность поставщиков и подрядчиков. Однако секретный отчет, составленный 27 ноября 2000 года по результатам внутреннего расследования, опроверг возможность такой ошибки. «Подобные случаи крайне редки, и, как правило, если перевозчик получает груз, который ему не предназначен, он заявляет об этом в течение 48 часов; таким образом, отсутствие какой-либо информации по истечении трех недель после инцидента выглядит странно», — заключает Карейон.

Сегодня *Messier-Dowty*, *Snecma* и *Dassault* по-прежнему стоят на своем: детали, мол, были отправлены на свалку. Однако этот вывод противоречит данным, приведенным в вышеуказанном отчете. Профсоюзы завода в Бидосе не желают высказываться по этому «слишком деликатному и выходящему за пределы их компетенции» вопросу. Такую же сдержанность проявляют и представители Дирекции территориального надзора, где, хотя и сожалеют о том, что *Messier-Dowty* и особенно *Snecma* оказали недостаточное содействие следствию, подчеркивают, что данное дело не является для них «приоритетным». Иными словами, проблеме похоронили...

Однако даже теперь, через три года после тех событий, по-прежнему распространена версия о краже, ор-

Экономический шпионаж — тайное оружие великих держав

ганизованной государством-союзником. На предприятии и в службах безопасности упоминалось даже о русском или американском следе, но эти крайне взрывоопасные предположения были сразу отвергнуты из опасения навлечь поток дипломатических неприятностей.

И все же некоторые придерживаются версии экономического шпионажа и недвусмысленно указывают на «наших заокеанских друзей». Похоже на паранойю, но, возможно, все не так просто. Тем более что некоторые новые данные лишь усиливают подозрения. Через несколько месяцев после таинственного исчезновения авиационных деталей в Бидосе в хранилище архивов *Messier-Dowty* наведались ночные гости. «Бизнес-шпионы» похитили микрофильмы, содержавшие ряд производственных секретов. Кроме того, в июле 2003 года был зафиксирован факт хищения четырнадцати компьютеров, принадлежавших инженерам — разработчикам военно-транспортного самолета А400М, о чем депутат Карейон также рассказал в своем докладе, правда не называя предприятия, где произошла кража. Дело приняло настолько серьезный оборот, что тогдашний министр внутренних дел Николя Саркози потребовал объяснений.

Спрашивается, кто же так настойчиво интересуется этой авиационной программой? В очередной раз французские специалисты в об-

ласти экономической разведки указали на американских конкурентов, создателей С-17 (компания *Boeing*) и С-130 (*Lockheed Martin*). Но обвинение осталось лишь предположением, так как никаких формальных улик против этих зарубежных компаний не нашли.

Президент — генеральный директор *Snecma* Жан-Поль Беша, приглашенный в Комиссию по экономическим делам Национального собрания Франции, по словам ряда депутатов, сообщил законодателям 12 мая 2004 года, что «детали шасси самолета *Rafale Marine* — обыкновенный металлолом». Получается, таким образом, что речь идет о предприятии — мировом лидере, имеющем штат в 2 900 сотрудников, с торговым оборотом в 589 млн евро в 2002-м и производящем «металлолом».

Между тем именно шасси, известное как «шасси-прыгун» ввиду его превосходных амортизационных характеристик, позволило *Messier-Dowty* занять ведущие позиции в данной области. Шасси, к примеру, позволяет истребителю с бомбами на борту совершить абсолютно безопасную посадку на авианосец даже в условиях волнения моря (допустимые колебания уровня воды исчисляются в метрах).

Однако ставки столь велики, что интерес к производству передового оборудования, как таковому, отходит на второй план. Ведь речь идет ни много ни мало об освоении ключе-

Али Лауди

вой технологии будущего — цифрового моделирования. Колесное шасси — это чрезвычайно сложная система, в частности, в плане сопротивления материалов. *Messier-Dowty* и *Snecma* разрабатывают композиты из органических материалов или специальных титановых сплавов и антикоррозионной стали. Производство каждой детали шасси требует иногда до 50 различных операций. Достаточно самой незначительной ошибки, чтобы поставить под угрозу жизнь пассажиров на наиболее ответственных этапах полета — при взлете и посадке. Поэтому необходимо сделать так, чтобы обеспечить безупречное выполнение каждой производственной операции. Моделирование всех операций производится с помощью цифровых расчетов, а соответствующие программы обработки данных требуют самых мощных и самых сложных в мире вычислительных кодов. Но результат стоит затраченных капиталовложений: цифровой имитатор значительно сокращает расходы на испытания и сроки изготовления. Тот, кто овладеет этой технологией, получит возможность использовать ее в любой отрасли промышленности — самолето- и автомобилестроении, атомной энергетике, строительстве и пр. Легко себе представить, каким образом такой «прорыв» повлияет на международную конкуренцию.

В целях создания данной технологии была предложена специальная

программа исследований, в которой участвовали специалисты *Messier-Dowty*, а также ряд ученых: Пьер-Луи Лион, Клод Ле Бри и Жан-Поль Бужо. Однако в 2003 году *Snecma* наложила вето на эту программу и предпочла обратиться с менее масштабной задачей к поставщику компьютерных услуг *Capgemini*.

Военные специалисты Межармейского колледжа обороны (*CID*) расследовали дело в отношении самолета *Rafale* и роль в нем цифровых технологий. В докладе, снабженном грифом «совершенно секретно», специалисты склоняются к версии экономического шпионажа и предупреждают государство о возможной утечке информации о данной передовой технологии. Пяти офицерам, авторам доклада, президент — генеральный директор *Snecma* запретил вход на объект в Бидосе, хотя руководство *Messier-Dowty* ранее предоставило им разрешение посетить завод. А в тот самый момент, когда перед французскими офицерами закрывали двери, американцы проводили на предприятии аудиторскую проверку. *Boeing* решил заказать шасси для своего будущего самолета 7E7 у *Messier-Dowty*...

И последнее уточнение: в начале 1990-х годов Министерство торговли США при поддержке ЦРУ составило список из 22 передовых технологий, необходимых для экономической и военной безопасности страны. Видное место в нем занимают техноло-

Экономический шпионаж — тайное оружие великих держав

гии, связанные с производственными подходами к различным материалам.

История с *Messier-Dowty* свидетельствует о том, что многонациональные корпорации способны создать напряженность в межгосударственных отношениях. Даже государства — политические союзники остаются, несмотря ни на что, коварными экономическими противниками. После 11 сентября у Соединенных Штатов появился предлог для вмешательства в экономику других стран. Под видом борьбы с терроризмом Вашингтон пытается управлять всей международной транспортной системой.

В частности, США вынуждают авиаперевозчиков предоставлять (в нарушение европейских законов) практически полные данные о пассажирах трансатлантических авиарейсов. Шантаж очевиден: или предоставление данных — или штрафные санкции в размере до 5 400 евро за пассажира вплоть до отмены разрешения на посадку на территории Соединенных Штатов! Несмотря на протесты, Европейская комиссия уступила. Отныне американцы имеют доступ к большей части информации, указанной в знаменитых досье на пассажира (*Passanger Name Record, PNR*), состоящих из 40 пунктов: здесь и способ оплаты, и номер места, и контактный адрес, а также число попутчиков, состояние здоровья пассажира, режим питания, бронирование гостиницы...

Эта уступка со стороны Европейской комиссии не только создает условия для посягательства на личные свободы, но и влечет за собой тяжелые экономические последствия.

Кто может поручиться, что полученная информация никогда не будет использована, чтобы воссоздать, а потом и проанализировать картину перемещений высокопоставленных сотрудников и руководителей предприятий-конкурентов? Никто. Европа, таким образом, предоставляет Америке эффективный инструмент экономической разведки, причем в одностороннем порядке. Между тем, согласно директиве Европейского парламента и Совета Европейского союза от октября 1995 года, передача таких данных допускается лишь в случае, если третья страна «обеспечивает адекватный уровень защиты». В этой связи 21 апреля 2004-го Европарламент отказался высказать свое мнение по поводу данного соглашения, заключенного между Еврокомиссией и администрацией Буша. Евродепутаты решили даже вынести документ на рассмотрение Суда Европейских сообществ. В довершение всего американцы имеют прямой доступ к системе бронирования авиабилетов *Air France*, в то время как для французских служб безопасности аналогичная возможность закрыта.

Более того, в настоящий момент два инвестиционных фонда из англоязычных стран, *BC Partners* и

Али Лауди

Civen, заинтересовались фирмой *Amadeus*, обеспечивающей бронирование авиабилетов трех компаний (*Air France*, *Iberia* и *Lufthansa*), которые основали ее в 1987 году. Совсем недавно структура капитала фирмы *Amadeus* претерпела изменения.

Lufthansa уже уступила часть своих акций, а *Iberia* подтвердила готовность пойти по тому же пути. Что касается *Air France*, которой принадлежит 23 % капитала и 43 % голосов в совете директоров, то она также рассматривает подобную возможность, но уточняет при этом, что «намерена остаться весомым акционером». Эти уступки свидетельствуют о полном отсутствии торговой стратегии. Кто может воспрепятствовать новым владельцам фирмы *Amadeus* перенести свою деятельность в такой регион, в котором защита личных данных пассажиров не является настолько важным делом?

Та же схема действует и в области морских перевозок: здесь также предпочтение отдается ультимативным методам. Для обеспечения собственной безопасности американцы вынудили крупные порты подчиниться их требованиям. Судам же, приписанным к «строптивым» портам, запрещалось швартоваться в портах США. Два американских таможенника ежедневно обследуют суда в Гавре и Марселе. Та же картина наблюдается в Алжире и других крупных портовых городах. «Даже я, чиновник Министерства транспорта,

не имею свободного доступа к портовым сооружениям», — пожаловался один из специалистов.

Угроза суверенитету

Еще одна инструкция, навязанная портовым администрациям, обязывает их ежедневно направлять в американскую таможенную службу список судов, отплывающих в США, а также всю информацию, касающуюся их грузов. При том что торговые суда зачастую делают остановку в США по пути в Южную Америку, можно представить себе, скольких из них затронет эта односторонняя мера. Благодаря подобным спискам и работающим во Франции таможенникам перед американцами открывается широкая панорама сведений, позволяющих судить о состоянии торговых связей Франции и прочих стран-экспортеров.

В данном случае действие надзора за морскими грузовыми перевозками выходит далеко за пределы контролируемой сферы. Он непосредственно затрагивает и ставит под угрозу суверенитет государств. В ближайшие несколько месяцев должно быть принято решение о введении нормы *ISO TC 204*. Речь идет о настоящей революции в области транспорта, которая позволит отслеживать происхождение грузов, случаи комбинированного использования нескольких видов транспорта (воздушного, морского, железнодорожного и автомобильного), а также взаимодейст-

Экономический шпионаж — тайное оружие великих держав

вие систем. И все это благодаря новым информационным и коммуникационным технологиям. Одним словом, норма *ISO TC 204* — настоящей «цербер» международных транспортных потоков, способный отслеживать передвижение любого товара по всему миру.

Однако лишь две страны, США и Франция, целиком владеют промышленной и технологической цепочкой, позволяющей создать глобальную систему надзора. Эти страны не только производят корабли, самолеты, поезда, грузовые автомобили, но и освоили ряд коммуникационных технологий: глобальную систему мобильной связи (*Global System for Mobile communications, GSM*); протокол, предназначенный для интернет-распространения информационных материалов (*Wireless Application Protocol, WAP*), так называемую технологию *GPRS (General Packet Radio Service*, дает пользователям возможность одновременно производить телефонные звонки и передавать данные), универсальную систему мобильных телекоммуникаций (*Universal Mobile Telecommunications System, UMTS*), электронную маркировку, мощные серверы и пр. Франции не хватало лишь спутниковой системы локализации. Отсюда и европейская программа «Галилео», которая угрожает американской монополии *GPS*.

В этой битве, которая не ограничивается французско-американским

соперничеством, свирепствует лоббирование. Оно стало непременным элементом различных форумов, созываемых для принятия нормы *ISO TC 204*, в частности, в рамках так называемых рабочих групп, которые, как предполагается, должны формироваться исключительно из профессионалов. «Мы подозреваем, что англоязычные страны направили туда чиновников, выдавая их за специалистов», — утверждает близкий к деловым кругам источник.

Среди юристов также ведется безмолвная война, в которой право превратилось в весомый фактор влияния в мире. В результате — противостояние нескольких юридических традиций: англосаксонское право («обычное право»), французское, германское гражданское право, мусульманское право... Первые два, пользуясь значительным перевесом в мире, превратились в мощные орудия на службе государств, пытающихся экспортировать собственную модель. «Поскольку в экономической сфере первостепенной задачей права становится обеспечение безопасности внешнеэкономических операций, контроль над разработкой юридических норм означает для государства-экспортера также и возможность завоевывать рынки и способствовать экономическому подъему своих национальных предприятий», — поясняет парижский адвокат Эмманюэль Рауль.

Али Лауди

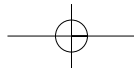
По ее мнению, чаша весов склоняется не в пользу французской юридической системы, в том числе в зоне влияния Франции. Обеспокоенность по данному поводу нашла отражение в отчете Государственного совета, опубликованном в сентябре 2001-го. О том же говорилось в одном из документов Всемирного банка за 2004 год. Подчеркивая, что рынок предпочтительнее нормативной регламентации, Всемирный банк, как крупный кредитор, отмечает, что «регламентирующие нормы менее всего вводятся странами, применяющими “обычное право”, а больше всего — государствами, соблюдающими французскую юридическую традицию».

Предмет этого экономического, мягко говоря, противостояния очевиден: это прежде всего информация. Отличающиеся крайней чувствительностью такие отрасли, как страхование, банки, аудит и консалтинг, являются крупными потребителями информации стратегического характера. С начала 1990-х годов Институт изучения внутренней безопасности (*Ihesi*), который на самом деле наименее склонен недооценивать самые разные «угрозы», обратился к этой теме и составил два отчета, до сих пор секретных, о системах страхования и подбора кадров. В этих документах специалисты института предостерегали предприятия и государственные власти от «монополизации»,

которая часто используется англоязычными странами как способ получения доступа к самой закрытой информации французских и европейских предприятий.

В настоящий момент беспокойство вызывает положение дел в сфере аудита и консалтинга. И здесь, как заявляют эксперты экономической разведки, основные компании концентрируются в руках американцев. А ведь эти компании располагают уникальной информацией о состоянии предприятий. После приобретения американским *KPMG* фирмы *Salustro-Reydel* конкуренцию Соединенным Штатам обеспечивает лишь французский *Mazars*. Излишне говорить о недавней покупке концерном *Marsh and McLennan Companies* агентства *Kroll*, являющегося мировым лидером в области расследования коммерческих преступлений. В концерн уже входят крупный инвестиционный фонд *Putman*, а также ведущие в своих отраслях брокерская фирма *Marsh* и консалтинговая компания *Mercer*. Таким образом, консолидированный годовой оборот концерна составляет около 11,5 млрд долларов, благодаря чему *Marsh and McLennan Companies* считается глобальным лидером в сфере управления рисками.

В этой области есть и еще один фронт — на нем идет битва за правила международной отчетности. Недавно некоторые предприятия выразили недовольство попытками

В поисках доктрины...

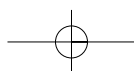
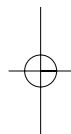
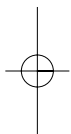
«Я не простодушен, но и не сошел с ума», – говорит высокопоставленный военный Дидье Лальман. Вот уже в течение пяти лет он, действуя в рамках Министерства экономики, изучает вопросы, связанные с экономической разведкой. Ему не нравится термин «экономическая разведка»: мол, слишком уж он ассоциируется со спецслужбами и тайными агентами; не по душе ему и понятие «экономическая война», поскольку оно пугает предпринимателей и политиков. Лальман предпочитает говорить об обусловленном глобализацией обострении экономической конкуренции – подходящее «политкорректное» выражение для вежливого мира чиновников.

Тем не менее господин Лальман призывает государство основательно заняться разработкой политики в этой области. После отчета Мартра (Анри Мартр координировал отчеты Генерального комиссариата планирования «Экономическая разведка и стратегия предприятий». – **Ред.**) в 1994 году и доклада депутата Бернара Карейона в 2003-м французские власти, похоже, всерьез заинтересовались этой темой. В декабре 2003 года Ален Жюйе, бывший заместитель руководителя Генеральной дирекции внутренней безопасности, был назначен советником по экономической разведке в аппарате премьер-министра. Жюйе стремился к тому, чтобы фактор экономической разведки учитывался всеми ведомствами. Его другой, более неотложной целью являлось составление списка стратегических отраслей экономики, от которых зависит суверенитет государства.

Среди европейских стран только Великобритания серьезно занимается вопросами противостояния экономической разведке. Французы стараются перенять их опыт лишь в течение нескольких последних лет. Что же касается остальных членов Европейского союза, то они с трудом вникают в суть проблемы, связанной с новыми параметрами международных отношений. Однако без единой Европы ни одна из стран континента не в состоянии бороться как со старыми, так и с новыми экономическими гигантами (США, Япония, Бразилия, Китай, Индия и др.), а отсюда и призыв к мобилизации усилий в Брюсселе.

В какой-то момент казалось, что Европейская комиссия намерена учредить должность верховного комиссара по промышленности и бизнесу, но этому воспротивился председатель Еврокомиссии Жозе Мануэль Баррозу. Что явилось причиной – ревность к возможной будущей популярности коллеги или же просто отсутствие веры в потенциал Европы как единой державы? Так или иначе, если сейчас говорят о создании европейской службы по борьбе с терроризмом, вполне уместно подумать об аналогичной структуре в области экономической разведки.

Le Monde Diplomatique

Али Лауди

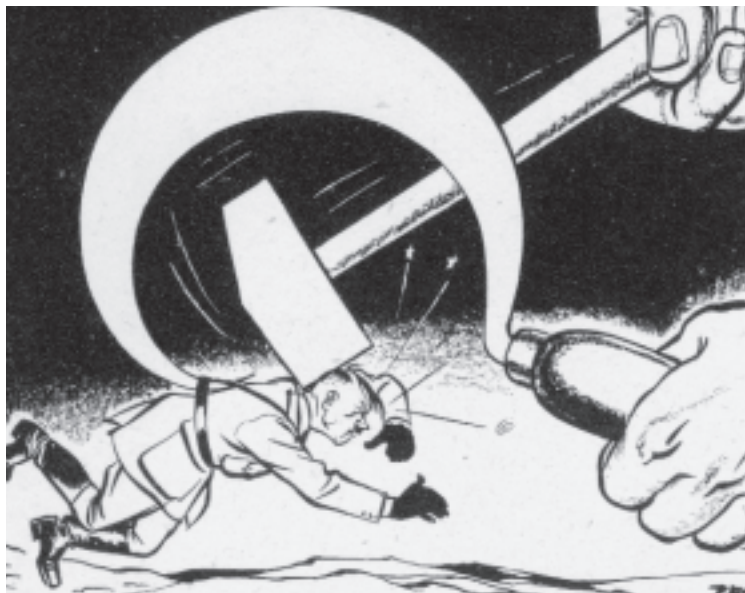
англоязычных стран навязать свои нормы через Международные стандарты финансовой отчетности (МСФО) — организацию, занимающуюся разработкой предложений в этой области. Президент МСФО Томас Джонс напрасно гордится независимостью и прозрачностью своей организации, подчеркивая, что пятеро из четырнадцати ее администраторов — европейцы. Он не уточняет, что десять из этих же четырнадцати — представители англоязычных стран, из них пятеро — американцы. «Европейские ревизоры и бухгалтеры-ревизоры, — пишут экономисты Кристиан де Буассье и Жан-Эрве Лорензи, — когда-нибудь поймут, что в общих интересах не только сохранить МСФО, но и расширить состав этой организации и сделать ее еще более прозрачной».

Бухгалтерия, транспорт, банки, аудит, страхование — везде бушует война норм. Американцы, зачастую выигрывающие сражения, стремятся, чтобы в мире, который они хотят создать по образу и подобию своей

страны, утвердился новый порядок. В этом смысл доктрины «Формирование мира», с которой выступил президент Билл Клинтон в своем ежегодном докладе о положении страны в 2000 году: «Для полномасштабной реализации возможностей нашей экономики мы обязаны выйти за пределы наших границ и подготовить условия для такой революции, которая сметет барьеры и сформирует новые связи между государствами и людьми, экономическими системами и культурами, а именно — для глобализации».

На самом деле, защищая собственные экономические интересы, каждая страна сражается за свою социокультурную модель. Холодная война завершилась падением Берлинской стены, но начинается новая война, война ценностей. Ни американцы, ни европейцы, ни азиаты, ни арабы, ни другие нации не имеют общего видения мира. Чтобы навязать собственные ценности путем формирования вкусов потребителей, нет средства более эффективного, чем рынок.

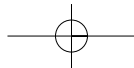
Война: прошлое и настоящее

Английская карикатура, 1942 год

“Ничто не свидетельствует о том, что агрессия в отношении «свободного мира», совершенная осенью 2001-го, отражена столь же эффективно, а противник разгромлен столь же убедительно, как в войне, закончившейся 60 лет назад”

Очень своевременный противник	<i>Владислав Иноземцев</i>
38	
Борьба за трансформацию военной сферы	<i>Макс Бут</i>
54	
Демократия и ядерное оружие	<i>Алексей Арбатов</i>
72	
«Бомба Гитлера» и взгляд из Москвы	<i>Райнер Карльш</i>
90	
Вторая мировая, которой не было	<i>Александр Кузяков</i>
101	

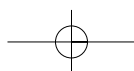
Очень своевременный противник

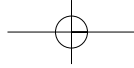
Владислав Иноземцев

В хронике разворачивающейся антитеррористической кампании 6 июня 2005 года — примечательный день. Не менее знаменательный, чем 29 июля 2005-го или 12 сентября 2007-го. Неужели между тремя этими датами существует связь? Да, существует. Первую отделяют от 11 сентября 2001 года столько же дней и ночей, сколько минуло за период от нападения Японии на Перл-Харбор до подписания ею акта о безоговорочной капитуляции на борту американского линкора «Миссури». Вторая дата отстоит от сентябрьских событий на такой же отрезок времени, который прошел между вторжением германских войск на территорию СССР и взятием Берлина. Третья же придется на окончание промежутка в шесть лет и один день — ровно столько продолжалась самая кровавая в истории Вторая мировая война.

При этом, к сожалению, ничто не свидетельствует о том, что агрессия в отношении «свободного мира», совершенная осенью 2001-го, отражена столь же эффективно, а противник разгромлен столь же убедительно, как в войне, закончившейся 60 лет назад. Устойчивого сокращения числа террористических атак в мире не наблюдается. Практически невозможно подсчитать, сколько средств расходуется в мире на борьбу с террористической угрозой. Но если предположить, что государства, противостоящие террору, тратят на эти цели 40 % прироста своих военных бюджетов, то соответствующие расходы за 2001–2004 годы составят не менее 400 млрд долларов. При этом события в данной исторической драме развиваются таким образом, что «все прогрессивное человечество» начинает сомневать-

В.Л. Иноземцев — д. э. н., главный редактор журнала «Свободная мысль-XXI».

Очень своевременный противник

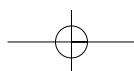
ся: действительно ли необходимо доводить до конца «правое дело», инициированное «коалицией решительных», и так ли уж искренни намерения составляющих ее государств?

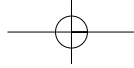
К сожалению, сегодня дело зашло слишком далеко. Тем важнее осознать, с чем мы все столкнулись, на что решились, каковы в сложившейся ситуации шансы на успех и у нас самих, и у тех, кого мы поспешно назвали (и стремительно сделали) своими врагами. Это необходимо всем нам.

ПОКАЖИТЕ МНЕ ВРАГА

Понятие «терроризм» не имеет однозначного толкования. Обычно его определяют как любые насильственные действия против гражданского населения, направленные на провоцирование паники и нагнетание чувства страха и незащищенности в обществе, дестабилизацию социальных институтов. По мнению экспертов Государственного департамента США, терроризм — это «предумышленное, политически мотивированное насилие, осуществляемое группировками субгосударственного уровня или нелегальными агентами против невоенных целей, чтобы воздействовать на соответствующую аудиторию». Между тем такое определение крайне редко применяется при оценке происходящих событий; намного чаще за терроризм выдаются преступные действия, которые, строго говоря, не могут и не должны рассматриваться в качестве проявлений террористической активности.

Так, ежедневно в репортажах из Ирака или с Северного Кавказа сообщается о таких «терактах», как подрыв автомобиля у ворот военной базы или расстрел из засады автомашины с военнослужащими. Подобные действия, однако, нельзя считать террористическими в прямом смысле слова, как, скажем, никогда не считались терроризмом вылазки партизан против оккупационных войск. Почему, например, убийство президента Чеченской Республики Ахмата Кадырова 9 мая 2004 года считается террористическим актом, а убийство германского протектора Богемии и Моравии Рейнхарда Гейдриха 27 июня 1942-го — успешной операцией сил Сопротивления? И если стало привычным говорить об убийстве народовольцами российского императора Александра II (1881) как об успехе террористов, то почему никто не рассматривает таким же образом убийство президента США Авраама Линкольна в 1865-м? И это далеко не все возможные вопросы.

Владислав Иноземцев

Как правило, к террору прибегают три типа политических сил, каждый из которых преследует свои цели.

Во-первых, это социальные движения, не имеющие широкой общественной поддержки; они применяют террористические методы, чтобы вызвать своими действиями бóльший общественный резонанс. Примерами могут служить «Народная воля» в России конца XIX века, а в XX столетии – итальянские «Красные бригады» в 1970-е годы, «Тупак Амару» в Перу в 1990-е и т. д. В большинстве случаев террористические вылазки не прибавляли этим группировкам симпатий граждан, и правительства успешно их подавляли.

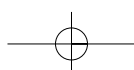

Русская бабушка-партизанка:
«Ребята, тут еще один не пробегал?»
Английская карикатура, 1942 год

Во-вторых, это движения меньшинств или угнетенных народов, стремящихся к независимости и самоопределению. Посредством террористических актов они пытаются заставить колонизаторов уйти с земли, которую считают исконно своей. Так действовали алжирские террористы во Франции в 50-е годы про-

шлого века, палестинские террористы в международном масштабе в 1960–1990-е, чеченские боевики в российских городах на протяжении последнего десятилетия. История показывает, что правительства в конце концов вынуждены идти на удовлетворение требований таких группировок.

В-третьих, это религиозные или квазиидеологические движения, целью которых является добиться либо невмешательства в дела тех или иных государств, регионов или религий, либо доминирования своих верований и идеологий над другими религиозными и общественными принципами. От первого, тоже идеологизированного типа они отличаются прежде всего масштабом деятельности и социальной поддержки, а также глубиной идеологических корней. К подобным движениям относятся исламские террористы, объединенные в организованные группы, такие, как, «Аль-Каида», ХАМАС, «Хезболла», «Ансар-аль-Ислам». В первую очередь «война с терроризмом» объявлена именно этим группам и организациям.

Очень своевременный противник

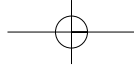
Противодействие каждому из названных типов терроризма обеспечивается по-разному. В первом случае это прежде всего максимально эффективное использование сил правопорядка и обычных механизмов борьбы с тяжкими правонарушениями. Террористическая организация, задумавшая, например, убийство известного политика, мало чем отличается от преступной группировки, замысляющей устранение лидера конкурентов. Второй случай более сложен, в частности потому, что Организация Объединенных Наций подтвердила «легитимность использования народами колоний, равно как и народами, находящимися под иностранным владычеством, любых имеющихся в их распоряжении методов борьбы за самоопределение и независимость» (резолюция Генеральной Ассамблеи № 2908 от 2 ноября 1972 года «О применении Декларации о предоставлении независимости странам и народам, находившимся под колониальным владычеством»).

Строгое же разграничение легитимной борьбы за самоопределение и того, что сегодня предпочитают называть сепаратизмом, вряд ли возможно. Поэтому основным «оружием» в борьбе с терроризмом второго типа оказываются переговоры со стоящими за ним политическими силами. В свое время ставку на переговоры делал и французский президент Шарль де Голль, решая алжирскую проблему, и английский премьер Тони Блэр в поисках мира в Северной Ирландии. Заметные успехи достигнуты в Испании: в Стране Басков уровень насилия за последние годы понизился в несколько раз. Активизировался и ближневосточный мирный процесс, что связано с приходом к власти нового палестинского лидера Махмуда Аббаса.

И наконец, борьба с третьим типом терроризма, наименее изученным и осмысленным, должна, очевидно, строиться прежде все-

Оккупанты чувствуют себя в безопасности...
Борис Ефимов, 1942 год

Владислав Иноземцев

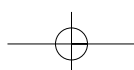
го на глубоком анализе целей и задач террористов, который, между тем, отсутствует у большинства «борцов против террора».

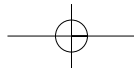
Итак, вооруженная борьба за самоопределение и национальную независимость, если даже в ней применяются методы, не предусмотренные конвенциями о способах ведения войны (как, например, на Западном берегу реки Иордан, в Чечне или Ираке), не может считаться террором. Не являются примерами терроризма и нападения на военнослужащих оккупационных армий. К террористической активности неправильно относить также отдельные насильственные акции, объектом которых оказываются военные или политические руководители «противника» (к примеру, обстрел багдадской гостиницы, где остановились американские чиновники). Ведь терроризм направлен против гражданского населения, то есть против тех, кто *не причастен к политике, спровоцировавшей действия террористов*.

Таким образом, *война с терроризмом* — это скорее миф, созданный современными политиками с целью найти оправдание своим агрессивным стремлениям. Мир нуждается не в объявлении войны непонятному врагу, а в первую очередь в изучении природы террористических движений, мотивов действий террористов, наконец, в определении того, каковы предпосылки устранения этого явления.

Сегодня главную угрозу западный мир усматривает в мусульманском терроризме. Атакуя 11 сентября 2001 года здания Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и Пентагона в Вашингтоне, боевики «Аль-Каиды», весьма вероятно, стремились тем самым восславить Аллаха и нанести удар по тем символическим центрам, откуда осуществлялось экономическое и военное вмешательство в дела «правоверных». Более конкретных целей они перед собой, скорее всего, не ставили. (Во многом именно поэтому службы безопасности США и других западных стран не смогли воспрепятствовать нападавшим. Не понимая намерения противника, нельзя предположить, где и каким образом будет нанесен удар.)

Однако последствия террористических актов 11 сентября оказались куда более масштабными, чем те, на которые надеялись их организаторы, движимые только слепой ненавистью к западному миру. Вторжение войск антитеррористической коалиции в Афганистан и — еще в большей мере — американская агрессия в отношении Ирака позволили лидерам «Аль-Каиды» представить «войну с терроризмом» как войну Запада с исламским миром, на что,

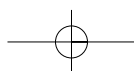

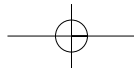

Очень своевременный противник

заметим, имелись веские основания. Как отмечает Джордж Сорос, «объявив войну терроризму и вторгнувшись в Ирак, президент Буш сыграл на руку террористам», и если террористы «ждали от нас той реакции, которая в действительности последовала, то, по-видимому, они понимали нас лучше, чем мы сами понимаем себя». Не менее крупной ошибкой развитых стран стала их готовность рассматривать происходящее на Северном Кавказе и палестинских территориях как битву на фронтах глобальной антитеррористической войны. Тем самым фактически оказались смешаны «в одну кучу» два совершенно разных процесса: с одной стороны, бескомпромиссная борьба исламских фундаменталистов с фундаменталистами западными, а с другой — очевидные, хотя и спорные с политической точки зрения, попытки чеченского и палестинского народов повысить степень своей автономии и суверенитета. Собственно говоря, не столько трагедия 11 сентября, сколько ответные действия Запада создали — практически из ничего — ту *глобальную «террористическую коалицию», которой развитой мир мало что может сегодня противопоставить*. Эта аморфная структура, а точнее, масса слабо связанных между собой полуавтономных группировок и движений, и есть тот «враг», против которого идет нынешняя «война».

Отсюда возникает, пожалуй, наиболее важный вопрос, которого всячески избегают апологеты «войны с терроризмом»: кто в этой «войне» выступает субъектом, а кто — объектом агрессии? Даже в наиболее сложном случае, ближневосточном, любой непредвзятый наблюдатель засвидетельствует, что Израиль подвергался нападениям со стороны своих арабских соседей, но в отношении палестинцев он сам оказывался агрессором. Следствие очевидно: еврейское государство борется сегодня не с египетскими или иорданскими, а с палестинскими террористами. В случае с Чечней дело обстоит так же: декабрьский указ 1994 года санкционировал ввод российских войск на территорию Чеченской Республики, что привело к многотысячным жертвам с обеих сторон. В ситуации с «Аль-Каидой» вряд ли правомерно вести речь об агрессивных действиях США, однако в то же время нельзя не признать, что с середины 1970-х американские военные базы находятся в Саудовской Аравии, Катаре, Бахрейне, Объединенных Арабских Эмиратах, Омане и многих других странах региона, а никак не арабские — вблизи Вашингтона. При этом большая часть

Владислав Иноземцев

нападений на граждан США в странах Ближнего Востока направлена против военнослужащих или работников официальных представительств Соединенных Штатов.

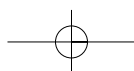
Таким образом, современный всплеск терроризма обусловлен тем, что арабский мир все сильнее ощущает враждебное отношение к исламу со стороны западной цивилизации, прежде всего в американской ее версии. Причем реакция западного мира на события 11 сентября 2001 года лишь способствовала появлению «единого антитеррористического фронта», подтолкнув экстремистов к сплочению.

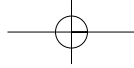
ПРИЧИНЫ АКТИВИЗАЦИИ ТЕРРОРИСТОВ

После террористических актов в Нью-Йорке и Вашингтоне западные политики и эксперты незамедлительно принялись искать причины, побудившие «Аль-Каиду» к столь внушительной демонстрации собственной силы. Практически сразу же прозвучали мнения о том, что активизация терроризма связана с усиливающимся экономическим разрывом между Севером и Югом; начались поиски корней терроризма в характере и специфических чертах ислама.

Однако истоки современного терроризма — не в экономическом неравенстве. Это становится очевидно при сравнении западного мира с наименее развитыми африканскими государствами: тропическая Африка в последнее время более известна кровопролитными внутренними войнами и этническими чистками, чем террористическими организациями. Из 261 террористической или военизированной организации только 64 приходится на этот регион, причем 30 из них действуют в Судане, Эфиопии, Эритрее, Сомали и Демократической Республике Конго, где продолжаются гражданские войны. Ни одна африканская террористическая организация не осуществляет терактов за пределами своей страны. Бедные страны Латинской Америки, где в 1970-е и 1980-е годы происходило наибольшее число террористических вылазок, также практически не участвуют в современном международном терроре.

В то же время исламский мир, который сегодня признан основным источником террористической угрозы, остается весьма богатым регионом, а наиболее известные международные террористы — это выходцы из вполне благополучных в материальном отношении слоев населения. Более того, сама террористическая деятельность обеспечивает ее участникам серьезные доходы (по некоторым оценкам, размеры так назы-

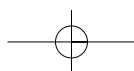
Очень своевременный противник

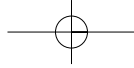
ваемой новой экономики террора (*the New Economy of Terror*) составляют до 1,5 трлн дол., или 5 % мирового валового продукта.

Точно так же современный терроризм не обусловлен политическим противостоянием двух частей мира. Под политикой сегодня, как правило, понимают активность, в той или иной мере связанную с действиями государственных институтов. Напротив, террористические движения всегда возникали как негосударственные структуры, и именно государства, как наиболее значимые символы власти, обычно оказывались объектом их агрессивных действий. Как подчеркивает, например, профессор Нью-Йоркского университета Ной Фелдмен, уже сами разговоры о «государственном терроризме» «решительно наводят на мысль и наглядно свидетельствуют о том, что употребляемое нами в обычном смысле понятие “терроризм” включает лишь негосударственное насилие». Эту точку зрения разделяет ныне большинство экспертного сообщества. Достаточно уверенно можно утверждать, что подобная ситуация сохранится и впредь: в условиях начавшейся «войны с террором» негосударственный характер террористических группировок обеспечивает им серьезные преимущества. Вместе с тем отождествление террористической организации с неким государством, напротив, грозит тому самыми тяжелыми последствиями (как произошло с Афганистаном).

На мой взгляд, основные причины современной волны терроризма кроются не столько в объективной реальности нашего времени, сколько в восприятии ее широкими массами населения, в частности, в мусульманском мире. Западная цивилизация, несомненно, доминирует на планете, но доминирует весьма специфическим образом — минимизируя свои контакты с теми, кто к ней не относится. Торговля со странами Африки, Ближнего Востока и Азии (исключая Китай и других азиатских «тигров») обеспечивает не более 9 % товарооборота Соединенных Штатов и государств Европейского союза. Более 2/3 стоимостного объема этой торговли приходится на нефть и нефтепродукты. Инвестиции США и ЕС в эти регионы поддерживаются на минимальном уровне: не более 1,8 % совокупного американского и около 4 % совокупного европейского объемов.

Сами арабские государства, начав в 1960-е бурную модернизацию, вскоре столкнулись с перспективой более «легкого» существования за счет экспорта нефти; те из них, которые недавно считались наиболее развитыми — Египет и Сирия, оказались в новой ситуации аутсайдерами. Запад, и в первую очередь США, ничего не сделал

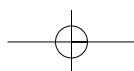

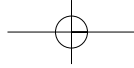
Владислав Иноземцев

для поддержки своих сторонников в этом регионе, предпочитая использовать тактику грубого нажима. В то же время культурное проникновение Запада шло в регионе не менее активно, чем повсюду в мире. Поэтому неудивительно, что местное население постепенно стало видеть в Америке враждебную силу — такую, которая поддерживает Израиль, укрепляет свое военное присутствие в регионе, проповедует образ жизни, всегда казавшийся недоступным большинству арабского населения, наконец, находится на стороне полуфеодалных режимов, не пользующихся большой поддержкой собственных подданных. Запад в глазах мусульман непобедим в военном отношении, недостижим по экономической мощи, но при этом пользуется их богатствами и сбивает их с пути, указанного предками. Сегодня часто цитируют знаменитую фатву Усамы бен Ладена от 23 февраля 1998 года, в которой говорится: «Убивать американцев и их союзников — гражданских и военных — личный долг каждого мусульманина», — но при этом забывают о том, что война американцам была объявлена «для того, чтобы их армии, потерпевшие поражение и неспособные угрожать мусульманам, убрались со всех земель ислама». В такой атмосфере людям проще пойти за толпой, чем сделать разумный индивидуальный выбор.

Население большинства государств арабского мира, безусловно, ставит коллективную самоидентификацию выше свободы индивидуального выбора. Связано ли это с исламскими традициями, на чем настаивают многие исследователи, для данного анализа не играет большой роли. Важнее то, что здесь Запад выступает в качестве той «чуждой» силы, противостояние которой сплачивает народы Ближнего Востока, еще не имеющие подлинной национальной идентичности. Более того, *чем активнее западный мир (и в первую очередь США) будет насаждать в этом регионе принципы личностной автономии и политической демократии, тем сильнее будет укрепляться исламская оппозиция и тем меньше останется шансов для того, чтобы западные ценности овладели умами и сердцами местного населения.*

Современный терроризм, разумеется, не сможет навязать западному миру пересмотр его основополагающих принципов; он, конечно же, не приведет к возникновению «всемирного халифата», о чем для красного словца заявляют некоторые исламские проповедники. Собственно говоря, террористы и не ставят перед собой таких задач и целей. Их стремления намного скромнее: они прежде всего хотят, чтобы Запад перестал устанавливать свои по-

Очень своевременный противник

рядки за пределами собственных границ. И эти требования, по сути, трудно не признать справедливыми.

ПРОГНОЗЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

На сегодняшний день Запад во главе с Соединенными Штатами, государством, превосходящим по мощи величайшие империи прошлого, пока не добился ощутимых результатов в борьбе с противником, который применяет против него «оружие слабых», то есть террор.

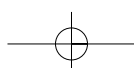
Способен ли Запад победить в этой так называемой «войне с терроризмом»? Какие последствия для всего мира будет иметь взаимная эскалация «террористического» и «антитеррористического» насилия? Сохранятся ли нынешние международные институты, или они станут жертвами (пусть даже случайными) этой схватки?

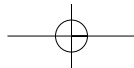
Эти вопросы, весьма актуальные, практически никогда не поднимаются идеологами «войны с террором». Во-первых, глобальный террор — новое, неисследованное явление для западных политологов и социологов. Кроме того, западные эксперты настолько уверовали в неизбежность распространения демократии в мире, в преобладание в человеческом сознании индивидуалистических стремлений, в торжество рационального начала над иррациональным, что это мешает им охватить весь комплекс проблем, порождающих современный мусульманский терроризм.

Во-вторых, сегодня не видно особой потребности найти ответы на многие актуальные вопросы. Для современной политики, предельно инструментализированной и в значительной мере лишенной стратегического видения, всплеск терроризма оказался, как ни кощунственно это звучит, весьма кстати. Политики, мыслящие «от выборов до выборов» формулами типа «кто не с нами, тот против нас», охотно воспользовались террористической угрозой для «дисциплинирования» населения, а также для манипуляции сознанием и симпатиями избирателей. Борьба с абстрактным «международным терроризмом» является для них превосходным средством продемонстрировать своему народу сложность решаемых задач, собственную активность и ответственность.

Если глубоко задуматься над перечисленными проблемами, окажется, что поводов для оптимизма немного.

У Запада очень мало шансов на победу. В первую очередь потому, что ему приходится иметь дело не столько с экстремистскими вылазками единичных бандитов, сколько с феноменом, за которым

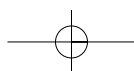
Владислав Иноземцев

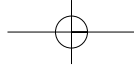
прежде всего стоит стремление народов к самоопределению или обретению собственной идентичности, то есть определенные цивилизационные ценности. Но история свидетельствует, что на протяжении второй половины XX столетия Запад *проигрывал все войны*, в которых противная сторона боролась за свою независимость или за возможность состояться как культурная общность.

Помимо этого население западных стран сегодня убеждено в том, что «демократия» (то есть западные представления о свободе и справедливом обществе) должна укорениться повсюду. Однако смириться с навязанными извне представлениями о свободе — значит перестать быть свободным самому, и этого на Западе, похоже, не понимают и не хотят понимать. Утверждая, что террористы — это враги свободы, западные лидеры безнадежно заблуждаются и вводят в заблуждение тех, кто следует за ними. Нет, террористы *борются не против свободы, а за свободу* своих народов не прислушиваться к чужим советам.

Здесь на память приходит один пример, прекрасно показывающий всю примитивность мышления американского политического класса, выступающего ныне лидером в «войне с террором». В 60-е годы прошлого века чернокожие американцы начали масштабную кампанию борьбы за отмену расовой сегрегации, утверждая, что ничем не отличаются от белых. Однако сорок лет спустя те же афроамериканцы настаивают на своей «особости» и требуют квот в университетах и налоговых поблажек, дополнительного финансирования социальных программ и т. д. И что? Правительство вводит систему *affirmative action* (речь идет о принятом в 2003-м решении Верховного суда США оставить в силе Программу позитивных действий, предоставляющую льготы, в частности, расовым меньшинствам. — Ред.), прямо противоречащую, как отмечают многие социологи, фундаментальным принципам либерализма. В 1960-е годы новые независимые страны тоже хотели быть «такими, как все». Но они потерпели неудачу и теперь апеллируют к собственной исключительности. Почему же американские политики, соглашаясь с претензиями собственных чернокожих на «особость», игнорируют аналогичные претензии со стороны арабского мира?

Кроме того, противодействуя Западу, террористы используют заимствованное у него же оружие. Так, главная, как считается, трудность борьбы с террористами обусловлена «сетевым» характером их структур, успешно противостоящих традиционной тактике армий и

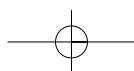

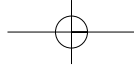
Очень своевременный противник

спецслужб. Но на самом деле террористы ничего не изобрели. Они лишь взяли на вооружение средство, с помощью которого стремящийся к экономической экспансии Запад не первый год повышает эффективность деятельности своих транснациональных корпораций. Разве не говорили в США и Европе с придыханием о долгожданном приходе «сетевого общества»? Оно пришло.

Таким образом, не осмыслены в должной мере ни цели террористов, ни их методы. Однако существует и гораздо более сложная проблема — мотивация террористического движения. Дело в том, что отдельные террористические акции, как правило требующие от их исполнителей самопожертвования, нередко являются не жестом отчаяния и не проявлением мужества, а актом личного спасения! Будучи религиозным фанатиком, террорист-смертник действует рационально — ведь убийство десятков «неверных» открывает ему прямую дорогу в рай, что для него гораздо важнее, чем деньги, которые могли быть обещаны его семье или близким. Тем удивительнее, что большинство «борцов с терроризмом» не устают говорить о гигантских суммах, идущих на финансирование террора, о множестве наемников, проникающих в Ирак или Чечню, а также о своих успехах в перекрытии каналов финансирования террористов. Между тем разрушение башен-близнецов вкупе с атакой на Пентагон обошлось его исполнителям не более чем в 500 тыс. дол., в то время как объемы возрожденной торговли опиумом в Афганистане исчисляются миллиардами, а российская помощь «законному» чеченскому правительству — сотнями миллионов долларов. Так что террористы борются отнюдь не за финансирование...

Современные террористы либо воспитаны в обстановке перманентной незащищенности и неуверенности в будущем, либо добровольно обрекли себя (что относится прежде всего к их лидерам) на жизнь в подобных условиях. Еще в 1993-м известный палестинский экстремист Абу Махаз пояснил: «Мы — террористы, да, мы — террористы, потому что это наша судьба». Усиление «лобовой» атаки на террористическое движение может только расширить его ряды и ожесточить его участников, возбуждая в них чувство религиозной и этнической солидарности. Большинство же граждан западных стран не намерены лишаться ни личных свобод, ни материального благополучия и потому будут поддерживать борьбу с терроризмом только до тех пор, пока она не окажется чревата серьезными политическими и экономическими потрясениями. Поэтому удары террористов

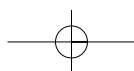
Владислав Иноземцев

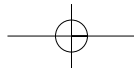
будут разваливать антитеррористическую коалицию; удары же по террористам — лишь укреплять их ряды.

Прошедшие с начала «войны с террором» почти четыре года показывают, что для поддержки этой войны населением западных стран необходимы весомые доказательства достигнутого прогресса. Пока еще такими свидетельствами могут служить свержение режима «Талибан», разгром лагерей «Аль-Каиды» и освобождение Афганистана, отстранение от власти Саддама Хусейна и оккупация Ирака войсками союзников. Однако эти достижения обошлись США и присоединившимся к ним странам в сотни миллиардов долларов, а дальнейшие перспективы туманны. Поток наркотиков из Афганистана растет, положение в Ираке не стабилизировалось, агрессивность США вызывает вполне понятное стремление других стран обеспечить себе доступ к ядерному оружию. Ситуация в Саудовской Аравии и в Пакистане, единственной мусульманской стране, обладающей оружием массового поражения, остается взрывоопасной. «Война с террором» приводит и к косвенным издержкам — от роста цен на нефть до кризиса на рынке авиаперевозок и туризма. Через некоторое время западный бизнес, пока еще радующийся новым военным заказам и увеличению государственных расходов на безопасность, ощутит, что инициированная американцами авантюра просто никому не выгодна. И террористам сегодня достаточно лишь поддерживать на Западе истерию, запущенную самими же западными лидерами, чтобы со временем увидеть крах их политики.

Кроме того, «война с террором» наносит ущерб единству западного мира. Так, американское вторжение в Ирак начиналось весной 2003 года в условиях беспрецедентного раскола мира на два лагеря — сторонников и противников кампании Соединенных Штатов. Давно назревшая реформа ООН, можно предположить, провалится именно по причине того, что в Соединенных Штатах, России и отчасти Великобритании к нынешним угрозам и вызовам относятся иначе, чем в континентальных европейских странах. Восприятие собственного государства в качестве «осажденной крепости», а остальных стран как звеньев разного рода «осей зла» непродуктивно и ведет лишь к расширению поля для конфликтов и противоречий.

Таким образом, новый раунд «войны с террором» закончится поражением Запада.

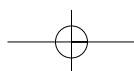
Очень своевременный противник

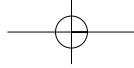
ИСТИННЫЕ ЦЕЛИ И НЕОТЛОЖНЫЕ ЗАДАЧИ

«Война с террором» не могла не начаться. Прежде всего потому, что политики во всем мире крайне нуждались во враге, отвечавшем ряду критериев. «Правильный», с точки зрения современных деятелей, враг — это тот, кто представляет собой опасность, кто не связан с ведущими западными странами. Его место там, куда можно наносить безответные удары; его нельзя увидеть; борьба с ним должна продолжаться бесконечно долго, а мера ее успешности — оставаться неопределимой; наконец, необходимость войны с ним должна оправдывать серьезные ограничения демократических прав собственных граждан, а увеличение расходов на нее не должно вызывать возражений у населения.

Все эти критерии идеально воплощены в «международном терроризме». В политике последних лет данное понятие сыграло ту же роль, что и понятие «глобализация» — в хозяйственной практике последних десятилетий. Если вспомнить историю, окажется, что до середины XX столетия взаимодействие между Европой и США, с одной стороны, и остальным миром — с другой, именовалось «вестернизацией», которая, как считалось, универсальна по своему временному характеру и географическому охвату. Причем модель технологического общества со всеми его атрибутами — от массового потребления до либеральной демократии — оценивалась как в принципе легко воспроизводимая и поэтому всеобщая. Однако эта «всеобщая» модель предполагала и ответственного за ее повсеместное насаждение — Запад. Тот факт, что именно в последние десятилетия зафиксирован невиданный рост мирового неравенства, не волнует адептов глобализации. Гораздо важнее иное: любую экономическую проблему можно сегодня объяснить объективным процессом глобализации и, как говорится, «умыть руки». Понятие «международный терроризм» дало политикам такой же инструмент ухода от реальности (и от ответственности), какой получили экономисты с появлением термина «глобализация». Было бы наивно полагать, что политики не воспользуются этой новой возможностью.

«Война с террором» — это то, в чем кровно заинтересованы правящие элиты и руководители всех без исключения вовлеченных государств — Соединенных Штатов и России, Великобритании и Польши, многих других. Им необходимо раздувание террористической угрозы и уничтожение все новых и новых террористов. (Причем именно уничтожение, как мы видели это на примере Аслана Масхадова, а не предание их гласному и справедли-

Владислав Иноземцев

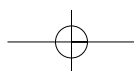
вому суду, о чем так много говорится.) Им требуется наращивание военных расходов и, как отмечалось выше, ограничение гражданских прав, а также многое другое... Так что этой войне не суждено завершиться быстро. Даже если антитеррористическая коалиция в ее нынешнем виде и прекратит свое существование (а в этом у меня практически нет сомнений), то сама «борьба» в разных ее формах будет продолжаться.

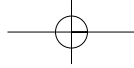
Но кровавые акции террористов, конечно же, не должны оставаться безответными. При этом в борьбе с террористической угрозой необходимо соблюдать несколько очевидных и неоспоримых правил.

Во-первых, нужно провести четкую грань между вооруженными формированиями, сражающимися за самоопределение и независимость своих народов, и террористами, действующими во имя идеологических и религиозных целей. Если в первом случае, как уже было сказано, наиболее эффективным средством решения проблем являются переговоры, то во втором переговорный процесс вряд ли возможен. Да в нем и нет необходимости — ведь требования террористов из «Аль-Каиды» или «Исламского джихада» не предусматривают политических договоренностей. Исламские экстремисты не представляют собой той политической силы, с которой возможны переговоры. Они не могут взять на себя внятных обязательств. Нет никакой возможности оказать на них давление при несоблюдении ими достигнутых договоренностей. В общем, все они — не сторона на переговорах.

Во-вторых, даже признавая необходимость отказаться от переговоров, нельзя утверждать, что конечной целью войны с террористами является их истребление. Чем активнее ликвидируются отдельные террористы, тем больше весь народ проникается целями и задачами их движения; примером тому может служить обстановка на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа, а также в Чечне.

Поэтому подходы к борьбе с терроризмом должны различаться в зависимости от того, где проходит «линия фронта». Если противостояние террору происходит на территории западных стран, теракты следует квалифицировать как тяжкое преступление — убийство или покушение на убийство с отягчающими обстоятельствами. Соответственно террористов надлежит обезвреживать, а в их организации — внедрять агентов; следует перекрывать каналы поступления к ним денег и оружия, а приток иммигрантов из стран, где располо-

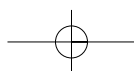

Очень своевременный противник

жены «основные силы» главных террористических организаций, — ограничивать. Мониторинг иммигрантов и выходцев из таких стран необходимо на определенный период времени признать хотя и неприятной, но вынужденной, а потому допустимой мерой. Об эффективности таких мер говорит пример США, где после 11 сентября 2001 года не зафиксировано ни одного террористического акта. И причиной тому — усилившиеся меры внутренней безопасности, а отнюдь не сокращение числа боевиков «Аль-Каиды».

Если же борьба с террором ведется за пределами Запада, требуется выработать и принять жесткие правила отношений с государствами, на территории которых активно действуют террористические группировки. Эти государства (а к ним, несомненно, относятся многие ближневосточные страны) должны быть лишены всякой помощи со стороны развитого мира; следует полностью отказаться от практики продажи им любых систем вооружения; предупредить о недопустимости обладания оружием массового поражения (причем, например, к Пакистану это относится даже в большей степени, чем могло бы относиться к Ираку), ограничить торговое и экономическое сотрудничество с ними и т. д. Если народы этих стран предпочитают сохранять свой образ жизни, традиции и религиозную «чистоту», им не нужно препятствовать. Напротив, показательное «отступление» Запада из данного региона при жестком недопущении перенесения исламского джихада на территорию развитых стран вызовет проблемы у самих мусульманских экстремистов, не имеющих никакой позитивной программы. Как показывает пример отстающих государств, наиболее эффективный способ дискредитировать популистские движения — позволить последним добиться провозглашаемых ими целей. «Бросив исламский мир на произвол судьбы», мы отнюдь не предадим идеалы свободы и гуманизма. Западные ценности будут усвоены не там, куда Западу хватит сил их донести, а там, где на них возникнет реальный и осмысленный спрос. Свобода важна не сама по себе — гораздо важнее завоеванная и выстраданная свобода. Пока мусульманские народы не ощутят потребность в западных ценностях, не возжелают свободы, навязать им их будет невозможно да и, замечу, не нужно.

Борьба за трансформацию военной сферы

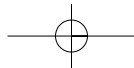
Макс Бут

ПЕРВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Стремление реформировать Вооруженные силы США, дабы превратить их в более гибкую и мобильную структуру, способную эффективнее использовать преимущества новых технологий и успешнее отвечать на новые угрозы, и впредь останется основным содержанием деятельности Доналда Рамсфелда на посту министра обороны. Вопреки (а возможно, и благодаря) враждебным чувствам, которые он навлек на себя со стороны Пентагона, Рамсфелд расшевелил закоснелую организацию, которая, будучи предоставлена самой себе, вероятно, предпочла бы до бесконечности разыгрывать сценарий войны в Персидском заливе.

Тем не менее продолжающиеся бои в Ираке свидетельствуют о пределах достигнутого Рамсфелдом. В войне с традиционным противником американской армии нет равных, и это она доказала весной 2003 года, совершив блицкриг и преодолев за три недели расстояние от Кувейта до Багдада. Значительно хуже дело пошло с тех пор, как она столкнулась с партизанскими формированиями. Несомненно, многие из нынешних проблем в Ираке связаны с тем, что Рамсфелд не направил туда достаточный военный контингент, а также в связи со слишком поспешным роспуском иракской ар-

Макс Бут — ведущий научный сотрудник Совета по международным отношениям, занимающийся изучением вопросов национальной безопасности, и член консультативной группы Объединенного комитета начальников штабов ВС США по трансформации. Работает над историей революционных изменений, происходивших в военной сфере в последние 500 лет. Опубликовано в журнале *Foreign Affairs*, № 2 (март — апрель) за 2005 год. © 2005 *Council on Foreign Relations Inc.*

Борьба за трансформацию военной сферы

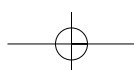
мии. Но они обнажают и более глубокие изъяны с точки зрения готовности США противостоять нетрадиционным угрозам.

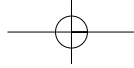
Многие ведущие политики и военные, несомненно,отреагируют на иракские проблемы, пытаясь избежать подобных конфликтов в будущем. После Вьетнама в обществе сложилось стойкое неприятие партизанской войны, нашедшее выражение в доктрине Пауэлла (примерный смысл доктрины: США не будут прибегать к военному вмешательству за границей, если прямо не затронуты их национальные интересы; в противном случае необходимо «подавляющее превосходство в силах и средствах» для достижения окончательной победы. — Ред.). После иракской войны независимо от ее исхода реакция будет столь же негативной. Большинство американских военных по вполне понятным причинам предпочитают концентрироваться на том, что у них получается лучше всего: побеждать традиционного противника в открытой схватке.

К несчастью, Америка не может предопределить характер своих будущих войн, поскольку он зависит и от противника, и чем очевиднее будет неспособность США противостоять партизанским или террористическим методам войны, тем чаще эти методы будут применяться. Существует предел эффективности «умных» вооружений в борьбе со скрытым противником. Достаточно вспомнить неудачные удары крылатых ракет по целям в Судане и Афганистане в 1998-м, которые лишь высветили слабое место Америки. Как показали уроки Афганистана, для достижения победы над терроризмом необходимо непосредственное присутствие в регионе и участие в национальном строительстве. Но именно это является самым слабым звеном в деятельности США по-прежнему оставляет желать лучшего, что было проигнорировано Рамсфелдом при составлении плана преобразований в области обороны. Укрепление этих сфер деятельности должно стать целью следующей стадии трансформации вооруженных сил, а продолжение этой перестройки — одним из основных приоритетов на второй срок президентства Джорджа Буша.

БРЕМЯ ИМПЕРИИ

Независимо от того, представляет ли собой сегодня Америка «империю» или нет, это страна с присущими ей интересами по всему миру, которые нужно защищать, у нее есть враги, с которыми приходится повсеместно вести борьбу. В этом отношении наиболее ярким примером того, как добиться эффекта малыми средствами, может по-

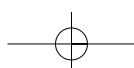
Макс Бут

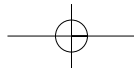
служить Британская империя. В 1898 году на службе Ее Величества находилась лишь 331 тысяча солдат и матросов, на оборону тратилось только 2,4 % ВВП, что значительно меньше, чем тратит сегодня Америка – 3,9 %. И столь ничтожных инвестиций было достаточно, чтобы обеспечить безопасность империи, занимавшей четверть территории земного шара.

Сильной стороной Британской империи (и с этой точки зрения ее сегодня проще всего взять за образец) являлись передовые технологии – результат промышленной революции. Королевский флот всегда был оснащен по последнему слову техники: к примеру, в XIX веке у него появились бронированные пароходы, способные вести огонь ракетными снарядами высокой взрывной силы. Армия империи обычно отставала от своих европейских соперников, но всегда решительно превосходила силы туземцев благодаря скорострельным пулеметам «максим» и магазинным винтовкам «Ли-Метфорд». Канонерские лодки и железные дороги обеспечивали транспортировку личного состава и провианта далеко в глубь негостеприимных территорий где-нибудь в Китае или Африке. Британцы широко использовали также телеграф и открытия в медицине, например хинин, спасавший от малярии, которая превращала тропические регионы в «могилу для белых».

Помимо развитых технологий британцы обладали еще тремя ключевыми преимуществами. Во-первых, армией, специально подготовленной для ведения колониальных войн. Не всегда превосходя противника в огневой мощи, они имели неизменное преимущество с точки зрения дисциплины и боевой подготовки. В битве при Ассайе в 1803-м Артур Уэлсли, будущий герцог Веллингтон, разбил индийцев, войско которых по меньшей мере втрое превосходило его силы по численности стрелков и имело в пять раз больше артиллерийских орудий. В 1879 году гарнизон из 140 человек сумел удержать оборону у Роркс Дрифт на юге Африки в жестоком бою против 4 тысяч зулусов. Все британские солдаты были волонтерами. Служили долго (до 1870-го 21 год, после – 12 лет), причем большая их часть все это время находилась за рубежом. Продолжительность срока службы и длительное пребывание на чужой земле делали из них грозных противников. Этому способствовала и полковая система: офицеры, как и рядовой и сержантский состав, проходили службу в одном подразделении, что сплачивало их и укрепляло дух боевого товарищества.

Во-вторых, британцы опирались на наемные войска из местного населения. Подавляющее большинство британской индийской

Борьба за трансформацию военной сферы

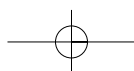
армии составляли индийцы, только офицеры и некоторые представители сержантского состава были британцами. Вплоть до 1931 года империя удерживала под своим контролем 340-миллионное население Индии силами присланного из Британии 60-тысячного полицейского и воинского контингента.

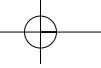
Третье — и, возможно, самое важное — преимущество Соединенного Королевства состояло в том, что на него работала славная когорта колониальных администраторов, секретных агентов и военных, многие из которых посвящали свободное время лингвистике, археологии или ботанике. Неустрашимые искатели приключений, такие, как Ричард Фрэнсис Бартон, Чарлз Гордон по прозвищу Китаец, Томас Эдуард Лоуренс (Аравийский) и Гертруда Белл, вживались в местную культуру и действовали в интересах империи самостоятельно, почти без подсказок со стороны Уайтхолла.

Конечно, следует учитывать и недостатки викторианской армии: это была замкнутая на себя, проникнутая духом снобизма система с полуграмотными солдатами и офицерами, которых больше интересовало поло, нежели профессиональная подготовка. Викторианская армия уступала первоклассной германской армии в доктринальном и технологическом отношении. К тому же она знала и поражения (первая из англо-афганских войн), и позор (Крымская и Англо-бурская войны). И все же немногим армиям в истории удалось превзойти эту в искусстве ведения малых войн.

В том, что касается ведения высокотехнологичной войны, Соединенные Штаты демонстрируют сегодня значительно более серьезное превосходство, чем Британская империя в XIX веке. Благодаря богатому арсеналу продвинутых систем атаки, наблюдения и коммуникации, Америка, не страшась возмездия, может наносить бомбовые удары по объектам в любой точке планеты, контролировать пространство любого океана, перебрасывать войска в любой регион и одерживать победы почти над любой армией. Но что касается далеко не новой практики национального строительства и антиповстанческой деятельности, то в этом США отстают как от викторианской, так и от современной Англии.

Трансформация американских Вооруженных сил, направленная на устранение этих недостатков, — не вопрос инвестиций в дорогостоящую военную технику (наиболее предпочитаемый Пентагоном способ решения проблем). Для того чтобы перенять некоторые стратегии британцев, понадобится ряд организационных

Макс Бут

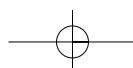
и культурных изменений. Это, в свою очередь, потребует реформировать систему личного состава, не менявшуюся со Второй мировой войны, а также организационную структуру, оставшуюся с эпохи Наполеоновских войн. Обе они настолько задавлены бюрократической машиной, что становятся помехой для применения американскими Вооруженными силами своего основного навыка — отражать угрозы.

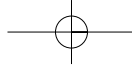
В военной сфере США уже проводят некоторые безотлагательные изменения в связи с их военным опытом в Ираке, но предстоит сделать гораздо больше. Настоящим испытанием для администрации Буша на второй президентский срок будет дальнейшее преодоление препятствий, чинимых не только инстанциями, от которых иного ждать не приходится, — учрежденческой бюрократией, оборонными подрядчиками и их союзниками на Капитолийском холме, — но и теми из «поборников преобразований», которые излишне уверовали в новые технологии. Пентагон следует не только реформировать, но и теснее интегрировать с другими правительственными структурами, такими, как ЦРУ и Госдепартамент. Как ни обескураживающе выглядит эта задача, особенно учитывая продолжающуюся войну, ее необходимо решать.

БОЛЬШЕ ВНИМАНИЯ НЕТРАДИЦИОННЫМ МЕТОДАМ

Прежде всего следует сосредоточиться на обучении и оснащении пехотных подразделений для ведения нетрадиционной войны. Эффективность антиповстанческой и миротворческой деятельности зависит от численного состава армии. Танки и бронемашин обеспечивают жизненно важную поддержку, а высокотехнологичные системы разведки и наблюдения и высокоточные средства поражения обеспечивают ряд существенных преимуществ. Но в конечном итоге, обеспечение порядка среди гражданского населения требует использования солдат для полицейского патрулирования улиц, нынешнего же контингента для этого далеко не достаточно.

На пехоту приходится лишь 4,6 % от общего состава регулярных войск. Сухопутные войска насчитывают 51 тысячу человек, численность Корпуса морской пехоты не превышает 20 тысяч. (В США примерно столько же флористов.) Даже в случае принятия Министерством обороны решения о резком увеличении воинского контингента в Ираке (шаг, по мнению многих экспертов, совер-

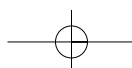

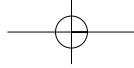
Борьба за трансформацию военной сферы

шенно необходимый) было бы крайне трудно изыскать соответствующие людские ресурсы. В настоящее время личный состав регулярных войск выматывается в бесконечных передвижениях по Афганистану и Ираку. Национальной гвардии и резервистам сегодня тоже приходится нелегко. Жизненно важная техника, например боевые машины *Humvee* и вертолеты, изнашивается от непрерывной эксплуатации в жестких условиях. Устают и люди, которые обслуживают эту боевую технику. Многие офицеры обеспокоены надвигающимся кризисом с набором новобранцев и продлением контрактов со старослужащими.

Отсюда необходимость пополнения кадрового состава американских Вооруженных сил, особенно в Сухопутных войсках, численность которых в 1990-х годах была сокращена более чем на 30 %. Буш и Рамсфелд категорически отказываются пополнять на постоянной основе военные кадры. Вопреки очевидному они настаивают на том, что возросшая потребность в размещении контингентов за рубежом — явление временное. Вместо этого Рамсфелд планирует привлечь военнослужащих, занимающих более низкие должности, к полицейскому патрулированию, службе в разведке и работе с гражданским населением, временно увеличив численность Сухопутных войск на 30 тысяч человек и назначив гражданских лиц на ряд должностей, занимаемых военными. Таким образом он надеется увеличить число регулярных бригад Сухопутных войск с 33 до минимум 43.

Подобные меры следует только приветствовать, но они напоминают накладывание пластыря на открытые раны солдата, причиненные губительной интенсивностью операции. Личный состав американских Вооруженных сил должен возрасти, как минимум, на 100 тысяч человек, а возможно, и значительно больше. Это достижимо и без проведения дополнительного призыва новобранцев (в 1990-м регулярные войска США насчитывали на 600 тысяч человек больше, чем сегодня, причем все это были волонтеры), но малыми затратами обойтись не удастся. Часть расходов можно покрыть, отменив или сократив финансирование дорогостоящих проектов, включающих создание истребителя F-22 (72 млрд дол.), национальной системы противоракетной обороны (в течение следующих 5 лет планируется потратить 53 млрд дол.), подводной лодки класса «Вирджиния» (80 млрд дол.). Пентагон уже предложил некоторые сокращения в данном направлении. Но даже если определенная часть расходов будет урезана, то для разрешения проблем с критическим

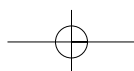
Макс Бут

ростом дефицита, накопившихся с начала 1990-х годов, потребуются увеличение военного бюджета, составляющего сегодня гораздо меньший процент ВВП, чем во времена холодной войны.

Свежими силами следует пополнить Сухопутные войска и Корпус морской пехоты, причем требуется совершенствование подготовки новобранцев (равно как и старослужащих) к миротворческой и антиповстанческой деятельности. Для этого необязательно создавать специальные военно-полицейские формирования, как предложено в исследовании Университета национальной обороны. По мнению опытных ветеранов, войскам, подготовленным к боевым действиям высокой интенсивности, легче проводить миротворческие операции, чем миротворцам участвовать в акциях подобного рода. Поскольку в такой стране, как Ирак, военным часто приходится непосредственно переключаться с боевых операций на миротворческие, Вашингтон должен стремиться к формированию высокоэффективных сил общего назначения, бойцы которых могли бы с одинаковым успехом и заниматься уничтожением террористов, и раздавать детям конфеты.

К сожалению, бо́льшая часть американских Вооруженных сил слишком слабо подготовлена к какой-либо иной деятельности, кроме боевых действий высокой интенсивности против традиционного противника. Несчетное число раз солдаты в Ираке жаловались на то, что они не готовы к выполнению поставленных задач, таких, как организация полицейских формирований или обслуживание установки по очистке сточных вод. Один офицер-артиллерист осенью 2003-го заявил корреспонденту газеты *The Washington Post*: «Нам приходится делать многое из того, о чем мы раньше и понятия не имели».

В связи с этим в Сухопутных войсках и Корпусе морской пехоты сейчас уделяется более пристальное внимание подготовке к антиповстанческой борьбе и операциям по «поддержанию стабильности и оказанию поддержки», но это лишь малая часть того, что предстоит сделать. В Сухопутных войсках только что вышло первое за последние десятилетия пособие по антиповстанческой деятельности, а Военная академия США (г. Уэст-Пойнт) лишь сейчас ввела курс, полностью посвященный этому предмету. Наряду с совершенствованием обучения военнослужащих необходимо проводить военные игры с гибким сценарием в целях повышения уровня готовности к противостоянию тактике партизанской войны. На сегодняшний день сценарии большинства военных игр не учитывают необходимость отражать нетрадиционные атаки.

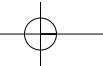
Борьба за трансформацию военной сферы

Военному ведомству также следует внести ряд изменений в свою кадровую политику. Военнослужащих перебрасывают из части в часть с головокружительной быстротой: две трети личного состава ежегодно меняют место прохождения службы, за 25 лет среднестатистический офицер проводит в одной и той же части прикомандирования лишь полтора года.

Эта система направлена на подготовку военных кадров широкого профиля для замещения должностей высшего командного звена, но она препятствует формированию такого уровня сплоченности частей и подразделений и вдохновляющего лидерства командиров, которые отличают ведущие армии мира. Даже лучшим командирам воинских подразделений не удается помногу общаться со своими подопечными: за время своей карьеры офицерский состав в среднем проводит лишь 30 % рабочего времени в полевых условиях, остальное время уходит на штабную службу и обучение. Простые солдаты кочуют между подразделениями с той же скоростью. В танковой бригаде, подготовленной к очередной отправке в Ирак в феврале этого года, с момента ее возвращения оттуда 9 месяцев назад сменилось 40 % состава. «Личный состав подразделения, экипажа или отделения слишком часто меняется для того, чтобы они могли полностью реализовать свои боевые возможности», — пишет майор Доналд Вандергрифф, эксперт по системам управления кадрами в Вооруженных силах. Он рекомендует перенять британскую модель организации полка, при которой состав боевой единицы не меняется годами.

Первоклассная пехота нуждается в первоклассном оснащении, которого в начале войны не доставало слишком многим подразделениям американской армии, особенно в Национальной гвардии и резерве. Многие из них несли неоправданные потери из-за нехватки бронированных машин *Humvee* и пуленепробиваемых жилетов последней модели. (Это еще один показатель того, как мало внимания уделяется пехоте: у США есть деньги на создание лучших истребителей стоимостью в сотни миллионов долларов, но нет — на обеспечение личного состава высококачественной натальной броней, хотя один комплект обходится всего в несколько сотен долларов.)

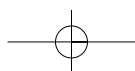
Сегодня, хотя и с запозданием, большую часть этого дефицита пытаются восполнить, но наземные войска (*ground pounders*) по-прежнему остаются обделенными в ряде менее заметных областей, например в обеспечении средствами связи. Пентагон вкладывает

Макс Бум

вает миллиарды долларов в новейшие цифровые технологии, но они редко проходят путь от штаб-квартир до передовой. В ходе иракской войны многие подразделения устанавливали местонахождение противника тем же способом, как это делают солдаты вот уже тысячи лет: путем «сближения», что в переводе с военного означает случайно налететь на неприятеля. Часто высокотехнологичные приборы типа *Blue Force Tracker* (переносные компьютерные терминалы, позволяющие посылать электронную почту и показывающие местонахождение своих войск) либо спешно устанавливались на нескольких командных постах накануне боевых действий, либо вообще отсутствовали. Большинство передовых подразделений Корпуса морской пехоты и Сухопутных войск для обеспечения связи ближнего действия пользовались коротковолновыми приемниками, как во времена Второй мировой войны. Следует в обязательном порядке заняться развертыванием широкополосной информационной сети для военных нужд, чтобы к ней имел доступ каждый новобранец. Эту задачу озвучивают довольно часто, но реального ее выполнения придется ждать еще несколько лет. Внедрение переносного оборудования компьютерной связи особенно благотворно скажется на эффективности противоповстанческих операций, для которых необходима точная информация. Например, благодаря такому оборудованию солдат, остановивший машину на контрольно-пропускном пункте, сможет моментально выявить подозреваемого террориста.

Для деятельности по поддержанию мира требуется дополнительная спецтехника, к примеру несмертоносное оружие, позволяющее солдатам обороняться, исключая угрозу летального исхода. Разработан целый набор подобных средств — от винтовок, стреляющих сетями и резиновыми пулями, до сковывающей движения пены, мегафонов, издающих невыносимый звук, и лазерных лучей с эффектом прикосновения к раскаленной плите. Но внедрение этих вооружений продвигается медленно из-за незаинтересованности Пентагона и протестов со стороны гуманитарных организаций, опасющихся, что применение такого рода средств может привести к тяжелым травмам и увечьям, а также станет нарушением существующих соглашений, среди которых и Конвенция о запрещении химического оружия. Подобные нападки приводят к обратному результату: действия американских военных влекут за собой жертвы, которых можно было бы избежать благодаря новым технологиям.

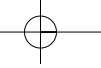

*Борьба за трансформацию военной сферы***ПРОБЛЕМЫ
НАЦИОНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА**

С момента окончания холодной войны США постоянно занимают-ся национальным строительством, например, в Сомали, Гаити, Боснии, Косово, Афганистане и Ираке. Однако каждая из этих операций начиналась практически с нуля, без попытки обратиться к уже накопленному опыту. Этот недостаток особенно бросается в глаза в Ираке: Управление по восстановлению и гуманитарной помощи (*ORHA*) было сформировано лишь за два месяца до начала конфликта. Пришедшая ему на смену Временная коалиционная администрация (*CPA*) также создавалась наспех.

Чтобы быть лучше подготовленным в следующий раз — а он, несомненно, будет, — Вашингтону следует заняться созданием правительственного агентства, специально ориентированного на восстановление разрушенных войной стран в сотрудничестве с различными международными учреждениями, правительствами стран-союзниц и неправительственными организациями. Америке нужна собственная версия Британского министерства колоний для постимперской эпохи. Недавнее решение о создании в Госдепартаменте Бюро реконструкции и стабилизации — хорошее начало, но пока неясно, какими фондами и полномочиями оно будет располагать. Возможно, следует учредить самостоятельное агентство, нацеленное исключительно на национальное строительство (вероятно, в этой роли может выступить модифицированное Агентство США по международному развитию), или, как предлагает Центр стратегических и международных исследований (*CSIS*), ввести в Белом доме должности директоров по реконструкции, отвечающих за конкретные страны.

Увеличение потенциала гражданских ведомств в национальном строительстве не избавит армию от необходимости им заниматься. Независимо от того, насколько будет усовершенствован механизм управления усилиями гражданского персонала, большую часть кадров для выполнения любого задания в сфере национального строительства по-прежнему должен будет предоставлять Пентагон. Военному ведомству придется гораздо более тщательно подготовиться к такого рода деятельности, чтобы избежать ошибок, допущенных в Ираке, где генерал Томми Фрэнкс и его гражданское начальство уделяли мало внимания вопросам послевоенного планирования.

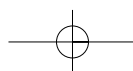
Макс Бут

ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННОЕ КОМАНДОВАНИЕ

Продвинутая система командования и управления — обоюдоострый меч: она может привести и к некоторой децентрализации в ходе оперативных действий, и к мелочной опеке со стороны руководящих органов, находящихся на значительном удалении от места событий. Официальная доктрина ВС США предписывает высшему командному составу отдавать приказы «в виде поручений», в общих чертах формулируя то, что непременно должно быть сделано, и держаться в стороне, предоставляя солдатам в боевой обстановке выполнять их так, как они считают нужным. Но реальность такова, что спутниковые коммуникации ныне обеспечивают возможность принятия решений по конкретным операциям в Ираке или Афганистане непосредственно в ставке Центрального командования (CENTCOM) в Тампе (штат Флорида) либо в кабинетах министра обороны или президента в Вашингтоне. Иногда вмешательство высших эшелонов действительно необходимо — пусть лишь для того, чтобы снять с подчиненных излишнюю ответственность при проведении операций с повышенной степенью риска. Но эта многоярусная бюрократия превратилась в обузу для Вооруженных сил.

Для того чтобы направить даже одного солдата для участия в иракской миссии, Фрэнксу, главному Центрального командования ВС США, следовало подать заявку в штаб Объединенного комитета начальников штабов в Вашингтоне, который в свою очередь должен был работать совместно с аппаратом министра обороны, штабом Сухопутных войск, Командованием объединенных ВС США, Континентальным командованием Сухопутных войск, Командованием резерва Сухопутных войск и бюро Национальной гвардии, чтобы предоставить необходимые части и подразделения.

Когда солдат оказывался в районе боевых действий к нему тянулась командная цепочка: от Буша к Рамсфелду, затем к Фрэнксу, а от него — через 3-ю армию (которую окрестили Командованием сухопутного компонента объединенных сил), корпус V (*Victory*) Сухопутных сил или Первый экспедиционный корпус морской пехоты — к дивизиям, бригадам, батальонам, ротам и, наконец, отданный приказ добирался до взводов и расчетов. Иными словами, по меньшей мере восемь уровней бюрократии отделяют тех, кто принимает решения наверху, от солдат, вооруженных штурмовыми винтовками M-4 и танками M-1. Солдаты прозвали эти громоздящиеся пирамиды «самолижущимися эскимо»

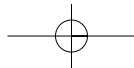
Борьба за трансформацию военной сферы

(*self-licking ice cream cones*) — учреждениями, которые заняты придумыванием для себя бесполезной работы. Выдвигались разные предложения по их уплотнению, остающиеся, впрочем, без последствий. (Начальник штаба Сухопутных сил генерал Питер Шумейкер в настоящее время работает над многообещающим планом, согласно которому «базовым боевым формированием» станет не дивизия, а бригада. Правда, пока неясно, означает ли это упразднение штабов более высокого звена.)

Отчасти проблема состоит в том, что в ВС США гораздо больше офицерских званий, чем должностей. В Сухопутных войсках 3 700 полковников, но только 33 маневренные бригады; во флоте 3 500 капитанов и лишь 359 кораблей. Большинство офицеров, которые могли быть использованы на ряде других имеющихся должностях, в конечном итоге оказываются на штабной работе независимо от того, нужны они там или нет. Вандергрифф утверждает, что в лучших армиях мира офицеры составляли лишь от 3 до 8 % общей численности личного состава. В Сухопутных войсках США этот показатель на сегодняшний день достигает 14,3 %. В военной сфере существует традиция поддерживать избыточное число офицеров в мирное время, чтобы в случае войны было кому командовать разросшейся за счет призывников армией. Поскольку в стране вряд ли будет снова введена воинская повинность, этот подход нуждается в пересмотре.

Преимущества «облегченной» доктрины боевых действий отчетливо проявились в ходе войны в Афганистане в 2001 году. Несколько сотен отрядов специального назначения при поддержке горстки агентов ЦРУ и многочисленной авиации покончили с режимом движения «Талибан» за два месяца. Частично их успех объясняется тем, что им оказывали содействие сторонники из состава местного населения. Но немалую роль сыграло и то, что бюрократические правила были на время отброшены: командос получили установку добиваться поставленной цели любыми средствами. Однако очень скоро бюрократы из Пентагона снова начали закручивать гайки. Сегодня из спецназовских частей в Афганистане сообщают: получить добро на проведение операции невозможно раньше, чем за три — пять дней. К моменту, когда удастся преодолеть все бюрократические препоны, противник зачастую успевает уйти.

Между тем в Ираке военные с большим успехом распределяли денежные пособия в неформальном порядке в рамках Программы оказания чрезвычайной гуманитарной помощи стране. Но по вине бли-

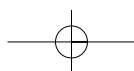
Макс Бум

зороких бюрократов в федеральном правительстве программа постоянно недофинансировалась. Основная часть средств, выделенных на восстановление Ирака, прошла через запутанную систему бюрократии в сфере государственных заказов, благосклонностью которой пользуются прежде всего американские подрядчики-гиганты, такие, как, например, *Halliburton*. Этим отчасти объясняется, почему по состоянию на декабрь 2004-го было израсходовано всего 2 из 18,4 млрд дол., ассигнованных на восстановление Ирака в октябре 2003 года.

ВОЙНА ПРИ ПОМОЩИ ПОСРЕДНИКОВ

Некоторые из наиболее заметных достижений Вашингтона за рубежом — от подавления коммунистического восстания в Сальвадоре в 1980-х до свержения режима талибов в 2001 году — стали возможны благодаря привлечению к военным действиям иностранных вооруженных отрядов. В Афганистане выявились некоторые просчеты, связанные с перепоручением выполнения задач сомнительным посредникам: полевые командиры и пакистанские пограничные силы не слишком старались, чтобы не дать уйти боевикам «Аль-Каиды» в Тора Бора в декабре 2001 года. Но в общем и целом результаты ведения войн с помощью посредников говорят о том, что существует обнадеживающая альтернатива отправке больших контингентов войск США за рубеж для борьбы с партизанами. Как отмечает журналист Роберт Каплан в своей книге «Пехотинцы империи», готовящейся к выходу в свет, «55 инструкторов спецназа в Сальвадоре добились большего, чем 550 тысяч солдат во Вьетнаме».

Наводнить страну американскими солдатами — это зачастую ошибочное решение: они настолько мало осведомлены о местных условиях, что в конце концов нередко приносят больше вреда, чем пользы. Эффективнее было бы использовать небольшую, во всех отношениях хорошо подготовленную группу солдат, действующую негласно в сотрудничестве с местными силами безопасности. Задачи по обеспечению «внутренней обороны иностранного государства» и ведению «нетрадиционной войны» обычно выпадают на долю ЦРУ и сил специального назначения Сухопутных войск («зеленые береты», или, как они предпочитают называть себя, «незаметные профессионалы»), хотя в пиковых ситуациях подготовка иностранных военнослужащих поручалась также простым солдатам и морским пехотинцам. В последние годы эта деятельность принесла плоды в таких странах, как Грузия, Филиппины, Джибути и Колумбия.

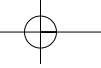

Борьба за трансформацию военной сферы

Большинство наиболее известных террористов, содержащихся под стражей в США, были задержаны при содействии союзников: пакистанцы помогли заманить в ловушку шейха Халеда Мухаммеда, спланировавшего теракты 11 сентября, тайландцы обеспечили поимку Хамбали – лидера индонезийской террористической группировки «Джемаа исламийя».

Несмотря на всю важность этой деятельности, вооруженные силы не оказывают ей должной поддержки. Фрэнкс, к примеру, перед вторжением в Ирак отклонил сделанные ему предложения о создании «Свободных вооруженных сил Ирака» для сотрудничества с американскими войсками. После падения Багдада и военное ведомство, и Временная коалиционная администрация промедлили с подготовкой и оснащением иракских военных формирований – небрежность, последствия которой США ощущают по сей день.

Даже Командование по проведению специальных операций, на которое сегодня непосредственно возложена задача борьбы с терроризмом, фокусирует внимание на более привлекательных частях прямого действия, таких, как «морские котики» ВМФ, а также десантно-диверсионные подразделения Сухопутных войск «Дельта» и «рейнджеры», которые спускаются с небес для захвата или уничтожения подозреваемых террористов. По сравнению с ними силы специального назначения Сухопутных войск, полагающиеся больше на силу интеллекта, чем на силу мускулов, относительно обделены вниманием. В составе Командования по проведению спецопераций служат лишь 9 500 спецназовцев из 47-тысячного личного состава. Военные специалисты по работе с гражданским населением и ведению психологической войны также сосредотачиваются на менее жестких аспектах конфликта, и секретное подразделение, ранее именовавшееся «Серый Лис», занято в первую очередь сбором разведывательной информации. И тем не менее по-прежнему уделяется больше внимания вышибанию дверей, чем выяснению того, какая именно для этого нужна дверь. Основное преимущество сил специального назначения заключается в их способности получать разведывательную информацию непосредственно от туземного населения и сотрудничать с местными союзниками. В состав А-групп сил специального назначения из 12 человек входят специалисты по данному региону, получившие подготовку в языке и культуре места проведения операции. К сожалению, ряд возможностей по поимке таких «особо ценных объектов», как лидер движения «Талибан» мулла Мохаммед Омар,

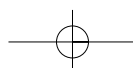

Макс Бут

возможно, был упущен из-за того, что А-группы, находившиеся неподалеку от места действий в Афганистане, получили указание дожидаться прибытия элитных поисково-истребительных подразделений, которые появились слишком поздно.

Решение этих проблем не требует выполнения рекомендаций «Комиссии 9/11» касательно перевода военизированной дивизии ЦРУ в ведение Вооруженных сил. Некоторое дублирование функций не повредит, особенно поскольку деятельность ЦРУ бывает сопряжена с возможностью ее официального непризнания. А вот Пентагону действительно необходимо продуктивно подойти к вопросу о повышении эффективности сил спецназа. Недавнее решение Конгресса о выделении Командованию по проведению спецопераций 25 млн дол. в год с правом расходовать их по собственному усмотрению, которые могут быть использованы для привлечения иностранных союзников (раньше подобное право резервировалось исключительно за ЦРУ), — хорошее начало. Силы специального назначения должны получить также полномочия для самостоятельного преследования «особо ценных объектов», минуя необходимость привлекать отряды «Дельта» или другие формирования, предназначенные для выполнения особых заданий. Кроме того, следует устранить бюрократические правила, стесняющие действия Командования по проведению спецопераций, — речь идет о предоставлении ему возможности преследовать террористов на территориях, подпадающих под юрисдикцию других ведомств (к примеру, Центрального командования — *CENTCOM*). Еще один способ повышения эффективности — позволить силам спецназа участвовать в выполнении реальных боевых заданий вместе с подготовленными ими иностранными формированиями. Сегодняшние уставы обычно запрещают им это делать, что грозит ослабить боеспособность их подопечных.

Есть и другие преимущества использования наемных солдат. Вашингтон мог бы, к примеру, создать собственный вариант французского Иностранного легиона или британских полков сипаев — «Легион свободы», формирование, которое возглавлялось бы небольшой группой американских офицеров, но вербовалось бы из неамериканцев, движимых перспективой получить по истечении срока службы гражданство США. В отличие от нынешних вольнонаемных орд контрактников в сфере безопасности, «Легион свободы» будет, по крайней мере, непосредственно подконтролен правительству США.

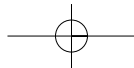
Борьба за трансформацию военной сферы

СИЛА ИНФОРМАЦИИ

На сегодняшний день является общепризнанным фактом, что правительство Соединенных Штатов испытывает катастрофическую нехватку кадров для агентурной разведки. В области высокотехнологичного шпионажа равных США нет, но, как сказал в интервью *The New York Times* бригадный генерал Джон де Фрейтас III, глава армейской разведки в Ираке, «повстанцы не слишком отчетливо получают на изображениях, сделанных со спутника».

Единственный способ осмыслить процессы, происходящие в таких непростых обществах, как афганское или иракское, — это прожить там достаточно долго, выпить несметное количество пиал чая с бесчисленными шейхами и муллами. Нынешняя система управления персоналом делает подобного рода длительное общение практически невозможным. Личный состав Корпуса морской пехоты в зонах боевых действий меняется раз в шесть-семь месяцев, Сухопутных войск — каждый год; как только военнослужащие начинают ориентироваться в ситуации, их отправляют домой. Госдепартамент и ЦРУ даже в условиях дефицита специалистов, говорящих на арабском и пушту, также постоянно перетасовывают кадры. По меньшей мере нескольким вашингтонским эмиссарам следовало бы пробыть за границей достаточно долго для того, чтобы, подобно «Китайцу» Гордону или Лоуренсу Аравийскому, изучить обстановку в стране и завоевать доверие местных жителей.

Есть достаточное количество американцев, которые изъявляют готовность переселиться в те страны, куда еще не проникла сеть универмагов *Wal-Mart*. Большинство из них трудятся в благотворительных, коммерческих, информационных и прочих негосударственных организациях. Те же, кто работает на правительство, не могут надеяться на продвижение по службе, будучи в длительной командировке за рубежом: для служебного роста нужно находиться не в Багдаде или Тора Бора, а в пределах окружной автострады. Эту практику необходимо изменить. Генерал в отставке и бывший начальник Высшего военного колледжа Сухопутных войск Роберт Скейлз предложил создать институт «глобальных разведчиков» — офицеров, которые годами или даже десятилетиями работали бы за границей «без ущерба для продвижения по службе». Даже если они будут отставать в карьерном отношении, это предлагается компенсировать другими способами. Подобную программу можно организовать на основе уже существующей, ко-

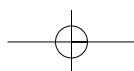

Макс Бут

торая позволяет офицерам специализироваться на определенном зарубежном регионе и его культуре, но зачастую рассматривается как тупиковая с точки зрения карьерного роста. Скейлз утверждает, что в рамках перехода к «культурно-ориентированным методам ведения войны» «глобальные разведчики» должны получить преимущество в военно-разведывательных организациях перед ныне заправляющими в них «технарями». Госдепартаменту и ЦРУ следует разработать сходные программы, позволяющие талантливым службистам проводить больше времени в войсках, благодаря чему они станут настоящими экспертами в своей области.

Соединенным Штатам нужно повысить эффективность как сбора, так и распространения информации. В эпоху спутниковой трансляции новостей успех или провал военной операции в известной степени зависит от того, как она представлена в СМИ. Возьмем, к примеру, бомбардировку Фаллуджи в апреле 2004-го, которую пришлось преждевременно прервать, потому что провокационное освещение ее на канале «Аль-Джазира» создавало ложное впечатление, будто морские пехотинцы намеренно разрушают мечети и убивают мирных граждан.

Пентагону редко удается достичь больших успехов в информационной войне. Одним из редких исключений стала программа по введению корреспондентов в состав американских частей во время первоначального вторжения в Ирак. Этот ход, навязанный колеблющимся военным гражданскими пиарщиками из Пентагона и Белого дома, обеспечил благожелательное освещение действий американской стороны. Но с тех пор противник перехватил инициативу в информационной войне. Мятежники терроризируют коалицию, транслируя по телевидению кадры бомбежек, обезглавливаний и похищений. Вся пентагоновская медиабюрократия нуждается в хорошей встряске. Сегодня она слишком часто занимает оборонительную, реактивную позицию. «Нет необходимости в том, чтобы офицер по связям с общественностью сидел и ждал, пока журналисты придут с вопросами или попросят об интервью», — пишет журналист (а в прошлом военный) Джим Лейси в «Записках Военно-морского института» от октября 2004 года. «Они должны ежедневно осуществлять агрессивную медиастратегию, освещая события так, как они видятся вооруженным силам». Проведение эффективных «информационных операций» потребует перестройки не только Пентагона, но и других государственных органов, в частности Гос-

Борьба за трансформацию военной сферы

департамента, поглотившего Информационное агентство США в 1999-м. Необходимо значительное субсидирование публичной дипломатии, урезанное по окончании холодной войны.

Все вышесказанное не означает, что американские Вооруженные силы должны быть перепрофилированы для борьбы исключительно с партизанскими формированиями. Несмотря на то что конфликт с применением традиционных средств сегодня, возможно, выглядит маловероятным, Америка обязана поддерживать свою способность к ведению войны с крупными державам — задача, с которой не справилась британская армия, что спровоцировало агрессивность Германии в 1914 и 1939 годах. К счастью, многие из предложенных выше преобразований (децентрализация Вооруженных сил, оптимизация управления СМИ, расширение цифровых сетей, с тем чтобы доступ к ним имели и рядовые солдаты) одинаково полезны для ведения как больших, так и малых войн. Но главный стимул изменений — необходимость положить конец сегодняшнему глобальному мятежу джихадистов. Если военное ведомство нуждается в дополнительных аргументах, ему следует вспомнить, что случилось, когда оно в последний раз отказалось серьезно отнестись к партизанской войне. Это было в начале 1960-х, когда Соединенные Штаты еще только собирались ввязаться во вьетнамский конфликт.

Демократия и ядерное оружие

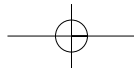
Алексей Арбатов

Накануне встречи президентов России и США в Братиславе в марте 2005 года в российских политических кругах наблюдалось немалое возбуждение. Причиной стала утечка информации о якобы согласованном плане передачи под американский контроль российских ядерных объектов и чуть ли не самих ядерных сил страны. Эта тема до сих пор волнует многих политиков и экспертов, периодически всплывая в публичных дебатах, несмотря на все официальные опровержения Москвы.

На самом деле, конечно, ни о каком «контроле» США над российскими ядерными вооружениями речи нет. Вопрос сводится к степени возможного доступа американских специалистов на те российские объекты (включая хранилища оружейных ядерных материалов и боезарядов), для которых выделяется зарубежная финансовая и техническая помощь в целях физической защиты и учета их содержания, ликвидации и утилизации их излишков.

В 1990-е годы Запад выделил на эти нужды в общей сложности около 6 млрд долларов по известной программе сенаторов Нанна – Лугара, а на саммите «большой восьмерки» в Кананаскисе (Канада) в 2002-м России обещали предоставить еще 20 млрд долларов по проекту «Глобальное партнерство». Направляя в другую страну столь крупные суммы из кармана своих налогоплательщиков, западные правительства хотят быть уверены, что эти средства расходуются там по назначению. Заодно разведслужбы, конечно, не прочь получить дополнительную информацию по ядерной тема-

А.Г. Арбатов – член-корреспондент РАН, директор Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, член редакционного совета журнала «Россия в глобальной политике».

Демократия и ядерное оружие

тике. Поскольку вся эта сфера традиционно окутана завесой строжайшей секретности, любые разграничения тут весьма условны и в течение многих лет являются предметом деликатных переговоров. Кстати, по программам 1990-х годов иностранные специалисты уже получили довольно широкий доступ к прежде секретным объектам, изделиям и сведениям.

Впрочем, упомянутый казус заставляет задуматься о другой проблеме. А именно о собственно российском политическом и демократическом контроле над ядерным оружием (ЯО), точнее, над политикой его разработки и развертывания, ликвидации и утилизации согласно международным договорам или в одностороннем порядке в процессе вывода этого оружия из боевого состава.

На первый взгляд может показаться, что между данной темой и «сенсационным» сообщением о возможной передаче наших ядерных объектов под контроль Вашингтона нет никакой связи. И неужели вообще возможно совместить несовместимое — ядерное оружие и демократический контроль? Однако не будем торопиться с выводами и разберемся по порядку.

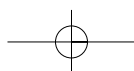
ДВА ВИДА КОНТРОЛЯ НАД ВОЕННОЙ ПОЛИТИКОЙ

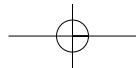
Под политическим контролем над военной, в том числе ядерной, политикой государства обычно понимают определяющую роль политического руководства страны в принятии главных решений в этой сфере.

Демократический контроль — это гораздо более широкое понятие. Он подразумевает реальные действия законодательной власти по выработке военной политики через такие механизмы, как оборонный бюджет, утверждение основных программ и планов развития вооруженных сил, ратификация договоров по ограничению вооружений и разоружению. Для успеха таких усилий требуется значительная открытость военной информации, в частности систематическое обсуждение важнейших вопросов в СМИ и тематических изданиях: иначе парламент окажется заложником политики исполнительных ведомств.

Политический контроль может существовать без демократического. Например, в тоталитарных или авторитарных государствах он реализуется через органы правящей партии и надзор секретных служб.

Что же касается демократического контроля и отчетности, то они не могут осуществляться без контроля политического, включа-

Алексей Арбатов

ющего, в частности, институт политического руководства деятельностью силовых структур. Он предполагает, что главы соответствующих ведомств являются посланцами лидера в этих ведомствах (чаще всего гражданскими людьми), а не выходцами из рядов военной бюрократии, представляющими ее интересы при президенте или премьер-министре. Без контроля со стороны политического руководства гражданское общество и законодательная власть не способны напрямую влиять на мощный, корпоративно сплоченный и замкнутый в себе военный истеблишмент.

Иными словами, политический контроль руководства над исполнительными ведомствами является неотъемлемым компонентом демократического контроля и отчетности в сфере государственной политики вообще и военной политики в частности.

В современной России демократический контроль над ядерной политикой пока еще не стал реальностью. Во-первых, гражданское общество и законодательная власть (частично в силу собственной слабости, а также из-за всемерного усиления «исполнительной вертикали») мало влияют на государственную линию в целом, еще меньше — на столь сложную и закрытую ее часть, как военная политика, и вовсе никак не влияют на святая святых военной политики — курс в области ядерных вооружений.

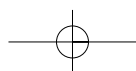
Во-вторых, сама постановка вопроса о демократическом контроле и отчетности в данной сфере способна вызвать в лучшем случае недоумение, а в худшем — и подозрение в преступных намерениях. Весьма сложное техническое устройство ядерных вооружений и окружающая их секретность (причем не только в России, но и на Западе, хотя и в гораздо меньшей мере), специфическая природа ЯО, особым образом влияющая на стратегию и планы его применения, — всё это может создать впечатление абсурдности самой постановки вопроса о демократическом контроле в данной области.

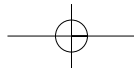
И тем не менее этот вопрос не только имеет право на существование, но и вполне назрел в российской политике в сфере обороны и безопасности.

ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ И ОБЩЕСТВО

Для чего обществу необходимо знать о планах развития и применения ЯО своей страны, зачем и как влиять на них?

Войска и вооружения общего назначения, равно как способы и цели их применения, — сфера достаточно понятная для широкой

Демократия и ядерное оружие

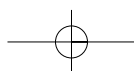
общественности, осведомленной о локальных конфликтах современности и еще не изжившей в себе историческую память о прошлых войнах. В общественном сознании силы общего назначения не являются некой «виртуальной реальностью», такой же абстракцией, как ядерное оружие, хотя, безусловно, революция в военном деле основательно меняет их облик.

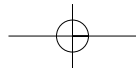
Каждый здравомыслящий человек скажет, что 60 тысяч танков или 300 подводных лодок, развернутых Советским Союзом в 1970–80-е годы, — это явно больше, чем требуется. Повсеместно обсуждается, нужно ли России иметь армию в 1,2 млн человек и переходить с призыва на контракт, каким должно быть денежное довольствие у офицеров и следует ли сохранять для них натуральные льготы.

Но 5 тысяч боезарядов в нынешних Стратегических ядерных силах (СЯС) России (как и у США) — это много или мало? Достаточно ли тех 1 700–2 200 боезарядов, которые каждая из сторон будет иметь в 2012-м по Договору о сокращении стратегических наступательных потенциалов (Договор по СНП), подписанному в Москве в мае 2002 года? Чтобы получить ответы на эти вопросы, необходимо представлять себе состояние и перспективы стратегического ядерного баланса, концепции применения СЯС, критерии достаточности сдерживания, логику стратегической стабильности и прочие эзотерические материи, с которыми люди не сталкиваются в повседневной жизни.

Применение обычных сил даже в не вполне демократических странах требует хотя бы молчаливого согласия народа, одна часть которого должна идти воевать, а другая — обеспечивать армии поддержку тыла. Подготовка к военным действиям дает обществу возможность выработать свое отношение к ним, так как обычно она занимает длительное время (например, последняя война США в Ираке готовилась более полугодом, а вторая чеченская кампания — несколько месяцев). Во многих странах, в том числе в Соединенных Штатах и Российской Федерации, введение военного или чрезвычайного положения, а также боевое применение сил за рубежом законодательно требуют одобрения парламента.

Ракетно-ядерное оружие — это совсем другое дело. Подлетное время баллистических ракет большой дальности составляет от четверти до получаса, что оставляет политическому руководству в лучшем случае буквально несколько минут на принятие решения об от-

Алексей Арбатов

ветном ракетном ударе. То есть народ не может влиять на решение о применении ЯО ни напрямую (на референдуме), ни косвенно (через парламент).

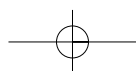
Ядерная война не требует участия в ней широких народных масс. В войне с применением ядерных сил была бы задействована весьма незначительная часть личного состава армии мирного времени, численность которой не превышает 1 % от численности населения. После того как принимается решение о применении ЯО, команда проходит по инстанции вниз и в дело вступают лишь несколько тысяч дежурных офицеров. А в новейших системах управления сигнал на запуск ракет может идти на пусковые установки прямо с высшего командного пункта национального руководства через ретрансляционные системы, минуя личный состав ракетных войск.

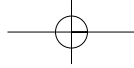
И все же демократический контроль и отчетность по ЯО не только возможны, но и необходимы, хотя и в специфической форме, соответствующей природе этого класса оружия. Реальны они, однако, только в том случае, если общество признаёт необходимость демократического контроля в отношении всей государственной политики, включая военную.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ НАД АТОМНОЙ БОМБОЙ?

Хотя, как было сказано выше, народ не принимает решение о применении ЯО и не участвует в ядерной войне, именно он, то есть мирное население, с самого начала становится прямым объектом сокрушительных ядерных ударов, что отличает ядерный конфликт от обычной войны, пусть и самой крупномасштабной. Если даже представить себе, что такие удары будут, согласно современной стратегии, наноситься непосредственно по военным объектам, пунктам управления и промышленным центрам, «сопутствующий ущерб» мирному населению исчислялся бы десятками миллионов погибших уже в первые часы войны.

Поэтому народ имеет полное право влиять на ядерную политику, ибо в случае конфликта именно она определит его судьбу, причем несравнимо более кардинально, нежели любые экономические, социальные и политические аспекты государственной политики, традиционно отнесенные к сфере демократического контроля и отчетности. Таким образом, необходимость демократического контроля над ЯО обусловлена самим характером этого оружия.

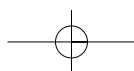
Демократия и ядерное оружие

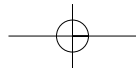
Вторая причина состоит в следующем. Одно из важных отличий ядерного оружия, прежде всего СЯС, от обычных вооружений состоит в довольно ограниченном наборе его возможных боевых задач и способов применения. Так, задача стратегической ракеты или самолета весьма однозначна: поразить заранее заданную точечную или площадную цель. А способы применения тоже немногочисленны: массированный, групповой или одиночный запуск. При этом удар может быть первым (упреждающим), ответным или встречным (то есть осуществленным по сигналу систем предупреждения о ракетном нападении до того, как боеголовки противника достигнут целей). Обычные же самолеты, танки, корабли могут использоваться для выполнения весьма разнообразных военных и паравоенных (военные действия в предвоенный, мирный период, а также операции в локальных конфликтах. — Ред.) операций.

Технические характеристики систем СЯС, количественные уровни и состав сил в значительной мере определяют способ их применения — во всяком случае, против противника, обладающего ядерным оружием. Именно такой противник является главным объектом стратегии ядерного сдерживания. В свою очередь, вероятность ядерного конфликта со всеми его катастрофическими последствиями зависит не только от сопутствующих политических факторов, но и от степени стабильности стратегического баланса между сторонами. Под стабильностью понимают следующее: насколько велик стимул к нанесению первого ядерного удара (стремление победить, снизить свой ущерб или страх перед внезапной атакой противника), который и развязывает ядерную войну.

Именно на эту стабильность как раз и влияют технические характеристики, количественные уровни и состав СЯС и их систем управления и предупреждения. При этом, конечно, технические данные систем СЯС не диктуют способа их применения абсолютно однозначно. Однако они логически подразумевают наиболее эффективные пути боевого использования различных систем.

Еще в 1990 году Москва и Вашингтон условились, что стабилизирующими считаются системы стратегических носителей, обладающие повышенной живучестью на стартовых позициях и не несущие большого числа боеголовок в многозарядных головных частях. Это делает их менее приспособленными для первого и более пригодными для ответного удара. И наоборот, чем выше уязвимость систем на старте и чем больше они несут боеголовок, тем сильнее

Алексей Арбатов

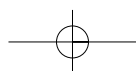
они угрожают другой стороне, притягивая к себе тем самым «упреждающее» нападение и дестабилизируя стратегический баланс. Исходная посылка такой логики состоит в том, что первый удар должен прежде всего преследовать цель разоружения противника, так как иначе не избежать сокрушительного возмездия.

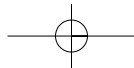
С учетом современной точности наведения и незначительного подлетного времени стратегических баллистических носителей наземные межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) шахтного базирования другой стороны плохо подходят для ответного удара. Встречный же удар возможен лишь в случае высочайшей эффективности систем предупреждения и боевого управления. Это тем более справедливо, если шахтные МБР оснащены разделяющимися головными частями (РГЧ) и создают угрозу разоружающего удара по СЯС другой стороны (как американские МБР *MX Peacekeeper*, российские тяжелые ракеты РС-20 и ракеты РС-18). Тогда в силу сочетания в себе уязвимости и ударной мощи они могут использоваться преимущественно для нанесения первого удара, отчего буквально провоцируют противника на упреждающий залп, подрывая тем самым стратегическую стабильность.

Баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ), находящихся в море, такие, как *Trident-2* с боеголовками *W-88*, обладают высокой живучестью, но, будучи оснащенными достаточно мощными РГЧ, тоже могут наносить разоружающий удар по стационарным целям и потому играют дестабилизирующую роль.

Напротив, БРПЛ с небольшим числом боеголовок РГЧ невысокой мощности, как и наземно-мобильные МБР с моноблочной головной частью или несколькими боеголовками РГЧ (российские БРПЛ РСМ-52 на лодках проекта 667 БДРМ, грунтово-мобильные МБР «Тополь» и «Тополь-М»), можно считать стабилизирующими: они обладают высокой живучестью и не угрожают разоружающим ударом другой стороне, то есть являются классическим оружием ответного удара. Они снижают вероятность ядерной войны постольку, поскольку она зависит от состояния военного баланса.

Пока российские депутаты радуются как дети, когда им сообщают о сохранении или создании в России того или иного типа ядерного оружия. Не умея оценить вклад разных систем в стратегическую стабильность и безопасность, они исходят из принципа «чем больше — тем лучше». На деле этот принцип далеко не всегда верен: многие вооружения — это просто пустая трата денег, которые мог-

Демократия и ядерное оружие

ли бы пойти на поддержание или внедрение оружия, способного действительно укрепить наш оборонный потенциал.

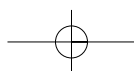
Информированная общественность и парламент, осознающие важность этих факторов, способны влиять на программы вооружений, стратегический баланс и через них на вероятность начала ядерной войны. В частности, российские законодатели могли бы это делать через бюджетные ассигнования на те или иные программы, поскольку, в отличие от американских коллег, не наделены полномочиями утверждать программы вооружений напрямую. В случае если военная информация достаточно открыта, законодатели могут использовать исследования независимых специалистов для выдвижения альтернативных предложений, основанных на понимании всех их стратегических, политических и экономических последствий.

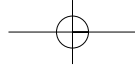
Третье обстоятельство, говорящее в пользу демократического контроля в военной ядерной сфере, — это финансовая сторона вопроса. Затраты на развитие и поддержание ядерных вооружений ежегодно составляют незначительную часть военных расходов — не более 10–15 %. Но если взять весь цикл разработки, развертывания, поддержания, а затем и утилизации ЯО после его вывода из строя, занимающий 20–30 лет, то это огромные средства. Поэтому здесь рациональное использование ресурсов требует демократического контроля и отчетности не меньше, чем другие крупные статьи федерального бюджета.

И, наконец, четвертый момент связан с тем, что политика в области ядерного оружия стала важнейшей частью внешней политики страны, поскольку напрямую связана с переговорами и соглашениями по ограничению, сокращению и нераспространению ЯО. Общество и парламент участвуют в этом через ратификацию договоров. Но при отсутствии у них понимания ядерной политики и возможности критически ее оценивать такое участие превращается в идеологическое противоборство (как было с семилетними дебатами в Государственной думе вокруг Договора СНВ-2) или в пустую формальность (как случилось с Договором по СНП в 2002 году).

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ СО СТОРОНЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РУКОВОДСТВА

Не имеющий демократической базы, контроль сверху хотя и гарантирует политическую лояльность генералитета, но позволяет политической верхушке играть реальную роль в военной политике и во-

Алексей Арбатов

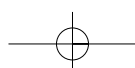
енном строительстве не иначе как посредством установления общих предельных размеров выделяемых на оборону ресурсов или через функции арбитра в том случае, если ведомства не договорятся на рабочем уровне. Ведь без альтернативных вариантов военной политики, которые разрабатываются независимым экспертным сообществом и обсуждаются парламентом, политическое руководство получает лишь монолитную позицию, согласованную на нижестоящих уровнях военной и оборонно-промышленной бюрократии, и способно лишь периферийно ее корректировать.

Не может же глава государства быть специалистом во всех областях, особенно в таких сложных и специальных, как современная оборона, и в частности ядерная политика. Он вынужден опираться на мнение своих подчиненных. Но в закрытом формате, без широкого обсуждения в парламенте, прессе, независимых научных центрах военные ведомства всегда смогут «продавить» свою линию через узкий круг ближайших помощников руководителя страны, тем более что многие из них приходят как раз из этих ведомств.

Впрочем, может быть, это вполне нормальный способ формирования военной политики? Ведь коль скоро в высшей «силовой» бюрократии, ведомственных НИИ, оборонной промышленности работают специалисты своего дела, то почему бы на них полностью не положиться?

Опыт показывает, что такой подход в корне неверен, причем применительно не только к военной политике, но и к любой другой сфере государственной политики демократической страны. Отдавать все на откуп структурам исполнительной власти нельзя, поскольку они зачастую преследуют ведомственные, а не общенациональные интересы и плохо координируют между собой свои действия. Совершенно неправильно полагать, что бюрократия сплошь и рядом состоит из злонамеренных или некомпетентных людей. Проблема заключается в ином: в мощных бюрократических организациях любой человек вынужден либо подстраиваться под ведомственные интересы, либо быстро уходить.

А общенациональные интересы, в отличие от ведомственных, должны формулировать как руководство государства в лице президента, так и парламент, призванный представлять приоритеты всех социальных групп общества. Но возможно ли осуществить это по отношению к сфере обороны и ядерной политики в условиях, когда военная информация остается полностью закрытой, а независимые

Демократия и ядерное оружие

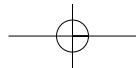
оценки и предложения отсутствуют, когда исполнительные ведомства представляют собой монополии и выступают с безальтернативных позиций, не поддающихся ни критике, ни исправлениям? Ответ очевиден, как очевидна неизбежность ошибок, некоторые из которых способны нанести серьезный ущерб безопасности и экономике страны.

Примеров тому немало. В 2000–2001 годах в целях перераспределения ресурсов на силы общего назначения (СОН) были приняты решения о глубоком одностороннем сокращении средств, выделяемых на российские СЯС, в том числе о свертывании их главной составляющей – ракет наземного базирования и урезании основной программы их модернизации – грунтово-мобильных МБР «Тополь-М». Эта система по техническим характеристикам является наиболее стабилизирующей и гибко адаптируемой к меняющейся стратегической обстановке. К тому же ни одна держава, кроме России, не имеет и не будет иметь в обозримом будущем ничего подобного.

В итоге положение СОН несколько не улучшилось, прежде всего из-за пробуксовки военной реформы, а вот стратегическое ядерное сдерживание оказалось глубоко подорвано. Если данный курс сохранится (а пока нет никаких официальных сведений о возможности его изменения), то через 10–15 лет 90 % российских СЯС будут уязвимы в местах базирования для гипотетического разоружающего удара США, Великобритании, Франции, а может быть, и Китая. Конечно, крайне маловероятно, что эти страны нападут на Россию, но стратегическая стабильность будет подорвана со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Имея столь уязвимые СЯС, России придется все больше полагаться на концепцию ответно-встречного удара. Располагая слабеющей группировкой спутников предупреждения и оставив большинство наземных ракетно-локационных станций (РЛС) на территории стран СНГ (почти все из которых стремятся вступить в НАТО), рассчитывать на такую концепцию все более опасно. Эта проблема приобретает особое значение в условиях дальнейшего распространения ракетно-ядерного оружия в мире, роста вероятности случайных или провокационных запусков с разных направлений.

Некоторые негативные последствия решений 2000–2001 годов проявились незамедлительно. В частности, США сразу потеряли интерес к продолжению переговоров с РФ по ограничению стратегических вооружений, рухнули Договор по ПРО, Договор СНВ-2

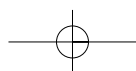
Алексей Арбатов

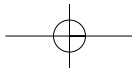
(ратифицированный Россией в 2000-м), а также рамочный Договор СНВ-3 (подписанный в 1997-м).

Пытаясь задним числом исправить положение, Россия пошла на закупку в Украине устаревших ракет шахтного базирования и бомбардировщиков, продлила срок эксплуатации тяжелых МБР (в тех же уязвимых шахтах), понесла немалые дополнительные затраты с минимальным эффектом для стратегической стабильности. Потом объявили о разработке в России «чудо-оружия» – ракет с планирующей и маневрирующей головной частью для прорыва противоракетной обороны (ПРО), но и это не произвело на США никакого впечатления. Оно и понятно: если «Тополь-М» закупается по 4–6 МБР в год, то можно предположить, что и число развертываемых новых средств будет невелико, – ведь они неизбежно окажутся гораздо более дорогостоящими, а их еще нужно испытать, поставить в производство и обеспечить им высокую живучесть. (Раз ракеты против США, то они не должны поражаться разоружающим ударом.)

Правда, благодаря духу сотрудничества, утвердившемуся в отношениях Россия – США после событий 11 сентября 2001 года, Москва и Вашингтон заключили в мае 2002-го Договор по СНП. Но он мало повлияет на объективный процесс стратегической дестабилизации, поскольку никак не ограничивает ни одну из сторон. К тому же он до сих пор остается скорее соглашением о намерениях, не имея ни правил того, как засчитываются боезаряды, ни процедур ликвидации вооружений, ни графика сокращений, ни условий проверки исполнения. Например, договор устанавливает потолок числа боезарядов, которые должны остаться на вооружении каждой страны через 10 лет после ратификации: 1700–2200 единиц. Но какие боезаряды имеются в виду и как их засчитывать в пределах указанных потолков? Вышеупомянутый инструментарий, обычный для таких соглашений, отсутствует. Правда, до 2009 года сохранит свое действие режим контроля по Договору СНВ-1, но он позволит иметь информацию об американских СЯС, а не о выполнении Соединенными Штатами Договора по СНП.

Казалось бы, именно Россия, как сторона, все более отстающая от США по уровню развития СЯС и имеющая ослабленные силы общего назначения, должна проявлять повышенную активность в этом вопросе, с тем чтобы, используя заинтересованность США в

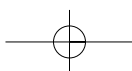
Демократия и ядерное оружие

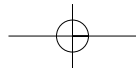
сотрудничестве по многим другим международным делам, обеспечить приемлемый ядерный баланс. Но нет, российская политика демонстрирует удивительную пассивность. Договор по СНП 2002-го так и не наполнен правовым и техническим содержанием, МИД и Министерство обороны не выдвигают никаких согласованных новых предложений и даже почти не критикуют деструктивную американскую линию, хотя курс Вашингтона в области ядерного оружия подвергался (и подвергается) жесткой критике и в самих США, и в Западной Европе, и в ООН, и в ходе Седьмой конференции стран – участниц Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), состоявшейся в Нью-Йорке в мае 2005 года.

Весьма вероятно, что при наличии у нас демократического контроля и отчетности в сфере ядерной политики, а также более широких возможностей для доступа общественности и специалистов к соответствующим вопросам подобных ошибок и последующих издержек удалось бы избежать.

Другой пример. Из всех крупных держав именно Россия наиболее уязвима перед лицом угроз, исходящих от распространения ядерного оружия и ракетных технологий, – ведь почти все новые и потенциальные ракетно-ядерные страны расположены либо по периметру российской территории, либо так, что она оказывается в пределах досягаемости для них. Что еще хуже, ядерное распространение создает наиболее благоприятные условия для того, чтобы ЯО стало доступным для международных террористов, группировки которых осуществляют в отношении РФ прямую интервенцию на Северном Кавказе и угрожают безопасности нашей страны, проявляя террористическую активность в странах Центральной Азии.

В этой связи Москве следовало бы стать самым ярким поборником укрепления ДНЯО, режимов и механизмов ядерного и ракетного нераспространения, постоянно выступать с инициативами в этой сфере. Но ничуть не бывало: Россия лишь вяло реагирует на новые концепции США и Западной Европы (к примеру, «Инициатива по безопасности в борьбе с распространением», отказ от экспорта технологий полного топливного цикла, обязательность присоединения к Дополнительному протоколу МАГАТЭ 1997-го, кодекс экспорта ракетных технологий). Складывается впечатление, что ракетно-ядерное распространение нас мало касается и борьба с ним лишь досадная помеха планам Росатома по экспорту ядерных технологий и материалов.

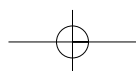
Алексей Арбатов

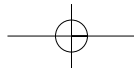
Но в том, что касается этой проблемы, общественность и парламент страны опять-таки пребывают в счастливом неведении и тоже не могут поставить вопрос о серьезной коррекции государственной политики.

Вспомним, наконец, тему, поднятую в начале статьи: международное сотрудничество в таких сферах, как обеспечение безопасности хранения ядерных боеприпасов и материалов, ликвидация их излишков, демонтаж устаревших атомных подводных лодок. Очевидно, что Запад, предоставляя России помощь на многие миллиарды долларов, заботится в том числе и о собственной безопасности. Ведь если ядерное оружие или материалы попадут в руки «пороговых» стран либо террористов или случится экологическая катастрофа, то пострадают все.

Между тем США и другим странам тоже приходится иметь дело с проблемами ликвидации ядерного и химического оружия, но они помогают России, а она им — нет. Отсюда и растущие противоречия в отношениях, причем отнюдь не только технического порядка (камнем преткновения стали, например, требование российской стороны об уплате НДС соответственно налоговому законодательству, а также вопросы ответственности за возможный ядерный ущерб). В обмен на оказываемую помощь Запад требует доступа на российские ядерные объекты (помимо СЯС, инспектируемых по Договору СНВ-1), а Россия ничего аналогичного запросить не может, хотя в качестве проявления доброй воли США кое-куда российских представителей пускают. Более того, поскольку РФ создает новые ядерные вооружения (в том числе стратегические, такие, как имеющие вполне очевидную направленность системы прорыва ПРО), на Западе задаются вопросом: зачем облегчать финансовое бремя России по ликвидации вооружений и позволять ей тратить больше средств на новое оружие?

Вероятно, при наличии демократического контроля над ядерной политикой Россия могла бы здраво оценить свои финансовые потребности по уничтожению старого оружия. Тогда появилась бы возможность выделять гораздо больше денег на ликвидацию и утилизацию вооружений (эта статья хронически недофинансируется уже более десятилетия) и тем самым устранить столь стесняющую нас одностороннюю зависимость от зарубежных стран. А уж если принимать помощь, то при этом следует активно вести переговоры по обоюдным мерам, направленным на развитие отношений взаим-

Демократия и ядерное оружие

ного ядерного сдерживания в направлении партнерства и сотрудничества, что способно снять внутренние конфликты при взаимодействии в этой области.

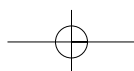
Однако и здесь приоритеты политики Москвы неопределенны в силу ведомственной узости и разобщенности процесса формирования государственного курса, избавленного от демократического контроля и отчетности.

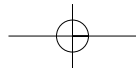
У КОГО ЯДЕРНАЯ КНОПКА?

Будь у нас действенная система демократического контроля и отчетности, можно было бы поставить ряд вопросов о таком деликатном моменте, как сложившаяся схема выдачи санкции на применение ядерных сил. Имеющаяся информация по этой теме крайне скудна и не подтверждена официально. Возможно, на деле все обстоит вполне благополучно, но если доступные сведения хоть в какой-то мере верны, то они дают повод задуматься над тем, реализуется ли в России конституционное положение, наделяющее этими полномочиями только президента — верховного главнокомандующего.

По опубликованным данным, российская система «Казбек», введенная в строй в начале 1980-х годов, позволяет главе государства, где бы он ни находился, получить информацию о ракетном нападении и отдать приказ о нанесении ядерного удара с помощью радиоэлектронного терминала, именуемого «Чегет». С этого так называемого «ядерного чемоданчика» закодированный персональным президентским шифром сигнал поступает на центральный командный пункт и дальше передается на пункты управления МБР и ракетных подводных лодок. Как и во многих других случаях в сфере стратегических вооружений, СССР следовал здесь примеру США, которые внедрили такую систему в начале 1960-х.

Однако в организационно-правовом отношении между названными системами обеих держав были и сохраняются принципиальные различия. Об американской системе многое известно из официальных источников, ей посвящена целая библиотека экспертной литературы. В США решение о применении ядерного оружия в критической ситуации должно быть согласовано с основными фигурантами этого процесса. «Ядерный чемоданчик» и постоянное сопровождение в лице офицера есть здесь только у президента. Если последний не способен выполнять роль главнокомандующего (по причине болезни, отсутствия в стране, угрозы безопас-

Алексей Арбатов

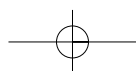
ности и пр.), терминал переходит к вице-президенту, причем оба они никогда не покидают страну одновременно. Специальный закон определяет порядок перехода командования от одного к другому на тот случай, если во время войны оба высших должностных лица погибнут или лишатся связи. Цепочка состоит более чем из десятка лиц, начиная со спикеров двух палат, министра финансов и др., причем министр обороны стоит далеко позади, а военных вообще нет в списке.

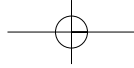
Соответствующая советская схема с самого начала работала по-другому, и ее-то и позаимствовала Россия без каких-либо изменений. Помимо президентского (в прошлом такой терминал «носил» генеральный секретарь ЦК КПСС), есть два других «ядерных чемоданчика» — у министра обороны и начальника Генерального штаба Вооруженных сил. В связи с этим возникает первый вопрос: каким образом эти три терминала могут отдать приказ на запуск ракет — только совместно, как три составные части кода, или каждый по отдельности? Достоверного ответа из официальных источников, естественно, нет.

Если сигнал на применение СЯС должен подаваться совместно, то это выглядело бы довольно странно — ведь министр обороны подчинен главе государства, а начальник Генштаба — министру. С правовой точки зрения подтверждение с их стороны санкции верховного главнокомандующего требоваться не должно. Кроме того, как тогда реагировать на внезапное ракетное нападение в случае, если президент находится за рубежом или не может отдать команду по какой-либо иной причине (во времена Бориса Ельцина по этому поводу ходило много саркастических предположений)?

Уместно напомнить эпизод, когда во время путча в августе 1991-го президент Михаил Горбачёв был лишен доступа к «ядерной кнопке», а вскоре в сумятице, последовавшей за провалом путчистов, министр обороны Дмитрий Язов вообще где-то потерял свой терминал. Значило ли это, что «обезглавленная» страна временно лишилась способности дать ядерный ответ на внезапное нападение? Вроде бы этого не случилось: никто ни в СССР, ни за рубежом особенно не обеспокоился, потому что, видимо, третий терминал оставался в Генштабе и контроль над СЯС ни на минуту не прерывался.

Если три терминала работают не совместно и обладатели всех «Чегетов» могут отдать приказ на ракетный пуск порознь, то не предусматривает ли такое положение техническую возможность

Демократия и ядерное оружие

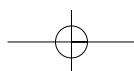
санкционировать ядерную войну в обход президента? По Конституции, если президент не в состоянии отдать приказ, его преемником является не министр обороны или начальник Генштаба, а председатель правительства. Однако так случилось только однажды: в 1996 году Борис Ельцин лег на кардиологическую операцию, и «ядерный чемоданчик» получил тогдашний премьер Виктор Черномырдин. В последнее время средства массовой информации ни разу не сообщили о передаче терминала председателю правительства во время частых отъездов президента за границу, и, более того, президент и премьер нередко одновременно отправляются в зарубежные поездки и не могут считаться находящимися «на боевом посту». К кому же тогда переходят полномочия по столь важному вопросу и как быть с неизбежностью политического контроля над главным решением военной политики?

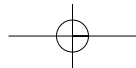
Несомненно, и министр обороны, и начальник Генштаба политически лояльны и административно подчинены президенту и никогда не пойдут против его воли, тем более в столь существенном деле, как применение СЯС. Но времена, так же как и люди, занимающие высшие государственные посты, меняются. Как сработает «тройная кнопка» в возможной кризисной ситуации, если президента не будет на месте, если ракетно-ядерное распространение повлечет за собой случайный или провокационный ракетный удар по России или ядерный террористический акт?

Понятие политического или гражданского контроля над армией в СССР отсутствовало, существовало лишь единое «военно-политическое» руководство, сообразное тоталитарному политическому режиму. В России, идущей, как было заявлено в президентском послании Федеральному собранию от 25 апреля 2005 года, демократическим путем, должен быть обеспечен твердый, технически гарантированный контроль политического руководства над самым важным из всех решений — применением ядерного оружия.

ПУТЬ К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ

Понятно, что открытие информации по ядерным вооружениям требует тщательно взвешенного подхода. Есть немало сведений, которые нужно держать в секрете. Это относится к техническому устройству многих существующих и перспективных систем оружия и ядерных боезарядов, системам управления и предупреждения, оперативным планам боевого применения сил, спискам целей.

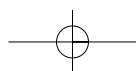

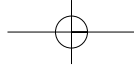
Алексей Арбатов

Подобная практика секретности принята и во вполне демократических странах — США, Великобритании, Франции. Там, кстати, тоже допускается немало промахов в ядерной политике. Преимущество демократической системы не в том, что она гарантирует от просчетов, а в том, что позволяет свободно обсуждать проблемы на базе достоверной информации и исправлять ошибки вовремя, еще прежде чем они станут причиной невосполнимого ущерба.

Что касается России, то большой массив информации о развернутых силах и программах их развития, распределении финансовых ресурсов, мерах упрочения стратегической стабильности не должен удерживаться в тайне. Между тем огромный объем сведений и так предоставляется зарубежным странам (обмен данными в рамках Договора СНВ-1), а также Организации Объединенных Наций (которую мы информируем о финансировании своих ядерных программ). Нет никаких оснований засекречивать эти данные внутри своей страны, если, конечно, не руководствоваться интересами ведомств, стремящихся сохранить монополию на формирование решений и возможность скрывать допущенные ошибки и просчеты. Для того чтобы сорвать бессмысленную завесу тайны с такой информации, необходимо внести существенные поправки в Закон «О государственной тайне».

Следует также всячески расширять роль законодательной власти в формировании военной политики вообще и ядерной в частности. Средства достижения этой цели — парламентские слушания, расследования, а возможно, и поправка в Конституцию, наделяющая Федеральное собрание контрольными функциями (сейчас есть лишь законодательная и представительная). Парламентариям требуется информация, которая не только позволяет судить о соотношении бюджетных средств, выделяемых, скажем, на коммунальные расходы, с одной стороны, и на вещевое довольствие армии и флота — с другой. Им нужны такие сведения о финансировании, на основе которых они смогут составить мнение о важнейших приоритетах военной политики и военного строительства, таких, как ядерное сдерживание на глобальном уровне и на театрах военных действий, наступательные и оборонительные стратегические системы, силы общего назначения, потенциал для ведения широкомасштабных и локальных войн, контингенты для быстрого реагирования и миротворческих операций, распределение ресурсов для парирования возможных угроз на западе, юге и востоке. Чтобы это стало реально-

Демократия и ядерное оружие

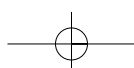
стью, необходимо соответствующим образом серьезно переработать Закон «О бюджетной классификации».

В Законе «Об обороне» целесообразно легализовать институт гражданского руководства Министерством обороны, включая аппарат министра обороны, подчиненный только ему и способный давать объективную оценку предложений, поступивших от руководства видами Вооруженных сил и Генерального штаба.

Необходимо также путем принятия специального закона значительно повысить роль Совета безопасности. Важно, чтобы он стал не просто консультативным органом при президенте, а надведомственной организацией, призванной анализировать позиции силовых структур и координировать их деятельность по реализации курса президента и парламента в области национальной безопасности, особенно на стыке внутренних и внешних проблем и вызовов.

Следует рассмотреть возможность изменения системы управления в высшем звене («Казбек») применительно к российской политической системе и принять Закон «О правопреемстве Верховного главнокомандования», определив последовательность государственных лиц, помимо президента и премьер-министра, которым передаются полномочия по принятию решения о применении ядерного оружия.

Нужно, наконец, всячески поощрять экспертные исследования и прислушиваться к рекомендациям независимых научных и общественных организаций, а также отдельных авторитетных специалистов. Имея свободный доступ к обширной и достоверной информации, они смогут предлагать альтернативные, свободные от ведомственного давления подходы к проблемам безопасности. Их работа, в свою очередь, будет способствовать тому, чтобы президент и парламент принимали выверенные и оптимальные решения на стратегическую перспективу.

«Бомба Гитлера» и взгляд из Москвы

Райнер Карльш

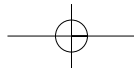
МАЛОЕ АТОМНОЕ ИСПЫТАНИЕ В МАРТЕ 1945 ГОДА?

В конце марта 1945 года Игоря Курчатова, научного руководителя советской атомной программы, в очередной раз вызвали в Кремль. Там, в научно-техническом отделе НКВД, он регулярно получал материалы, подготовленные на основе разведывательных данных. Агентам Берии еще в 1941-м удалось внедриться в британский атомный проект, особо ценными информаторами они располагали и в Лос-Аламосе — центре американских атомных разработок. По оценкам одного бывшего советского генерала, в общей сложности в распоряжении Курчатова находилось более 10 тысяч страниц лос-аламосских документов. Из них Курчатову было известно, что американцы стояли буквально на пороге первого испытания атомной бомбы.

28 марта 1945 года Курчатов подготовил детальный план комплекса предстоящих научно-технических работ по советскому атомному проекту. Его содержание сводилось, по сути, к копированию американских разработок. Однако едва успели просохнуть чернила перспективного плана, как генерал-лейтенант Иван Ильичёв, тогдашний глава военной разведки — ГРУ, передал ему два любопытных разведдонесения из Германии. Одно из них было датировано 15 ноября 1944 года, другое — 25 марта 1945 года.

В первом документе речь шла о подготовке к испытаниям нового оружия, осуществлявшейся под контролем СС. В нем, в частно-

Райнер Карльш — немецкий историк, автор книги *«Hitlers Bombe. Die geheime Geschichte der deutschen Kernwaffenversuche»* («Бомба Гитлера. Тайная история испытаний ядерного оружия в Германии»), вышедшей в марте 2005 года в издательстве *Deutsche Verlags-Anstalt*.

«Бомба Гитлера» и взгляд из Москвы

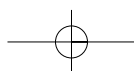
сти, говорилось (выделено в оригинале): «Немцы намереваются провести испытания нового секретного оружия большой *разрушительной силы*. В условиях соблюдения строжайшей секретности в Тюрингии готовятся испытательные взрывы *бомб необычной конструкции*». Ни подробности конструкции этих бомб, ни предполагаемые сроки испытаний информатору известны не были.

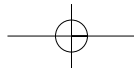
Ильичёв делал вывод: «В последние месяцы наши источники неоднократно утверждают в своих донесениях о *лихорадочных* попытках немцев испытать все более *мощное* оружие и средства его доставки к цели. Предположительно именно эти эксперименты представляют собой попытку немцев провести испытания атомной бомбы, о существовании которой у нас до сих пор были лишь *неполные, отрывочные данные*».

Второе послание, подготовленное Ильичёвым 23 марта 1945 года, вселяло еще бóльшую тревогу: «В последнее время немцами проведено в Тюрингии два крупных взрыва. Они произошли в лесном массиве в условиях строжайшей секретности. На расстоянии 500–600 метров от эпицентра взрыва лежали сваленные деревья. Возведенные для испытаний *укрепления и строения* были разрушены. Военнопленные, находившиеся в месте взрыва, погибли, причем в ряде случаев от них не осталось следов. Другие военнопленные, находившиеся на некотором расстоянии от эпицентра взрыва, получили ожоги на лице и теле, степень которых зависела от расстояния их нахождения от центра... Бомба содержит *предположительно уран-235*, и ее вес равен двум тоннам... Взрыв бомбы сопровождался сильной взрывной волной и образованием высоких температур. Кроме того, зафиксирован значительный *радиоактивный эффект*. Бомба представляла собой шар диаметром 130 сантиметров».

В конце своего доклада Ильичёв подводит итог: «Несомненно, немцы проводят испытания бомбы большой разрушительной силы. В случае ее успешных испытаний и производства таких бомб в достаточном количестве они будут обладать оружием, *которое окажется в состоянии замедлить наше наступление*».

Курчатов был сильно обескуражен полученными сведениями, они шли вразрез с поступавшей ранее информацией о немецкой ядерной программе. Хотя описания конструкции советский ученый признал «очень достоверными», он не был убежден, что немцы в самом деле провели испытания атомной бомбы. По его подсчетам,

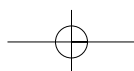
Райнер Карльш

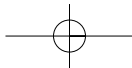
включенным в упомянутый выше рабочий план, при взрыве атомной бомбы площадь разрушения должна была составить несколько квадратных километров, а отнюдь не считанные сотни квадратных метров. Тем не менее он пришел к выводу (или по крайней мере догадывался), что немцы работают в совершенно новом направлении.

Курчатову предстояло принять трудное решение, возможно, с далеко идущими последствиями. Следовало ли ему расценить разведдонесения в качестве фальшивок, нацеленных на то, чтобы преднамеренно запутать советскую сторону? Вместе с тем он не мог преуменьшить и степень возможной опасности. И 30 марта 1945 года физик составляет тщательно взвешенный рукописный доклад, который передает Сталину. Единственная копия этого документа направлена в адрес шефа Главного разведывательного управления генерал-лейтенанта Ивана Ильичёва. Курчатов подчеркнул важность представленного ему донесения из Германии, отметил «очень достоверные описания конструкции» и запросил дополнительную информацию, в значительной мере обезопасив себя и предоставив руководству ГРУ право дальнейших действий.

Реакция Сталина на доклад Курчатова неизвестна. Похоже, однако, что сообщения об испытаниях германской атомной бомбы отнюдь не лишили его сна. Даже боевое использование такой бомбы с радиусом действия в несколько сотен метров могло бы разве что задержать наступление Красной армии, но не остановить его, как 23 марта 1945 года предупреждал Ильичёв. Некое оружие, которое находилось еще в стадии испытаний и о конструктивных принципах которого было слишком мало известно, не играло в советских военно-стратегических расчетах никакой роли.

Тем не менее сразу после окончания войны в Тюрингию по инициативе Курчатова направили небольшую экспедицию во главе с Георгием Флёровым, одним из лучших физиков курчатовского института, которому предстояло на месте разобраться, что стояло за сообщениями разведки. В начале мая 1945 года Флёров отправился в Берлин, а оттуда — в Дрезден. Однако в район предполагаемого малого атомного взрыва ему поначалу добраться не удалось. Большую часть Тюрингии занимали американские части, которые покинули эту территорию только в июле, когда выяснилось, что эта территория входит в советскую оккупационную зону. Неизвестно, смог ли Флёров провести замеры местности на повышенный фон радиации. В августе он был возвращен в Моск-

«Бомба Гитлера» и взгляд из Москвы

ву, поскольку Кремль по каким-то причинам потерял интерес к данной теме. Таким образом, пока остался без ответа вопрос, провели ли немцы атомное испытание малой мощности, или это был тест «грязной бомбы»?

После того как Соединенные Штаты сбросили две атомные бомбы на японские города Хиросиму и Нагасаки соответственно 6 и 9 августа 1945 года, Сталин приказал как можно скорее начать работу над созданием собственного оружия, сравнимого с американским.

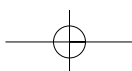
БЫЛА ЛИ У НЕМЦЕВ АТОМНАЯ БОМБА?

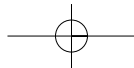
До сих пор физики и историки отвечали на этот вопрос однозначным «нет». Решающим условием, необходимым для производства атомных бомб, во всяком случае того образца, что были взорваны над Японией, является достаточное количество расщепляемого вещества. Чтобы изготовить подобную бомбу, требовалось по меньшей мере 50 килограммов урана-235 или 10 килограммов плутония.

Однако в любом энциклопедическом словаре сегодня можно прочитать о том, что к ядерному оружию относятся все виды боеприпасов, при взрыве которых высвобождается ядерная энергия вследствие изменения атомного ядра при его делении либо при реакции ядерного синтеза. Согласно этому, для причисления бомбы к тому или иному разряду ядерного оружия совершенно безразлично, обладает ли она мощностью 20 килотонн тротилового эквивалента, как это было в случае с бомбой, сброшенной на Хиросиму, или нет. Десятилетия существует ядерное оружие с мощностью всего в несколько сотен тонн. При этом военным не приходится в голову называть его не атомным.

Начиная с 1940-х годов техническое развитие атомного оружия порождало значительное разнообразие его различных вариантов. Различаются главным образом атомные бомбы, в основе действия которых лежит принцип деления ядра («классическая» атомная бомба) и термоядерного синтеза (водородная бомба).

Немецкие ученые обладали знаниями относительно конструкции урановых и плутониевых бомб и вели исследования в направлении создания водородной бомбы, но не располагали достаточными количеством расщепляемых веществ, необходимых для создания бомбы типа той, что была сброшена на Хиросиму. Ввиду того что в Третьем рейхе не существовало крупного комплекса по производству расщепляемых веществ и — как, по крайней мере,

Райнер Карльш

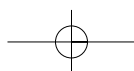
считали до последнего времени – функционирующего реактора, не могла существовать и немецкая атомная бомба. Действительно, ничего сравнимого с гигантским атомным комплексом США в Германии не было. Полностью оставленной без внимания при этом оказалась возможность изготовления ядерного оружия иными путями.

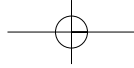
СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ

Между тем известно, что упомянутые в докладах ГРУ испытания на военном полигоне в тюрингском Ордруфе 3–4 марта и 12 марта 1945 года действительно были проведены. Снаружи эта территория не просматривалась, что-то увидеть можно было лишь из деревушки Ваксенбург, расположенной примерно в четырех километрах по прямой. Оттуда за полигоном наблюдала местная жительница Клер Вернер вместе с родственницей. От офицеров она слышала, что «сегодня вечером произойдет нечто, что перевернет мир». Спустя годы она описала происшедшее следующим образом: «Около 21 часа 20 минут очень яркая, внутри красноватая, а снаружи желтоватая вспышка осветила местность. Тотчас же мы увидели поднимающийся в воздух большой стройный столб, который был настолько светлым, что утром я сказала маме: у окна можно было читать газету. И этот столб увеличивался кверху и выглядел, как большое дерево с листьями».

Наблюдатели из Ваксенбурга ощутили также сильный порыв ветра. После этого всё успокоилось. На протяжении нескольких дней обитатели прилегающих населенных пунктов жаловались на кровотечение из носа, головные боли и плохое самочувствие в целом.

Хайнц Ваксмут в 1944–45 годах работал в фирме по строительству шахт в Ордруфе. Он описал страшное происшествие: «В послеобеденное время (следующего дня) приехала грузовая автомашина с эсэсовцами. Нам дали задание погрузить всю древесину, какую только возможно. Затем на машине нас направили в Рёрензее, там работало несколько врачей СС, так как у многих жителей наблюдались головные боли и кровохаркание. Оказалось, что нам нужно было не туда, и нас тотчас же отвезли в поместье Рингхофен под Мюльбергом. Нам приказали сложить древесину в кучу на краю леса – примерно 12 на 12 метров и не более метра высотой. Для этого мы должны были надеть защитные формы. Между тем на краю леса мы увидели несколько куч сложенных трупов –

«Бомба Гитлера» и взгляд из Москвы

видимо, бывших заключенных. У них совершенно отсутствовали волосы, местами не было и одежды, у многих кожа была покрыта волдырями, ожогами, из-под которых выступало мясо, у некоторых не было отдельных частей тела. Эсэсовцы и заключенные подносили трупы.

Когда мы уложили первые шесть куч, в каждой из которых было примерно 50 трупов, древесину подожгли. Нас отвезли назад. В поместье нам велели снять защитные костюмы и одежду. Их сразу же сожгли люди из СС, а мы должны были помыться, после чего нам была выдана новая одежда и новые средства защиты. В добавление к этому мы и даже заключенные получили по бутылке шнапса.

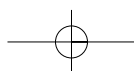
Один эсэсовец в высоком офицерском звании сказал мне, что накануне вечером он был свидетелем громадного пламени — опробовали что-то новое, о чем будет теперь говорить весь мир, и мы, немцы, стали первыми. К сожалению, отметил офицер, не все прошло так, как было запланировано, и теперь число бездельников поуменьшилось.

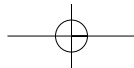
Нас опять вернули на окраину леса, где мы снова соорудили три кучи. При этом мы видели, как из леса выползали полностью обезображенные живые существа. Возможно, некоторые из них полностью лишились зрения. Я и сегодня не в состоянии это описать. Два эсэсовца на месте расстреляли 12–15 человек. <...> Их тела другие заключенные перенесли на горящую кучу трупов...

Кто-то из заключенных сказал мне, что разобрал отдельные слова одного умирающего: «Большая вспышка... огонь... многие сразу погибли, их стерло с земли, многие с ранами, ожогами, многие ослепли... передай привет моей матери от Олега Барто в Гурьев». Рассказы Вернер и Ваксмута подтверждают процитированный выше доклад ГРУ.

Что же за оружие было испытано в Ордруфе, а до этого на острове Рюген? Это определено были не крупные урановые или плутониевые бомбы, а прототип той бомбы, которую сегодня называют «гибридной». Они выделяют значительную часть своей взрывной энергии вследствие деления ядра, однако для усиления расщепления ядра им необходим компонент ядерного синтеза.

Чтобы доказать этот тезис, одних лишь исторических документов и свидетельств очевидцев недостаточно. Поэтому мы обратились в несколько академических институтов с просьбой принять и про-

Райнер Карльш

анализировать пробы почвы. Доказать факт ядерного испытания спустя 60 лет — дело непростое. Излучение давно прекратилось. Тем не менее именно на том месте, которое описывали очевидцы, Федеральное физико-техническое управление обнаружило высокообогащенный уран, а также литий-6. Профессор Уве Кайзерс подтвердил существование «сверхнормативного» содержания продуктов распада: «Обогащенный материал присутствует в широком спектре, причиной которого не может быть никакой естественный источник. Аномалии изотопов местами чрезмерны и не могут быть приписаны никакому известному процессу. Влияние Чернобыля как причины в данном случае полностью исключается». Измерительные данные нескольких сейсмических станций 1944–45 годов убедительно подтверждают факт испытаний. В конце концов, появились и воспоминания адъютанта Гимmlера Вернера Гротмана, одного из очевидцев описываемых событий.

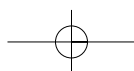
Чтобы не быть истолкованным неверно, снова замечу: даже с помощью атомных бомб в мини-формате Гитлеру не удалось бы совершить перелом в войне. Речь шла об испытаниях, а не о серийном создании боевого оружия. К тому же поражающий эффект испытанных образцов был намного меньше, чем у бомбы, сброшенной на Хиросиму. Мощность немецких бомб составляла примерно одну тысячную от американских атомных бомб.

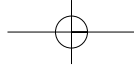
С другой стороны, опасность немецкого проекта нельзя недооценивать. Третьему рейху не хватило, к счастью, лишь времени, чтобы завершить свои атомные планы. После войны об этом предпочитали умалчивать.

МИФ ФАРМ-ХОЛЛА

Автором мифа о том, что немецкие физики в годы войны отличались высокоморальным поведением и не работали над созданием смертоносного оружия для нацистов, являлся Карл-Фридрих фон Вайцзеккер. С июля 1945 по январь 1946 года десять немецких ученых, среди них лауреаты Нобелевской премии Отто Хан и Вернер Гейзенберг, были интернированы в загородной резиденции Фарм-Холл близ Кембриджа. Британская разведка круглые сутки прослушивала их беседы, содержание которых рассекретили только почти полвека спустя.

7 августа 1945 года, на следующий день после атомной бомбардировки Хиросимы, Вайцзеккер составил меморандум, который

«Бомба Гитлера» и взгляд из Москвы

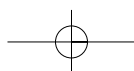
подписали все десять интернированных. Большинство из них в годы войны состояли в т. н. «Урановом союзе», неформальном объединении примерно 100 ученых различных институтов и университетов. В меморандуме Вайцеккер изложил свое видение проблемы ядерных исследований в нацистской Германии: «Урановый союз», мол, сосредоточил свою деятельность только на строительстве реакторов для выработки энергии. О создании атомной бомбы, утверждал он, даже и не помышляли и никогда не приступали к ее изготовлению. Кроме того, авторы документа утверждали, что им неизвестна какая-либо другая немецкая группа исследователей, «целью которой было бы непосредственное производство бомбы».

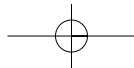
По меньшей мере у двоих из подписантов — Вальтера Герлаха и Курта Дибнера — имелось на этот счет больше сведений. Герлах, начиная с декабря 1943 года и до окончания войны, руководил исследованиями в области ядерной физики в Третьем рейхе, а Дибнер работал в качестве его заместителя. Дибнер считался очень неплохим физиком-экспериментатором и еще с 1934-го трудился на нужды Управления по вооружению Сухопутных войск. С 1939 года ученый привлекается к работе в Экспериментальном ведомстве Сухопутных войск в Куммерсдорфе под Берлином, где возглавил отдел атомной физики.

Когда после сообщения о применении американцами атомной бомбы один из присутствовавших поинтересовался, что произошло бы, если б «Урановый союз» на самом деле занимался ядерным оружием, Дибнер ответил: «Профессор Герлах стал бы обергруппенфюрером СС и сидел бы теперь в Люксембурге на скамье военных преступников».

РЕЙХСПОЧТА ПОСТАВЛЯЛА НАЧИНКУ ДЛЯ БОМБЫ

Герлах и Дибнер хорошо знали, что ядерными исследованиями в рейхе занимался не один лишь «Урановый союз». Эти работы на серьезном уровне проводились в Германии по меньшей мере еще в четырех научных заведениях — управлениях по вооружению Сухопутных войск, вооружению военно-морского флота, люфтваффе и рейхсминистерстве почты. Более открыто, чем остальные руководители научных проектов, об атомном проекте заявлял рейхсминистр почты Вильгельм Онезорге. В Третьем рейхе он считался одним из немногих людей, снискавших полное доверие фюрера, и в

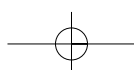
Райнер Карльш

свою очередь был безгранично предан ему. В ближайшем окружении Гитлера у Онезорге имелся по крайней мере один близкий приятель — «рейхсфотокорреспондент» Хайнрих Хоффман. Фюрер высоко ценил своего «придворного фотографа» и часто брал его с собой в важные поездки. Такое привилегированное положение Хоффмана объясняется тем, что именно в его студии в 1927 году произошло знакомство фюрера с Евой Браун. В 1937-м Гитлер присвоил фотографу звание профессора. И когда у Онезорге уже не оставалось надежд убедить в чем-то фюрера, он пускал в ход свои связи с Хоффманом.

В апреле 1942 года известный физик Манфред фон Арденне (в своем частном институте в Берлине он по заказу рейхсминистерства почты занимался исследованиями в области ядерной физики) подготовил секретный доклад по результатам исследований о конструкции электромагнитного разделителя массы. Этот документ Онезорге пустил в ход для того, чтобы пробиться на прием к Гитлеру. Спустя день после своего 70-летия, 9 июня 1942 года, Онезорге появился в рейхсканцелярии. Когда министр решил воспользоваться благоприятным случаем, чтобы убедить Гитлера в необходимости оказать поддержку атомным исследованиям, тот отреагировал весьма отвлеченно: дескать, рейхсминистр почты хочет мне угрожать чудо-оружием... В результате «прорыва» к фюреру Онезорге добился противоположного эффекта.

Тем не менее министр и не думал сдаваться. Сначала он попытался установить более тесный контакт с ведущими представителями «Уранового союза». Решающим моментом здесь можно считать совещание в его министерстве весной 1943 года, на котором присутствовали высокопоставленные лица. Однако ожидаемой многими смычки между Онезорге и Гейзенбергом не произошло. Физик попросту дал понять, что его совсем не воодушевляет идея участия в проекте рейхсминистерства почты. Когда же он понял, что все к тому и идет, он, как вспоминает один из очевидцев тех событий, «накрепко закрыл дверь». Это означало, что с тех пор Онезорге в ядерных исследованиях делал ставку лишь на ведомство, которым руководил.

Кадровые и материальные возможности рейхсминистерства почты были ограниченными. Онезорге и Арденне концентрировали основное внимание на получении высокообогащенного урана. Пилотная установка находилась в институте Арденне. Несколько более крупных установок приняли в эксплуатацию в 1944 году в Бад-Заарове под Берлином и других местах.

«Бомба Гитлера» и взгляд из Москвы

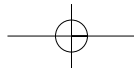
В конце концов Онезорге предлагает рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру «тотальное сотрудничество» в областях, информацию о которых он «не доверял бумаге». Совместно с СС Онезорге намеревался значительно ускорить реализацию атомного проекта. Однако без принципиального согласия Гитлера это было невозможно. Поэтому рейхсминистру почты пришлось прибегнуть к помощи профессора-фотографа Хоффмана. Один из очевидцев вспоминает: «Министр оказал профессору пышный прием и с глазу на глаз сказал ему, что от него (Хоффмана) отныне зависит судьба рейха. Он должен довести до сведения фюрера информацию об атомной бомбе, а главное — тот факт, что некоторые люди из его ближайшего окружения не говорят ему всей правды об этом оружии. И что они ничего не знают о том, насколько интенсивно трудятся над созданием подобного оружия американцы». Вскоре после этого Гитлер позволил Онезорге продолжать работу над начатым им проектом.

Тесная кооперация между рейхсминистерством почты, СС и группой Дибнера стала решающей для последней фазы разработки германского атомного проекта. Документальные свидетельства этого вряд ли сохранились. Все участники соблюдали максимальную степень секретности. Дошедшие до нас немногочисленные фрагменты документов позволяют нам в лучшем случае догадаться о том, что в этой игре достаточно активно участвовали и специалисты из СС.

После того как Гиммлер и Онезорге добились, чтобы их атомному проекту открыли зеленую улицу, работы стали форсировать по различным направлениям. К концу войны большинство документов было уничтожено либо

Не договорившись с физиком Манфредом фон Арденне (вверху), рейсминистр почты Вильгельм Онезорге (в центре) нашел союзника в лице шефа СС Генриха Гиммлера

Райнер Карльш

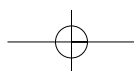
спрятано, и лишь в одном из сохранившихся докладов от октября 1944 года (и то в виде выдержек) под условными обозначениями UB I и UB II описывается принцип конструкций урановой и плутониевой бомб.

Неизвестная до сих пор история, описанная в выпущенной мной книге «Бомба Гитлера», вызвала в Германии жаркие дискуссии. Многие критики попросту отказываются поверить в то, что в Третьем рейхе, вопреки существовавшим прежде представлениям, велись интенсивные работы по созданию ядерного оружия. Они всеми силами отменяют мысль о том, что Гитлер стоял на пороге обладания таким чудовищным оружием.

На этот счет стоит вспомнить высказывание Карла-Фридриха фон Вайцеккера, относящееся к началу 1990-х годов. Настоящую историю, говорил физик, можно написать лишь тогда, когда в живых не осталось никого из тех, кто знает, как все *должно* было бы быть.

* * *

Без открытия российских архивных документов о советском проекте создания атомной бомбы вся правда о германском проекте так и осталась бы скрытой от общественности. Остается надеяться, что американцы и англичане тоже откроют архивы для исторических исследований и тем самым внесут свой вклад в дальнейшее изучение истории атомных исследований в Третьем рейхе. Спустя 60 лет после окончания войны и 15 лет после завершения холодной войны не может быть сколько-нибудь веской причины для продолжения игр в секретность.

Вторая мировая, которой не было

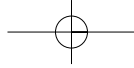
Александр Кузяков

История, как известно, не знает сослагательного наклонения. Однако случайность играет неизмеримо большую роль, чем кажется на первый взгляд. Карл Поппер и Раймон Арон вообще считали, что история — это нагромождение событий, случайных и хаотичных, и всякое явление могло принять совершенно иное направление из любой точки своего развития. Поэтому на Западе популярно особое направление исторической науки — альтернативная история. Как пишет специалист в области военной истории профессор Роберт Каули, редактор американского журнала *The Quarterly Journal of Military History*, «дорога, которой не воспользовались, все равно остается на карте».

Именно под его редакцией на рубеже тысячелетий в Нью-Йорке вышла книга «Что, если бы? Крупнейшие военные историки мира представляют себе: что могло быть» (What if? The World's Foremost Military Historians Imagine What Might Have Been / Edited by Robert Cowley. New York: Berkley Books, 2000). Среди авторов сборника такие корифеи, как Стивен Эмброуз, Джон Киган, Дэвид Маккэллох, Джеймс Макферсон и др.

Мировая история сложилась бы иначе, если б греки проиграли битву при Саламине в 480 году до н. э., а арабы выиграли сражение при Пуатье в 732-м. А что произошло бы, вернись монголы в Европу после поражения в 1241 году и обойди берега Англии сильный шторм, развеявший великую Армаду испанцев в 1588-м? Впрочем, это дела давно минувших дней. В год 60-летия окончания Второй мировой войны куда интереснее знать, существовали ли альтернативные сценарии этого самого кровопролитного конфликта в истории человечества.

А.В. Кузяков — ответственный редактор журнала «Россия в глобальной политике».

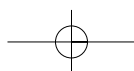
Александр Кузяков

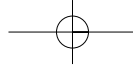
КАК ГИТЛЕР МОГ ВЫИГРАТЬ ВОЙНУ: БРОСОК НА БЛИЖНИЙ ВОСТОК

В сценарии, предложенном британским военным историком **Джоном Киганом**, нет ничего невероятного, поскольку «Гитлер, как и Наполеон, всерьез рассматривал возможность ближневосточной кампании, следуя по пути, проторенному другим известным завоевателем, Александром Великим». Если бы летом 1941 года Гитлер избрал направлением своего главного удара не Советскую Россию, а Сирию и Ливан, пишет Киган, перед ним открылась бы прямая дорога на Северный Ирак и Иран с их крупнейшими нефтяными запасами. «Оккупация Леванта – Сирии и Ливана – помогла бы фюреру в короткий срок не только оседлать стратегические направления, ведущие к главным центрам нефтедобычи на Ближнем Востоке, но и приблизиться к наиболее важным имперским владениям его последнего европейского противника, Британии, а также выйти к южным рубежам сталинской России», – утверждает Джон Киган.

Как известно, после разгрома Франции в 1940 году Гитлер безуспешно пытался начать мирные переговоры с Англией, рассчитывая укрепить свое господство в Европе и получить передышку для разработки дальнейших стратегических планов. Одновременно он был готов продолжить диалог о расширении пакта Молотова – Риббентропа, заключенного в августе 1939-го, о дальнейшем разделе сфер влияния в Восточной Европе. Со своей стороны Сталин вел наступательную дипломатию. 12 ноября, по прибытии в Берлин, наркоминдел Молотов потребовал согласия Германии на аннексию Советским Союзом Финляндии, а также предоставления СССР права на беспрепятственное судоходство в Балтийском море. Молотов также стремился заручиться согласием Германии на то, чтобы Москва выступила в качестве гаранта границ Болгарии и закрепила за собой право на выход в Средиземное море через Босфор. Взбешенный Гитлер приказал Риббентропу положить под сукно проект договора. 18 декабря фюрер подписал секретную директиву за номером 21, которая легла в основу плана «Барбаросса», предусматривавшего нападение на Советскую Россию.

Тем временем в декабре 1940 года ливийская армия Муссолини была разгромлена британскими войсками при попытке захватить Египет, а грекам в ходе зимней кампании удалось освободить от итальянских оккупантов половину Албании. Гитлеру пришлось послать войска (они стали ядром будущего африканского корпуса Эрвина Ромме-

Вторая мировая, которой не было

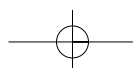

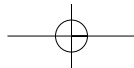
ля) в итальянскую Ливию, чтобы спасти итальянцев от более сокрушительного поражения. Начало выполнения плана «Барбаросса» было приостановлено ввиду необходимости провести операцию «Марита» по установлению полного контроля над Югославией и Грецией.

В результате Гитлер без особых усилий завершил завоевание материковой Европы за исключением нейтральных Швеции и Швейцарии, а также Иберийского полуострова, находившегося под контролем дружественного Берлину каудильо Франко. Лишь Советский Союз бросал вызов могуществу Германии, однако планы по его захвату и уничтожению уже созрели.

«Но было ли решение направиться в сторону Москвы оправданным? — вопрошает Киган. — Уничтожение Советского Союза являлось одновременно стратегическим и идеологическим проектом, наиболее близким сердцу Гитлера. Оглядываясь назад, приходишь к выводу, что фронтальное наступление через советскую границу оказалось не лучшим способом добиться желаемого». Военный разгром России являлся лишь одной из целей плана «Барбаросса», рассуждает военный историк, не менее важной представлялась задача захватить гигантские природные ресурсы Советского Союза, прежде всего нефть, в которой фюрер остро нуждался для достижения окончательной победы над Англией.

Между тем после оккупации Греции путь к основным мировым источникам нефти — Ираку, Ирану и Саудовской Аравии — лежал

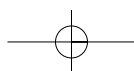
Александр Кузяков

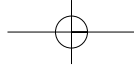
из восточного Средиземноморья через Сирию. Семь английских дивизий в Палестине, Египте и Ливии были скованы африканским корпусом Роммеля. На стороне Германии — значительный итальянский контингент. 3 апреля 1941 года произошел государственный переворот в Ираке, и его новый правитель Рашид Али обратился к Германии с просьбой о поддержке. 30 мая фюрер выпустил особую директиву под номером 30 о поддержке «арабского освободительного движения» и одновременном немецко-итальянском наступлении в район Суэцкого канала. Директива номер 32, подписанная 11 июня, предусматривала концентрацию немецких войск в Болгарии, «необходимую для обеспечения политической лояльности Турции или для подавления возможного сопротивления с ее стороны».

Обе директивы не противоречили плану «Барбаросса». Однако Джон Киган считает, что если бы в качестве главной операции в 1941-м был избран бросок на Ближний Восток из Болгарии и Греции, то развитие событий могло пойти по одному из двух направлений.

Первый вариант — это сохранение нейтралитета Турции и использование итальянских островов Южные Спорады (Додеканес), а также британского Кипра для достижения вишистской Сирии. Итальянский Родос, считает британский историк, мог быть избран в качестве базы для проведения воздушно-десантной операции на Кипре, а затем в Сирии и Ливане. Создав плацдарм во французском Леванте, мобильные части вермахта осуществили бы бросок через пустыню в Северный Ирак и закрепились бы на захваченной позиции, откуда можно было приступить к завоеванию Южного Ирака, Ирана и Саудовской Аравии. Захваченные нефтяные богатства разрешили бы все проблемы Гитлера с поддержанием мощи своей военной машины. К концу 1941 года 20 дивизий приблизились бы к советским нефтеносным скважинам на Каспийском море. При этом план «Барбаросса», резюмирует британский историк, мог быть «запущен» позже, в 1942-м, в гораздо более выгодной военной обстановке.

Однако, по мнению самого же Кигана, успешное развитие данного сценария зависело от способности сконцентрировать в восточном Средиземноморье флот достаточной мощи для переброски требуемой военной силы. И по всей вероятности, заключает он, стратегия перехода к Леванту по островам, «как по камням», какой бы привлекательной она ни казалась, не могла быть реализована из-за нехватки судов.

Вторая мировая, которой не было

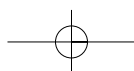
Мог сработать и *второй вариант*, допускавший нарушение нейтралитета Турции. Разве что-то остановило бы Гитлера, если б после завоевания Балкан и прежде, чем приступить к осуществлению плана «Барбаросса», он решил использовать Болгарию и греческую Фракию в качестве плацдарма для оккупации европейской (Стамбул), а затем и азиатской (Анатолия) частей Турции? Молниеносный захват приграничных зон на Кавказе обеспечил бы флангу вермахта выход в «южное подбрюшье» СССР. Через Анатолию они свободно ворвались бы в Ирак и Иран, протянув щупальца в южном направлении к Саудовской Аравии. Взятие под контроль Каспийского моря обеспечило бы германским войскам выход к советской Средней Азии.

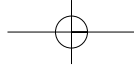
Трудно себе представить, считает британский историк, чтобы вариант плана «Барбаросса», имевший целью взять противника в клещи, оказался менее успешным по сравнению с лобовым ударом. «К счастью, стратегическое видение Гитлера сдерживалось юридическими и идеологическими шорами. Юридически — он не мог найти повода для конфликта с Турцией из-за ее политики строжайшего нейтралитета. Идеологически — страх и ненависть, которые вызывал у фюрера большевизм, не оставляли ему выбора в поиске средств, для того чтобы покончить с Советским Союзом одним прямым фронтальным ударом. Он праздновал свои победы над Сталиным летом и осенью 1941-го и никогда не сожалел о решении осуществить план "Барбаросса", даже когда русские снаряды попадали в его берлинский бункер в 1945 году. Сколь благодарны мы должны быть тому, что весной 1941-го он не избрал более тонкую и менее прямолинейную стратегию!» — заключает Джон Киган.

ВТОРОЙ ФРОНТ НЕ ОТКРЫТ:

АТОМНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ ЕВРОПЫ

Свой сценарий другого события предлагает известный американский историк **Стивен Эмброуз**. Одной из наиболее тщательно спланированных наступательных операций Второй мировой войны стала высадка союзных войск в Европе под кодовым названием «Оверлорд», более известная в России как открытие второго фронта. С самого начала ставка делалась на благоприятные погодные условия — спокойное море, тихий ветер, низкую облачность. Высадку назначили на 5 июня 1944 года, но метеообстановка оказалась малоутешительной, и Дуайт Эйзенхауэр решил отложить операцию по крайней мере на сутки.

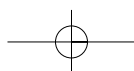

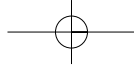
Александр Кузяков

Как пишет Эмброуз, ранним утром 5 июня капитан Стэгг, который в течение месяца каждый день докладывал о состоянии погоды лично Эйзенхауэру, «сделал самый знаменитый прогноз за всю мировую военную историю, высказав предположение, что к вечеру шторм утихнет, а во вторник 6 июня погода будет вполне приемлемой». Ненастье прекратится еще до рассвета, и в распоряжении командования будет 36 часов более или менее сносной и ясной погоды. Эйзенхауэр пребывал в сомнениях, но все же принял окончательное решение.

В мемуарах «Предсказание "Оверлорда"» Стэгг писал, что даже если бы у него была возможность получать изображения с помощью современного спутникового оборудования, то его прогноз все равно наполовину основывался бы на догадках... Ну а что, если бы шторм продолжался и 6 июня? — задается вопросом Эмброуз. Высадку пришлось бы отложить, причем ее успех оказался бы под очень большой угрозой. И дело не только в опасности утечки информации. Ближайшей датой возможной высадки могло бы быть только 19 июня, когда в условиях полнолуния и отлива создавались благоприятные условия, но этот день оказался самым штормоопасным в районе Нормандии за весь 1944 год. Операция же наперекор штормовой погоде могла превратиться в катастрофу, считает Эмброуз, так как шторм просто разметал бы десантные суда. Отсутствовала возможность предварительной бомбардировки побережья и прикрытия с воздуха.

Неудачная высадка, считает историк, привела бы к не менее плачевным политическим последствиям. Эйзенхауэра наверняка сместили бы с должности, а с назначением нового верховного главнокомандующего экспедиционными войсками союзников возникли бы серьезные трудности. Одним из наиболее выдающихся военачальников, Омар Брэдли, в связи с этими событиями также оказался бы в опале, кандидатура Бернарда Монтгомери не устраивала американцев, а его самого не устраивала кандидатура Джорджа Паттона, в Джордже Маршалле нуждались в Вашингтоне и т. п. Эмброуз предполагает неизбежное падение правительства Уинстона Черчилля, сделавшего крупную ставку на «Оверлорд». В Соединенных Штатах до президентских выборов оставалось пять месяцев, и без демонстрации американской военной мощи президент Рузвельт мог потерпеть поражение. Администрация Тома Дьюи получила бы мандат — но на ведение войны на Тихом океане.

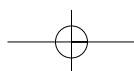
Вторая мировая, которой не было

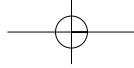
На подготовку операции «Оверлорд» ушло более года, альтернативный план отсутствовал, о повторной высадке в Нормандии не могло быть и речи. Побережье пролива Па-де-Кале оказалось укреплено значительно лучше, Гавр был битком набит немецкими орудиями. Наиболее вероятная альтернатива – высадка на юге Франции – создавала огромные трудности с тыловым обеспечением и не способствовала приближению конца войны.

У Гитлера освобождались руки для переброски части войск из Франции на Восточный фронт. Но, что еще более важно, это могло внести раскол в альянс между Западом и Востоком, поскольку, как пишет Стивен Эмброуз, «Геббельсу и нацистской пропаганде значительно легче было бы убедить Сталина в том, что капиталисты готовы сражаться до последнего русского солдата». Нельзя исключить, что Гитлер и Сталин вернулись бы к прежнему партнерству и восстановили бы пакт Молотова – Риббентропа. Однако еще более вероятно, что Сталин захватил бы Германию, затем Францию, Красная армия вышла бы к Ла-Маншу и война закончилась бы установлением коммунистического режима на всем континенте. Что-либо ужаснее, чем появление коммунистических Германии, Франции, Нидерландов, Италии и Великобритании, трудно себе представить, резюмирует Стивен Эмброуз.

Ввиду советской угрозы Англия и Соединенные Штаты, несомненно, бросили бы все силы на ужесточение бомбардировок немецких городов. Пик кризиса, согласно сценарию Эмброуза, приходится на конец лета 1945-го, когда над Германией стали бы взрывать атомные бомбы. А далее вакуум, образовавшийся в Центральной Европе, подобно болотной трясине затянул бы и Советскую армию, и войска западных союзников. Остается только догадываться, могло ли бы между ними произойти столкновение и иметь место применение Соединенными Штатами атомной бомбы против СССР, или им все-таки удалось бы разграничить сферы своего влияния, как это и произошло в действительности в 1945 году?

ЕСЛИ БЫ ЭЙЗЕНХАУЭР ДВИНУЛСЯ НА БЕРЛИН
Английский историк **Энтони Бивор** попытался найти объяснение событиям, связанным с последним периодом Второй мировой войны и штурмом Берлина (What Ifs? of American History/ Edited by Robert Cowley. New York: Berkley Books, 2004). Почему 12 апреля 1945 года, когда американские войска уже переправились через Эльбу в 60

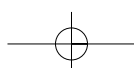
Александр Кузяков

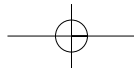
милях от Берлина, Дуайт Эйзенхауэр отдал приказ остановиться? Может быть, Берлин не представлял для него сколько-нибудь значимого с военной точки зрения рубежа, тем более что неизбежны были крупные потери? Верховного главнокомандующего экспедиционными войсками союзников больше волновала вероятность того, что Гитлер сможет укрыться в Альпах. По соображениям разведслужбы генерала Эйзенхауэра, неуязвимость Гитлера обеспечивалась бы там естественными природными условиями, а также только что изобретенным сверхэффективным оружием. К тому же в Альпах военные заводы надежно защищены от авианалетов, что позволило бы продолжать военное производство. В высокогорной местности удобно вести партизанскую войну и отсюда же начать борьбу за освобождение Германии от оккупации.

Несмотря на то что так называемый «национальный редут» в Альпах являлся не более чем измышлением геббельсовской пропаганды, Эйзенхауэр поверил в его существование и даже послал Третью армию генерала Джорджа Паттона уничтожить вражеское гнездо. Как считает Бивор, Эйзенхауэр не знал и о тех секретных мотивах, которыми руководствовался Сталин, помимо понятного желания взять Берлин, что стало бы главным символом победы.

В ноябре 1941-го, спустя пять месяцев после начала операции «Барбаросса», советская разведка установила, что Англия и Соединенные Штаты приступили к работе над созданием урановой бомбы. Но Сталин отверг эту информацию с негодованием, сочтя ее очередной «провокацией». Однако в конце 1942 года обнаружили записную книжку убитого немецкого офицера, из записей в которой следовало, что на оккупированных территориях германское командование ведет поиски месторождений урана. Одновременно некоторые советские ученые опасались, что немецкие физики-ядерщики, такие, как Вернер Гейзенберг, могли вплотную подойти к созданию бомбы. Поэтому к 1943-му в Советском Союзе уже существовала программа ядерных исследований под кодовым наименованием «Операция Бородино», но разведанных запасов урановой руды в Казахстане явно не хватало. По мнению Бивора, единственной надеждой оставалось опередить западных союзников и захватить немецкий уран.

28 февраля 1945 года, в момент, когда советские войска укрепляли свои позиции в Померании на северных подступах к Берлину, Берия получил подробные разведанные по всем аспектам ядерных

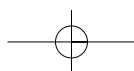
Вторая мировая, которой не было

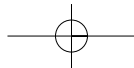
исследований в США, включая план генерала Гроувза, руководившего манхэттенским проектом. Сталин заподозрил, что западные союзники собираются оставить Советский Союз без урана. Подозрения подтвердились после того, как 15 марта американцы, упреждая приход советских войск, практически сровняли с землей главный центр нацистов по обогащению урана в Ораниенбурге, что в 20 километрах к северу от Берлина.

16 апреля войска 1-го Белорусского фронта под командованием маршала Жукова, прорвав немецкую оборону западнее Одера, форсированным маршем обходили Берлин с востока и севера. 22 апреля 47-я армия взяла Ораниенбург. На руинах заводов Ауэра войска НКВД обнаружили 570 кг порошкообразного и 300 кг необогащенного урана. Сталин отдал приказ маршалу Коневу направить две танковые армии для окружения Берлина с юга и — что характерно — поставил перед ним задачу занять Целендорф в непосредственной близости от Далема, взятого советскими войсками 24 апреля. Это было также наиболее вероятным направлением удара Первой армии США.

Советские физики, работавшие до 1933 года в Институте кайзера Вильгельма в этом пригороде Берлина на юго-западном направлении, ранее сообщали, что здесь находился центр ядерных исследований с циклотроном мощностью 1,5 млн вольт. В Далеме было найдено, не считая оборудования, три тонны оксида урана и двадцать литров тяжелой воды. Из института в Москву вывезли также немецких ученых — специалистов по обогащению урана, таких, как профессор Петер Тиссен и доктор Людвиг Бевилауга. Некоторые из них, к примеру профессор Манфред фон Арденне, добровольно согласились работать на ядерную программу Советского Союза. Другие ученые, в частности Вернер Гейзенберг, Макс фон Лауэ, а также Карл-Фридрих фон Вайцеккер и Отто Ган, лишь за несколько месяцев до того (1944) удостоенный Нобелевской премии по химии, оказались в руках английской разведки и вывезены в Восточную Англию.

Бивор не согласен с распространенным среди историков мнением о том, что вплоть до Потсдамской конференции летом 1945-го ни Сталин, ни Берия не принимали всерьез угрозу, связанную с американской атомной бомбой. Он считает, что масштабы операции НКВД по поискам урана в районе Берлина противоречат подобному рода допущениям. Успехи Запада в создании ядерного оружия серьезно подрывали превосходство Советского Союза в обыч-

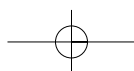
Александр Кузяков

ных вооружениях, и Сталин не сомневался, что Запад будет его шантажировать.

Почему же все-таки, к вящему разочарованию Уинстона Черчилля, а также маршалов Алана Брука и Монтгомери, Эйзенхауэр принял решение предоставить возможность взятия Берлина Советской армии, вопрошает Бивор. По мнению генерала Эйзенхауэра, иное решение привело бы к бессмысленному кровопролитию (по предварительным подсчетам, потери англо-американцев могли достигнуть 100 тысяч человек). «Почему мы должны подвергать опасности жизнь хотя бы одного американца или британца для овладения территориями, которые вскоре будут переданы русским?» – считал Эйзенхауэр. Правда, он не учитывал стремления немцев сдаться западным союзникам (особенно после того, как Геббельс заявил, что попасть в плен к русским страшнее смерти), а также важности завладения немецкими военными технологиями и учеными, полагает Бивор. Но, как пишет английский историк, неожиданная смерть Рузвельта, о которой сообщили по радио вечером 12 апреля, и неопределенность в отношении его преемника, Гарри Трумэна, утвердили Эйзенхауэра в решении не подвергаться риску, связанному со штурмом Берлина.

В то же время генерала Эйзенхауэра беспокоила возможность столкновения с советскими войсками, ведь он не имел никакого намерения вступать в соперничество с ними. Он, безусловно, не ошибался в том, пишет Энтони Бивор, что «в момент, когда победа была столь близка, американские и британские войска, находившиеся под впечатлением (из газетных сообщений) о героизме Красной армии, оказались бы в большом затруднении, получи они приказ вступить в бой с советскими боевыми порядками». Даже Черчиллю пришлось согласиться с начальниками своих штабов в том, что попытки западных союзников отбросить назад Красную армию «немыслимы».

Английский военный историк приходит к выводу о том, что Дуайт Эйзенхауэр, вероятно, принял правильное решение, но исходил из ложных посылок. Американцы были способны взять Берлин первыми, но «мысль о том, что западные союзники могли захватить и удерживать город под носом у Сталина и тем самым отсрочить выполнение советской ядерной программы, не более реалистична, чем "воздушные замки" времен холодной войны». Делая подобное заключение, автор фактически наводит на мысль о том, что еще задолго до своего начала эта война могла сразу стать «горячей».

Память и политика

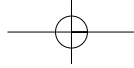
Мы вас и не знали ни вблизи,
и к вам, ушедшим в бой,
и вникали, что вы думаете о нас,
что вы о нас думаете в бою,
но сейчас, в этот момент,
мы с вами, в этот момент.

Что, чтобы так разлучить
разлученных, чтобы —
как и в бою — не быть,
как в бою — быть — быть — быть —
на всех вечно быть.

«Наша страна». Советское пропагандистское издание, посвященное освобождению Западной Украины и Западной Белоруссии, сентябрь 1939 года

“*Современные россияне не несут ответственности за преступления своих предков, но если они будут упорно отрицать правду, то фактически разделят эту ответственность. То, что официальная Россия до сих пор отказывается признать факты советского правления в соседних странах, вряд ли можно истолковать иначе, чем в качестве неявного признания своей причастности и ответственности*”

- Белые пятна в истории великой войны *Александр Чубарьян*
112
- Тени прошлого над Россией и Балтией *Ларс Фреден*
122
- Россия и Балтия: дело не в истории *Михаил Демури*
131

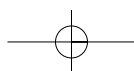
Белые пятна в истории великой войны

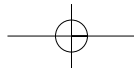
Александр Чубарьян

Празднование 60-летия победы во Второй мировой войне повсеместно вызвало всплеск интереса к истокам и непосредственным причинам, ходу и последствиям этого наиболее кровопролитного конфликта в истории человечества. Россияне, как и жители большинства стран мира, осознают величие общей победы над нацизмом — самой зловещей чумой XX столетия. Советский народ внес решающий вклад в разгром гитлеровской военной машины, заплатив за это страшную цену — 27 миллионов человеческих жизней, тысячи разрушенных сел и городов. В годы войны советские люди продемонстрировали массовый героизм, небывалое единство и сплочение во имя защиты страны и победы над врагом.

Для профессиональных историков война продолжает оставаться предметом глубокого анализа и изучения, не прекращается поиск новых документов. Такая работа крайне важна — ведь именно в последние годы активизировались споры и дискуссии вокруг Второй мировой, причем трактовка ряда проблем приняла ярко выраженный антироссийский характер. События более чем 60-летней давности негативно влияют на взаимоотношения России и некоторых из ее соседей, используются для создания в других государствах враждебного образа нашей страны. В значительной степени это связано с позицией официальных лиц, представителей общественности, средств массовой информации государств Балтии и некоторых стран Центральной Европы (прежде всего Польши). Именно по их инициативе в преддверии юбилея победы к этой теме обратились СМИ, а также высокопоставленные политики ряда стран Западной Европы и Соединенных Штатов. Заявления об ответственности

А.О. Чубарьян — академик РАН, директор Института всеобщей истории РАН.

Белые пятна в истории великой войны

России за внешнеполитические действия сталинского руководства 1930–40-х годов прозвучали из уст некоторых мировых лидеров.

ИСТОРИЯ – ОРУЖИЕ КРИТИКОВ?

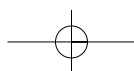
В центре дискуссий оказался советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 года, известный как пакт Молотова – Риббентропа. Этот документ является предметом острого неприятия со стороны критиков России по следующим причинам:

- пакт (и особенно секретные протоколы к нему) стал причиной начала Второй мировой войны;
- на его основе состоялся новый раздел Польши между СССР и Германией;
- Советский Союз осуществил аннексию, а затем и оккупацию стран Прибалтики. Как считают некоторые представители научного мира и СМИ, а также официальные лица, эта оккупация, прерванная в 1941-м нападением Германии и возобновившаяся после вступления советских войск в Прибалтику в 1944–1945 годах, продолжалась с лета 1940 до 1991 года. (Именно поэтому, полагают они, 9 мая не может быть праздником для народов Прибалтики.)

В этой связи в странах Балтии, осуждающих немецкую оккупацию, одновременно поднимается на щит «сопротивление» советским войскам, оправдываются (особенно в Латвии и Эстонии) действия местных национальных формирований, которые сотрудничали с нацистами и с оружием в руках вели борьбу против «советских оккупантов». Участников этих формирований приравнивают к ветеранам войны, а зачастую они пользуются даже более существенными привилегиями, чем те, кто сражался с нацистами.

В Польше и в некоторых других государствах резко критикуются решения Ялтинской (Крымской) конференции, состоявшейся в феврале 1945-го, которые, по мнению ряда политиков и историков, положили начало установлению тоталитарных режимов в Польше и других странах Восточной и Юго-Восточной Европы, причем ответственность за это возлагается прежде всего на Советский Союз. Опираясь на данный факт, СМИ в ряде государств – новых членах Европейского союза стремятся принизить роль СССР в разгроме нацизма.

Кроме того, активно выдвигается идея о том, что Россия должна покаяться, принести публичные извинения за действия Советского

Александр Чубарьян

Союза в Прибалтике, Польше и других странах Восточной и Юго-Восточной Европы в 1939–1947 годах и в последующий период.

Разговоры о покаянии, столь популярные ныне в ряде стран и среди некоторых политических деятелей, неизменно вызывают крайне негативную реакцию в России. В принципе сама идея тотального «покаяния» и «извинения» представляется неконструктивной. Мировая история знает тысячи войн, конфликтов, преступле-

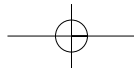

Журнал «Смена», сентябрь 1939 г.

ний, и невозможно представить себе, что случилось бы, начнись сегодня процесс массовых «извинений». Надо признать, что культура осмысления истории и «преодоления прошлого» весьма развита в странах Евросоюза, который изначально был задуман как средство для достижения того, чтобы раз и навсегда положить конец историческим противоречиям между европейскими державами. Однако стоит напомнить, что и в Европе путь к «покаянию» был весьма долгим и тернистым и начинался он 55 лет назад не с выяснения отношений (в этом случае интеграция, наверное, очень быстро закончилась бы), а с «вынесения за скобки» исторических обид во имя создания устойчи-

вой конструкции экономического сотрудничества.

Кроме того, часто почему-то избегают говорить о том, что в декабре 1989-го Съезд народных депутатов СССР специальным постановлением осудил секретные протоколы к пакту Молотова – Риббентропа и признал их недействительными как противоречащими нормам права и морали. Тогда же советское руководство признало ответственность Советского Союза за убийство польских граждан в Катыни. С тех пор никто из руководителей нашей страны не ставил под сомнение эти заявления и решения. И если современная Россия, по мнению ее критиков, должна отвечать за предвоенную и послевоенную политику СССР в отношении При-

Белые пятна в истории великой войны

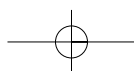
балтики и Польши, то в той же степени она «наследует» и официальные решения эпохи перестройки. Вряд ли необходимы новые подтверждения прежнего решения — ведь такая практика в принципе не свойственна России.

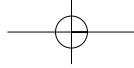
Анализируя причины и последствия заключения пакта Молотова — Риббентропа, следует придерживаться многофакторного подхода и не допускать упрощений. Этот советско-германский документ надлежит рассматривать в контексте общей международной ситуации, складывавшейся с конца 1930-х годов. Как известно, после прихода нацистов к власти в Германии, представители СССР, Англии, Франции и ряда других стран активно вели переговоры о создании системы коллективной безопасности. Но эти усилия закончились неудачей, и ответственность за это несет каждая из сторон.

Мюнхенское соглашение от 29 сентября 1938 года, ставшее трагическим проявлением политики «умиротворения агрессора», коренным образом повлияло на международное положение: лидеры Англии и Франции отдали Гитлеру часть Чехословакии. В Москве Мюнхенское соглашение восприняли крайне болезненно, усмотрев в нем стремление изолировать Советский Союз или даже попытку направить германскую агрессию на восток. С весны 1939-го во внешней политике СССР обозначился поворот к укреплению контактов с Германией.

Летом 1939 года появился новый шанс на создание антигитлеровского блока: в Москве начались англо-франко-советские переговоры. Но и эта попытка ни к чему не привела, потому что все стороны ставили собственные интересы выше необходимости борьбы со смертельной нацистской угрозой. Противоречивую позицию занимала Польша, и вскоре, в конце августа 1939-го, как уже сказано выше, был подписан советско-германский договор о ненападении с секретными протоколами о разделе сфер влияния в Восточной Европе.

Бессмысленно отрицать, что присоединение балтийских стран проходило в условиях советского силового давления. Очевидно и то, что депортации и репрессии в Прибалтике, на которую сталинское руководство распространило методы, применявшиеся по всей территории Советского Союза, заслуживают решительного осуждения. Но очевидно и другое: в событиях 1939–1941 годов действовали различные, зачастую противоречивые мотивы и причины, требующие комплексного, многофакторного подхода и анализа. Наиболее существенные из них:

Александр Чубарьян

- необходимость обеспечить безопасность Советского Союза, ибо, несмотря на заключение договора и на показное дружественное отношение советского руководства к Берлину, сохранялась убежденность в том, что гитлеровская Германия остается главной военной опасностью для СССР;

- имперские настроения Сталина и его желание «расширить зону социализма»;

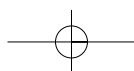
- внутривосточное положение в балтийских странах, население которых проявляло недовольство политикой своих правительств;

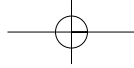
- промежуточное положение прибалтийских государств, зажатых между СССР и Германией, что ставило многих политиков Балтии перед выбором; при этом левая часть общественного спектра склонялась в сторону Москвы;

- связь присоединения Прибалтики Советским Союзом с ситуацией в Европе, в частности с молниеносным разгромом Франции, вызвавшим в Москве острое беспокойство (несмотря на внешние дружеские жесты в адрес Гитлера).

В отношении событий 1945-го следует отметить, что Ялтинские соглашения, а в более широком плане и вся Ялтинская международно-политическая система, просуществовавшая в послевоенном мире вплоть до конца 1980-х, также становятся сегодня мишенью для критики. Явным отступлением от исторической правды являются попытки возложить исключительно на Советский Союз ответственность за решения, принятые в Крыму более 60 лет назад. Многие словно забывают, что это были согласованные решения трех союзных держав (СССР, США, Великобритания), а идею послевоенного раздела мира на сферы влияния, прежде всего применительно к региону Центральной и Восточной Европы, впервые предложил Уинстон Черчилль во время встречи со Сталиным в 1944 году. Ялтинские соглашения, естественно, носили компромиссный характер, но в целом отражали тогдашний уровень согласия и взаимодействия между союзниками. Как и при любом международно-политическом компромиссе, его участники вкладывали свой смысл в принятые формулировки, но никто не оспаривал того факта, что Советский Союз и его армия внесли решающий вклад в разгром фашизма.

Острые дискуссии на эти темы продолжаются и в России, что является нормальным плодотворным процессом. Недавно Институт

Белые пятна в истории великой войны

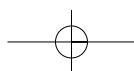
всеобщей истории Российской академии наук совместно с Латвийским государственным университетом и Институтом современной истории в Мюнхене провел международную конференцию о событиях 1939–1941 годов, в ходе которой высказывались самые различные точки зрения. Участники подчеркивали, что политизация истории наносит вред современным международным отношениям. Политика в наши дни не должна стать заложницей истории.

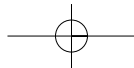
Вместе с тем ряд российских историков и общественных деятелей — отчасти в качестве реакции на волну критики извне, отчасти в своих собственных политических интересах — призывают пересмотреть оценки, ставшие общепринятыми за последние 15–20 лет. Подобные попытки порождают ощущение возврата к трактовкам, бытовавшим тогда, когда историческая наука находилась в жесткой зависимости от государственной идеологии.

ВЫЗОВ РОССИЙСКИМ ИСТОРИКАМ

Дело историков из всех заинтересованных стран — не прекращать кропотливой работы над исследованием военной тематики. Но и мы сами должны помнить о том, как много еще пробелов в наших собственных знаниях о Великой Отечественной войне. Кое-что начинает забываться или игнорироваться. Так, авторы публикаций последнего времени словно не знают, что Сталин слишком сильно полагался на пакт о ненападении с Германией. Подписав этот договор, советский лидер не сохранил никаких средств давления на германское руководство, хотя он вполне мог поддерживать активные связи с Англией и дальше (чего Гитлер в то время очень опасался) или, по крайней мере, разрешить компартиям и левым силам стран Европы продолжать разоблачение фашизма как главной угрозы миру и безопасности.

Специалисты до сих пор спорят о том, насколько наша страна была подготовлена к войне. Новые документы позволяют говорить о том, что где-то на рубеже декабря 1940 — января 1941 года в Кремле приняли решение начать подготовку к войне. В официальной пропаганде наметился резкий поворот: возобновилась критика фашизма, полностью прекратившаяся после заключения советско-германского пакта. Политбюро ЦК ВКП(б) в ходе своих заседаний начало срочно рассматривать программы перевооружения. Но все эти меры оказались явно запоздалыми. Достаточно упомянуть, что в директиве Г.К. Жукова и С.К. Тимошенко от 17 июня 1941 года пред-

**Леон КЕРЕС,
председатель Института национальной памяти (Польша):**

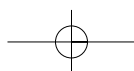
Шестидесятилетие победы над гитлеровской Германией продемонстрировало, что Вторая мировая война еще не стала историей и по-прежнему является фактором современной политики. Я согласен с тем, что прошлое не должно вмешиваться в события сегодняшнего дня, а политическая конъюнктура не может диктовать историкам, каким образом надлежит трактовать те или иные явления. Однако спрятаться от истории нам не удастся, потому что нации не подвержены амнезии.

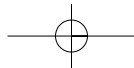
Иногда создается впечатление, что у россиян просто-напросто еще не выработалась привычка к плюрализму мнений, – ведь чем еще можно объяснить их удивление по поводу того, что другие могут иначе воспринимать те или иные факты. Всякая историческая оценка, расходящаяся с той, что принята в Москве, воспринимается как атака на современную Россию и ее граждан. Такая позиция, увы, исключает возможность конструктивного диалога. Странно, что особенно болезненную реакцию вызывает здесь критика событий, связанных с действиями Советского Союза, в частности его сталинского руководства, за которые современная Российская Федерация ответственности не несет.

Я всегда предельно осторожно подхожу к такой теме, как, например, роль советского руководства в начале Второй мировой войны. Как бы ни вел себя Сталин и какими бы ни были его мотивы, мы не имеем права забывать о той огромной цене, которую народы Советского Союза заплатили за страшные годы войны – от вероломного нападения фашистских войск 22 июня 1941 года до победы над нацизмом. Мы помним о том, что на территории Польши погибло 600 тысяч советских солдат, выдворивших немецких оккупантов с нашей земли. Но сказать правду о роли Сталина – значит сказать правду и о самой России. Коммунистический диктатор, политика которого позволила гитлеровской Германии осуществить агрессию против СССР, прежде всего несет ответственность не перед поляками и прочими соседями, а перед собственным народом.

Я не сторонник упрощенных оценок: ведь исторический процесс – сложная, многослойная материя. Можно ли говорить о том, что заключение в 1939-м пакта Молотова – Риббентропа о разделе сфер влияния – следствие самых различных международных обстоятельств? Да, можно, поскольку и политика западных союзников, в том числе и в отношении Варшавы, не являлась в то время идеальной. Но это не отменяет того факта, что именно советские и немецкие войска оккупировали Польшу.

Есть ли у Польши повод относиться к Ялтинским соглашениям как к позитивному фактору? Да, есть: мы получили стабильные границы. Но их определили помимо нашей воли; нас не спрашивали, хотим ли мы их переноса на запад. А правда, что Ялта установила в Европе мир, который про-

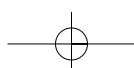
держался несколько десятилетий, включая самые напряженные периоды холодной войны? Да, правда, но строилась-то вся эта система на принуждении и притеснении.

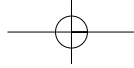
Мы часто слышим: Советский Союз, мол, помогал Польше в рамках СЭВа, а Варшавский договор много лет обеспечивал «защитный зонтик»... Но ведь мы об этом не просили, а «зонтик» защищал нас от угрозы, которую он сам и создавал. Но даже если социализм и принес полякам что-то полезное, факт остается фактом: наш национальный суверенитет оказался ограничен. Россия очень высоко ценит свой суверенитет, и это абсолютно справедливо, но нельзя же отказывать другим в праве на независимость...

Политика XXI века не должна представлять собой череду бесконечных извинений и покаяний за деяния прежних времен. Однако в истории каждого государства и народа есть особенно болезненные, принципиальные ситуации, оставляющие неизгладимый след в памяти и сознании нации. Таков, например, геноцид армян в Османской империи, и поэтому вполне закономерно, что теперь, когда Турция стремится стать членом Европейского союза, от нее требуют признать факт этого преступления и официально принести извинения. Мы в Польше знали, насколько евреи чувствительны к такой теме, как трагедия в Едвабне, польском местечке, где в результате погромов в 1941 году погибли тысячи людей. И польское государство попросило прощения, хотя далось это нелегко.

Есть вещи, которые нельзя рассматривать в историческом контексте, ссылаясь на специфическую международную обстановку и реалии того времени. Для поляков таким моментом истины стала Катынь, и россияне должны понимать, насколько важны для нас вопросы, имеющие отношение к подобного рода событиям. Когда с российской стороны звучат встречные претензии, связанные, скажем, с гибелью пленных красноармейцев в 1920-м, они свидетельствуют о непонимании Москвой истинного значения и масштаба катынской трагедии для Польши. И если ученые могут не соглашаться друг с другом, трактуя другие страницы нашей совместной истории, то в данном случае спор неуместен.

Наша оценка прошлого должна основываться на абсолютных ценностях. Я, например, решительно не согласен с теми политиками в странах Балтии или в Украине, которые выступают за реабилитацию латышских или эстонских эсэсовцев, украинской дивизии «Галичина» как борцов за независимость родины. Теоретически мы в Польше тоже имели возможность создать такие формирования: ведь Союз польских патриотов в СССР – политический тыл 1-й и 2-й армий Войска польского и коммунистических партизанских отрядов – не скрывал, каким будет послевоенный строй. Но ни этот факт, ни попытки Германии создать лояльные польские подразделения не привели к тому, чтобы в Польше нашелся хоть один командир, готовый – даже ради защиты суверенитета своего отечества – вступить в схватку с советскими солдатами...

Александр Чубарьян

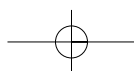
писывалось завершить работу по приведению «в норму» аэродромов Западного военного округа до 1 октября (!) 1941-го.

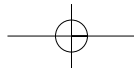
По-прежнему острым остается вопрос о трагедии лета и осени 1941 года, когда сотни тысяч советских солдат и офицеров оказались в окружении, погибли или попали в плен. Это произошло из-за слабой профессиональной подготовки значительной части высшего командования Красной армии. К примеру, только за первые четыре месяца 1941-го на Западном фронте была произведена замена семи командующих фронтами. Лишь пятеро из тех, кто начал войну в качестве командующего фронтом, закончили ее в этой же должности (Г.К. Жуков, И.С. Конев, К.А. Мерецков, А.И. Еременко и Р.Я. Малиновский. — Ред.).

Нашим историкам еще только предстоит глубоко изучить множество вопросов, связанных с прошедшей войной. Это касается и такой темы, как эвакуация промышленности на восток страны, позволившая впоследствии создать экономический фундамент будущей победы. Жесткая централизация всех сторон жизни Советского Союза в годы войны, безусловно, сыграла положительную роль. Но при этом нельзя забывать известный приказ Сталина «Ни шагу назад!», заградительные отряды, штрафбаты и другие меры сталинского руководства, проявлявшего чрезмерную жестокость к собственному народу. Историческая наука должна искать ответы на вопрос, крайне важный не только в историческом, но и в общечеловеческом, философском, человеческом смысле: какова цена войны и победы? Все ли жертвы были неизбежны и оправданны? В достаточной ли степени советские политические лидеры и военачальники руководствовались принципом «воевать не числом, а умением»?

Несколько лет назад российские историки уже начали говорить о советском коллаборационизме, о том, что в военных формированиях вермахта служили многие сотни тысяч советских граждан. Конечно, многие из них стремились сохранить свои жизни, находясь в страшных условиях фашистских лагерей для военнопленных. И все же столь значительное число людей, переметнувшихся к врагу, заставляет задуматься не только о моральных корнях предательства, но и о самой политике, проводимой в 1930-е годы руководством СССР, о ее реальной поддержке гражданами.

Почти не исследована психология советских людей в годы войны на фронте и в тылу. Только сравнительно недавно появилась работа о «фронтовом поколении», но это лишь начальный вклад в

Белые пятна в истории великой войны

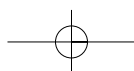
изучение большой и многоплановой темы. Люди испытывали постоянный стресс, сталкивались со смертью и жестокостью на фронте, терпели страшные лишения в тылу, переживали чудовищную трагедию, находясь в плену или на оккупационных территориях. Об этом тоже необходимо постоянно писать, так же как и о героизме воинов и тружеников.

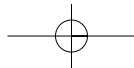
Дальнейшего изучения требует и тема повседневной жизни и состояния общества в годы войны. Это и изменение советской ментальности, и трансформация представлений людей о жизни и смерти, и жизнь в условиях голода и болезней, проявления жертвенности и великодушия, соотношение преступления и наказания и т. д. Мало исследован и вопрос о том, как победа и послевоенные геополитические изменения повлияли на внутреннюю политику сталинского руководства второй половины 1940-х – начала 1950-х годов.

Историки всех стран продолжают анализировать деятельность и механизмы функционирования антигитлеровской коалиции. Появилось много новых документов, раскрывающих достижения коалиции, высокий уровень согласия и одновременно скрытое противоборство, возросшее к концу войны в силу различия геополитических целей. Этот уникальный период эффективного взаимодействия государств, придерживавшихся диаметрально противоположных идеологических взглядов, крайне интересен не только для историков, но и для действующих политиков, которые могут извлечь из него полезные уроки.

Когда-то наши исследователи видели «правду истории» только в розовых тонах, в контексте «поступательного прогрессивного развития». За прошедшие 20 лет российская историография преодолела дистанцию огромного размера к обновлению исторических представлений. Гордясь историей нашей страны, мы вместе с тем осудили преступления против советских людей, репрессии, тоталитарные методы управления экономической, политической и духовной жизнью.

подавляющее большинство российских граждан, в том числе и историков, поддержали демократический выбор России, новый взгляд на историю страны и мира. И нет никаких оснований для того, чтобы, реагируя на подчас несправедливую критику в адрес России, пересматривать достижения последних 20 лет.

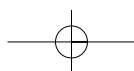
Тени прошлого над Россией и Балтией

Ларс Фреден

Все дискуссии с официальными представителями России о ситуации в Латвии, Литве и Эстонии рано или поздно выливаются в обсуждение событий 1939–1940, 1944–1945 и последующих годов. Точки зрения Москвы и балтийских столиц события прошлого диаметрально противоположны. Это влияет и на сегодняшние отношения. Годовщина окончания Второй мировой войны вызвала новый всплеск споров на эту тему, достигших высокого эмоционального накала.

Логика российской стороны хорошо известна и не претерпевает особых изменений. Сегодня, как и в тот период, когда я вплотную занимался российско-балтийскими отношениями (1991–1998), российские коллеги любят подчеркивать, что в 1991-м именно Россия «дала» независимость странам Балтии, признав их в качестве суверенных государств. Действительно, признание Россией независимости балтийских государств сыграло решающую роль. Также вспоминают тесное сотрудничество между демократами России и Балтии в последние годы существования СССР. Это тоже верно. Россияне справедливо указывали на то (ныне об этом говорят гораздо меньше), что приезд Бориса Ельцина в Таллин 13 января 1991 года, спустя всего

Ларс Фреден прослужил более 20 лет в шведском дипломатическом ведомстве, занимая различные посты, в том числе в представительствах в Риге и Москве. В 1992–1994 годах был советником премьер-министра Швеции по делам балтийских стран. В настоящее время в МИДе не работает. Данная статья представляет собой сокращенную версию главы из книги о первых годах независимости Латвии, Литвы и Эстонии, которая выйдет в свет в начале 2006-го в издательстве *Atlantis* (Швеция). Автор высказывает свою личную точку зрения.

Тени прошлого над Россией и Балтией

несколько часов после бойни у вильнюсской телебашни, имел решающее значение для борьбы балтийских народов за освобождение.

Но после обретения независимости страны Балтии, сетуют в Москве, плохо отблагодарили Россию за ее великодушие, повернувшись лицом к НАТО, и, если говорить о латышах и эстонцах, отказались автоматически предоставить гражданство всем русскоговорящим жителям. На переговорах о выводе российских войск, за которыми я внимательно следил в бытность сотрудником аппарата премьер-министра Швеции, представители России с искренней убежденностью утверждали, будто балтийские государства должны благодарить Москву за то, что она вообще выводит армию с их территории.

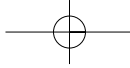
Чувства россиян отчасти можно понять — ведь многих из них, а не только ностальгирующих по советским временам красно-коричневых, разочаровали и даже нанесли им личное оскорбление действия балтийских политиков после 1991-го. К тому же Эстония и Латвия (исключая довоенный период независимости) являлись частью России с начала XVIII века, а Литва (кроме Клайпеды) вошла в состав Российской империи в 1795 году.

Однако с точки зрения международного права эти чувства неуместны. А для самих жителей Прибалтики мнение, будто они должны быть благодарны за предоставленную им свободу, непонятно и оскорбительно. Мне не раз приходилось доказывать российским коллегам, что независимость балтийских государств — это их неотъемлемое право, а не милость, а потому она не может быть дарована ни Россией, ни кем-то еще. Вполне понятна радость по поводу прекращения агрессии, но нет нужды благодарить злодея, переставшего совершать злодеяния.

Еще один аргумент, который отстаивался россиянами в те дни, сводился к тому, что население Балтии в долгу за материальный прогресс, достигнутый при советской власти. Они будто бы должны быть признательны СССР за Новый порт в Таллине, нефтяной терминал в латвийском Вентспилсе, автотрассу Вильнюс — Клайпеда в

Не забудьте о Латвии.
Блок марок, выпущенный
в США в 1967 году

Ларс Фреден

Литве. Бывший спикер Госдумы РФ Геннадий Селезнёв как-то заявил, что ему не известно, «где оказалась бы сегодня Латвия, на каких задворках Европы, если бы весь Советский Союз не помогал Латвии и Эстонии развиваться».

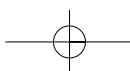
Подъем жизненного уровня местного населения в условиях иностранного правления всегда выдвигался в качестве главного аргумента в целях оправдания империализма, проявления которого от этого отнюдь не становятся более привлекательными. В случае с балтийскими государствами подобные аргументы легко опровергнуть, опираясь на статистику периода независимости между двумя мировыми войнами. Так, в 1938-м уровни жизни в Эстонии и Финляндии были сопоставимы, чего никак не скажешь о времени, относящемся к 1991 году. Но что самое главное, вопрос о том, строить или не строить порты и автотрассы, эстонцы, латыши и литовцы предпочли бы решать самостоятельно. Да, некоторые проекты, направленные на развитие инфраструктуры, были полезны. Однако в целом советская власть причинила Прибалтике огромный экологический вред, в результате коллективизации был нанесен страшный удар по сельскому хозяйству, систематически уничтожались национальные культуры.

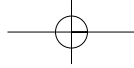
БЫЛ ЛИ ОСУЖДЕН ПАКТ?

Самая болезненная тема российско-балтийских дискуссий — вопрос о событиях, приведших к утрате независимости после заключения пакта Молотова — Риббентропа в 1939 году. Постоянно приводимый аргумент состоит в том, что Съезд народных депутатов СССР (24 декабря 1989 г.) осудил не только секретный дополнительный протокол к пакту Молотова — Риббентропа (1939), но также и советскую аннексию прибалтийских государств в 1940-м, что не соответствует действительности.

На самом деле, в декабре 1989 года комиссией, возглавляемой Александром Яковлевым, в то время одним из ближайших соратников Михаила Горбачёва, был подготовлен доклад, зачитанный на пленарной сессии Съезда народных депутатов СССР. Главный вопрос, на который должна была ответить тогда комиссия, заключался в том, идет ли речь о подлинном существовании протоколов вообще, или это всего лишь «антисоветские измышления», источником которых являлись упорно ходившие слухи.

Яковлев отметил, что поиски оригиналов в советских архивах не увенчались успехом, однако копии, которыми располагала комис-

Тени прошлого над Россией и Балтией

сия, на основании ряда свидетельств были признаны аутентичными. В постановлении, принятом Съездом народных депутатов по докладу, протоколы объявлялись противоречащими международному праву, осуждались и признавались «юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания». Съезд народных депутатов также заявил, что ввиду секретности протоколов они не направлялись в парламент для ратификации, поэтому советским гражданам ничего не было известно об их существовании. Таким образом, эти документы «никак не отражали волю советского народа, который не нес ответственности за этот сговор».

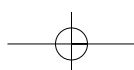
Съезд народных депутатов не связал протоколы с аннексией балтийских государств, поскольку его мандат касался только 1939 года, тогда как в отношении Балтии положения протоколов были полностью осуществлены только в 1940-м. Предложения народных депутатов от балтийских республик создать новую комиссию для расследования событий 1940–1941 годов поддержки не получили.

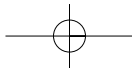
В общем, Съезд народных депутатов в декабре 1989-го действительно осудил секретные протоколы, но не выразил мнения относительно их последствий. Не сделала этого и новая Россия; более того, сегодня ее официальная линия заключается в отрицании факта оккупации государств Балтии, о чем в Европе в преддверии 60-летия победы неоднократно заявлялось российским руководством на разных уровнях.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОШЛОГО

Ничто не свидетельствует в пользу того, что Россия готова примириться с историей своих отношений с Прибалтикой. Подобно другим большим нациям, россиянам трудно проникнуться мировоззрением и чувствами малых народов. Но отчего же новая Россия не в состоянии дистанцироваться от действий СССР? В конце концов, согласно ее утверждениям, она порвала с порочными советскими традициями. А если это так, то что мешает ей осудить или хотя бы признать факт событий, имевших место более полувека тому назад?

Очевидно, для России признание истинного содержания своих действий в прошлом представляет собой психологически очень трудный и болезненный шаг. Большую роль играет и тот факт, что реакция извне, по сути, отсутствует. Достаточно представить себе ту волну негодования, которая поднялась бы, заяви немецкий дипломат, что включение Богемии и Моравии в состав Третьего рейха в 1939 году не было оккупацией, потому что тогдашний президент

Ларс Фреден

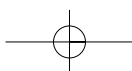
Чехословакии Эмиль Гаха подписал соответствующий документ с Гитлером. Но когда высокопоставленные российские представители говорят нечто подобное в отношении Балтии, реакция практически отсутствует.

В чем же связь между бывшим Советским Союзом и сегодняшней Россией — страной, возникшей на обломках СССР и осуждавшей (по крайней мере, в первые годы своего существования) всю систему, олицетворяемую советской империей? Несет ли Россия ответственность за действия СССР в странах Балтии? Это сложный вопрос с юридической, нравственной и психологической точек зрения. Но некоторые вещи неопровержимы.

Для начала невозможно отрицать тот факт, что большевистский переворот 1917-го произошел именно в России, хотя та Россия сильно отличалась от нынешней. Во-вторых, во многих случаях (но не во всех, а лишь тогда, когда ее это устраивает) Российская Федерация считает себя правопреемницей СССР. Таким образом, в сознании народов, ограбленных при советской власти, современная Россия устойчиво с ней ассоциируется. Это тем более справедливо, поскольку Советский Союз был «российским» в том смысле, что власть в нем принадлежала русским или тем представителям других народов, мышление которых было столь же великоросским (Сталин — самый яркий пример). Этнические русские занимали высокие посты в компартиях всех советских республик, русские доминировали в Вооруженных силах, а русский язык и культура вытесняли язык и культуру оккупированных государств.

Все, и в первую очередь сами немцы, без колебаний признают связь между Федеративной Республикой Германия и Третьим рейхом, хотя современная Германия — демократическое государство, не имеющее ничего общего с Германией гитлеровской. Тем не менее ФРГ потратила годы и многие миллиарды немецких марок на то, чтобы компенсировать причиненный ущерб, а в нескольких случаях и установить мир с нациями, опустошенными нацизмом.

Одна из причин такого поведения Германии заключается в том, что мир ясно и недвусмысленно потребовал от нее разобраться со своей историей. Того же мир требует и от Японии. Но почему-то никто за исключением жителей балтийских стран не выдвигает аналогичные требования к России. Как минимум, мы можем призвать Россию не отрицать собственную историю. Признать факты вовсе не обязательно означает взять вину на себя. Современные россияне

Тени прошлого над Россией и Балтией

не несут ответственности за преступления своих предков, но если они будут упорно отрицать правду, то фактически разделят эту ответственность.

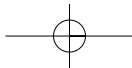
То, что официальная Россия до сих пор отказывается признать факты советского правления в Прибалтике, вряд ли можно истолковать иначе, чем в качестве неявного признания Москвой своей причастности и ответственности. Ведь то, за что ты не отвечаешь, признать нетрудно.

Ключевым понятием в ходе строительства послевоенной демократической Германии было «преодоление прошлого» (*Vergangenheitsbewältigung*). Этот процесс может принимать разные формы — от публичных высказываний политических лидеров до молчаливых жестов. В первые годы своего существования новая Россия фактически делала и то и другое, пусть и не так масштабно. Это касалось таких стран, как Венгрия, Польша и в то время еще существовавшая Чехословакия. Несколько жестов было сделано даже в сторону государств Балтии.

В преамбуле к договору от 29 июля 1991 года между Литвой и РСФСР содержалось упоминание о советской «аннексии 1940 года, которая была посягательством на суверенитет Литвы». В статье министра иностранных дел РФ Андрея Козырева, опубликованной в *International Herald Tribune* (14–15 августа 1993 г.), упоминались «преступления Сталина» и «секретные протоколы, которые в 1939 году дали основание Сталину и Гитлеру решить участь прибалтийских государств». Однако российский министр также подчеркнул, что «современная Россия не несет ответственности» за «преступления прошлого». Когда 30 апреля 1994-го Бо-

Мученики взывают о помощи:
Запад, уничтожь красную тиранию на Востоке,
прежде чем она уничтожит тебя!
Плакат 1949 года

Ларс Фреден

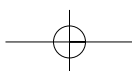
рис Ельцин подписывал с Латвией договор о выводе войск, он упомянул о «репрессиях в Латвии» и «насильственном изгнании в Сибирь незначительной части ее жителей», но поспешил заявить, что ни Россия, ни российский народ не несут никакой ответственности за случившееся.

В наши дни «преодоление прошлого» прекратилось. Однако в долгосрочной перспективе оно неизбежно. Это будут тяжелые и трудные шаги, но просить о них — не значит требовать слишком многого от великой нации. Настанет момент, когда российским лидерам придется объяснить своему народу, какой ущерб Советский Союз причинил жителям Эстонии, Латвии и Литвы, их культуре, экономике и экологии. До тех пор пока это не произойдет, отношения между балтийскими странами и Россией не могут полностью нормализоваться. Россия должна каким-то образом показать, что, по крайней мере, понимает, что произошло там при советской власти. Одиночных жестов и заявлений недостаточно. О некоторых вещах придется говорить и писать многократно, на протяжении многих лет. Посмотрите, сколько времени понадобилось Германии для того, чтобы нормализовать отношения с Польшей, Норвегией или Россией!

Преодоление Россией своего прошлого необходимо также для того, чтобы примирить коренных жителей стран Балтии с русскоговорящими согражданами. Это должно облегчить балтийским народам задачу отвести русской культуре и русскому языку достойное место в своих странах (эти шаги им рано или поздно придется предпринять). Наверно, еще важнее то, что преодоление Россией своего прошлого необходимо и для ее примирения с самой собой. Россия не сможет стать нормальной европейской страной, если не признает тяжкие преступления, совершенные коммунизмом против самих россиян.

Это — задача России. Лишь в малой степени ее решение зависит от влияния извне. Но очень важно — не в последнюю очередь для того, чтобы мы не потеряли уважение к себе, — чтобы внешние силы сделали то малое, на что они способны: не допустили, чтобы нынешние российские взгляды на историю не встречали отпора.

Понятно, что желание поддерживать хорошие отношения с Россией велико, и в большинстве случаев оно берет верх. Дискуссии на эти темы легко разжигают нешуточные страсти. Но уклоняться от них было бы заблуждением: лучше всего российские представители

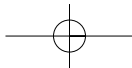
Тени прошлого над Россией и Балтией

Демонстрация против пакта Молотова - Риббентропа, Вильнюс, 1989 год

чувствуют слабость, которую в России презирают с такой же силой, с какой уважают твердость.

Империалистические наклонности глубоко укоренились во многих умах в Москве. Зачастую они проявляются на бессознательном уровне; это что-то вроде привычки, хотя никто не знает, когда и почему она сформировалась.

Россияне должны научиться жить со своим прошлым, тогда как жители стран Балтии — со своим настоящим. Балтийским политикам следует найти в себе силы активнее выражать свою благодарность российским демократам за поддержку, которую получали от них до 1991 года. Балтийским политикам необходимо также признать легитимную роль русской культуры в странах Балтии. В любом случае отношения не нормализуются сами собой. Как могут лидеры Прибалтики доверять соседу, который отказывается признать аннексию аннексией? Были бы сейчас возможны нормальные чешско-германские и польско-германские отношения, если бы Германия не принесла Чехословакии и Польше эмоциональные извинения и не предпринимала бы продолжительных усилий для политического примирения?

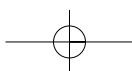
Ларс Фреден

Латвия, Литва и Эстония также должны критически оценить свое прошлое. Авторитарные режимы Ульманиса, Сметоны и Пятса, правивших в 20-е и 30-е годы прошлого века — очевидные объекты подобных расследований. Во всех странах Балтии в последние годы предпринимались шаги, направленные на признание правды о пособничестве нацистам в истреблении еврейского населения Прибалтики, но усилия в этой области должны быть еще более решительными. Необходимо задать трудные вопросы о сотрудничестве латышей, литовцев и эстонцев с советской властью. Конечно, для большинства людей не было другого выбора: Латвия, Литва и Эстония были частью СССР, а советская система пронизывала все поры общества.

В каком-то смысле сотрудничество было на руку латышам, литовцам и эстонцам. Оно смягчило последствия правления Москвы и позволило сохранить памятники и мемориалы, культурные места и окружающую среду, которые в противном случае, возможно, были бы разрушены и само существование которых впоследствии, когда в 1980-е началось движение за независимость, служило важным источником духовной и политической поддержки.

Борьба за свободу начиналась почти исключительно внутри советских структур. По крайней мере некоторые из местных коммунистических руководителей Прибалтики заслуживают уважения за их вклад в эту борьбу — ведь для выживания малых народов коллаборационисты были необходимы так же, как и диссиденты. Но существовал предел, за которым сотрудничество с советской системой становилось предательством собственной культуры, языка, истории, своих сограждан.

Однако здесь мы вступаем в область, которую очень трудно оценивать иностранцу, особенно тому, кто вырос в спокойной и безопасной Швеции. И все же грустно видеть, как многие из прежних печально известных беспринципных карьеристов в республиках советской Прибалтики процветают в свободных Латвии, Литве и Эстонии.

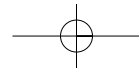

Россия и Балтия: дело не в истории

Михаил Демури

Когда редакция журнала «Россия в глобальной политике» предложила мне выступить оппонентом политологу из Швеции Ларсу Фредену по прибалтийской тематике, я согласился без колебаний. Шведские оценки политики России в Балтийском регионе, особенно в части, касающейся Латвии, Литвы и Эстонии, всегда отличались критическим, необъективным подходом. Ознакомившись с текстом, я убедился в том, что развитие ситуации в течение года после вступления стран Балтии в Европейский союз и НАТО никак не сказалось на этих оценках и они не претерпели изменений. А жаль. Свое членство в ведущих западных объединениях балтийские столицы использовали не для того, чтобы попытаться найти возможность улучшить отношения со своим восточным соседом, а чтобы, наоборот, осложнить их; использовали не с целью нормализации правового положения национальных меньшинств, а для продолжения курса на их дискриминацию. Такое поведение, в свою очередь, подпитывало наиболее недружественные и соответственно бесперспективные подходы Запада к его отношениям с Россией. А ведь поведение стран Балтии, на мой взгляд, могло бы внести коррективы даже в такие явно идеологически мотивированные взгляды части политического истеблишмента Швеции и ЕС, которые олицетворяет Ларс Фреден.

М.В. Демури более 20 лет находился на дипломатической службе, в том числе в 1997–2000 годах в качестве советника-посланника посольства РФ в Латвии, с апреля 2000 по март 2005-го – заместителя директора (по Прибалтике) Второго Европейского департамента МИДа России. В настоящее время руководитель Международного управления Исполнительного комитета политической партии «Родина».

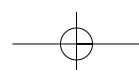

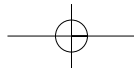
Михаил Демурин

НАВЯЗАННАЯ ПОЛЕМИКА

Вынужден, однако, констатировать: свою лепту в сохранение на Западе подобных настроений вокруг прибалтийского сюжета внесли и мы сами. В ключевой момент, когда Евросоюз начал реально ощущать масштаб политических, экономических, правозащитных и других проблем, вызванных поспешным приемом в свой состав прибалтийских государств, российская сторона отчего-то пошла на попятную. Вместо того чтобы сохранять и наращивать прессинг на партнеров по этому принципиально важному для России вопросу, Москва выступила с заявлениями о готовности «отделить экономику от политики», применить «экономические стимулы», снизить уровень критики по отношению к проводимому балтийскими странами курсу и к линии на его поддержку со стороны Европейского союза и США. Началось заигрывание с политиками откровенно антироссийского и русофобского толка. Демонстративно более прохладным стало отношение к тем силам, что последовательно выступают за уважительный подход к России, за равные права для русскоязычного населения, добиваются отказа Риги, Вильнюса и Таллина, а также их западных союзников от двойных стандартов в исторических оценках. Тем самым мы собственными руками осложнили начавшийся в западноевропейских политических кругах и экспертном сообществе процесс формирования более объективных подходов к комплексу прибалтийских проблем. Была ослаблена возможность воздействия на прибалтийские государства, с тем чтобы вынудить их пойти на крайне важный, в том числе и для самих западных столиц, компромисс с Россией в означенном регионе.

Поправить положение помогли празднование 60-летия Победы и безудержные аппетиты латышей, уверенных, что они получили от ЕС и НАТО карт-бланш на предъявление России территориальных и других «исторических» претензий. В результате инициированная на Западе при активной роли балтийских стран и Польши очередная попытка деморализовать Россию вызвала законное противодействие и подъем патриотических настроений в нашей стране. Подорвать политические позиции Москвы в диалоге с Западом не удалось, а сама Рига осталась на сегодняшний день без договора о границе с восточным соседом. Более того, российским сторонникам уступок государствам Балтии и заигрывания с ними пришлось приутихнуть, а Вашингтону и западноевропейским столицам — констатировать, что потакание ультранационализму и русофобии бьет рикошетом даже по недоброжелателям России, не говоря уже о тех на Западе, кто настроен на конструктивный диалог с Москвой.

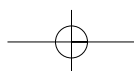

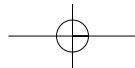
Россия и Балтия: дело не в истории

В течение первых лет работы на прибалтийском направлении российской внешней политики ваш покорный слуга, как и многие, пребывал в уверенности, что взятая на вооружение прибалтами концепция «оккупации» — это в первую очередь защитная реакция на донныне тяготеющий груз собственной истории. Не было сомнений в том, что одновременно она являлась и инструментом в усилиях по отделению от Советского Союза, привлечению поддержки Запада в становлении независимости. Со временем стало ясно: упомянутые факторы, безусловно, присутствуют, однако не играют первостепенной роли. Главное, чему служит концепция «оккупации», — это оправдать дискриминацию нетитульного населения, лишит политический и социально-экономических прав значительную часть постоянных жителей Латвии и Эстонии, закрепить власть в этих странах за определенными этнократическими группами.

Существенную роль играл во всем этом экономический аспект. Люди, проработавшие в Латвии и Эстонии десятки лет, не только не получили, как это им было обещано, гражданство в порядке регистрации, но и были лишены даже формального права на равное участие в приватизации (им полагалось меньшее количество приватизационных сертификатов). Мало того, они оказались в условиях, когда в органах государственной власти, отвечавших за процесс приватизации, практически все — до 95–97 % — ключевые позиции заняли представители титульных национальностей.

Известная доля ответственности за обоснование и реализацию этой дискриминационной политики лежит на западноевропейском и американском советниках Риги и Таллина (в частности, на видном шведском политике, в те годы премьер-министре Карле Бильдте). Следуя именно их советам, латвийские и эстонские «демократы» предали тех, с кем вместе боролись за независимость своих стран, и отказались от обещания обеспечить гражданство всем их постоянным жителям. Так в Европе возник беспрецедентный и абсурдный феномен «неграждан» Латвии и Эстонии (именно «неграждан», то есть людей, не утративших юридическую связь с данными конкретными странами, а не лиц без гражданства вообще) и их дискриминации со стороны властей. Пример Литвы, где был применен регистрационный принцип предоставления гражданства, свидетельствует, что соображения «исторической справедливости», «преемственности по отношению к довоенным государствам» и пр. явились в случае с Латвией и Эстонией лишь поводом для того, чтобы создать политические и экономические преференции для одной части общества за счет другой.

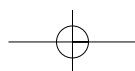
Михаил Демурин

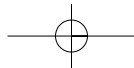

«Много выдумки и усердия проявили вожак колхозных комсомольцев Казимир Савицкий и секретарь сельского совета Альбина Миленкевичуте». Колхоз им. Адама Мицкевича (Литовская ССР), октябрь 1952 года

В истории с «негражданством» есть, однако, гораздо более существенный аспект. Речь идет об общем принципе недискриминации, зафиксированном в документах ООН. Соответствующая конвенция крупнейшей международной организации запрещает ущемление прав различных категорий людей по признакам расы, национальности, пола, вероисповедания и т. п. И было бы, по крайней мере, нелогично предположить, что дискриминация может быть признана правомерной только на том основании, что в истории взаимоотношений двух или нескольких народов произошло то или иное событие. Возьмите любой другой европейский регион, к примеру Центральную и Восточную Европу, и попробуйте убедить, скажем, венгров в том, что словаки могут ущемлять в правах их соотечественников, проживающих в Словакии, поскольку в бывшей Австро-Венгерской империи угнетали словаков. Результат, думаю, известен заранее.

Так что у наших оппонентов в Прибалтике, Европе и США не должно быть никаких сомнений: российская сторона ведет полемику по вопросам истории не по своей инициативе. Более того, наш генеральный тезис как раз заключается в том, что разногласия в исторических трактовках должны быть выведены за рамки сегодняшней политической повестки дня. Но этому упорно сопротивляются в определенных кругах стран Балтии, а также некоторые силы в ЕС и США.

Россия и Балтия: дело не в истории

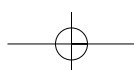

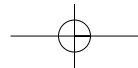
(1) Упорно трудятся таллинские консервщики, чтобы создать продукцию отличного качества. «Таллинские кильки – ароматные искусно приготовленные рыбки». Эстонская ССР, декабрь 1952 года. (2) Комбайнер Кулдингской МТС комсомолка Эльвира Рунге. Ей присвоено звание «Лучший комбайнер Латвийской ССР», ноябрь 1952 года.

Примечательно, что это прежде всего те, кто всего три года назад поддержал противоречившие международному праву действия США в отношении Ирака, принял участие в вооруженной агрессии против этой страны и последующей оккупации ее территории. А затем признал легитимными результаты выборов, состоявшихся там в условиях присутствия иностранных войск, непрекращающейся партизанской войны и очевидного вмешательства внешних сил в избирательный процесс.

ПРАВДА И ЛОЖЬ

Рассмотрим некоторые из аргументов, приведенных в статье Ларса Фредена. Использование им терминов «агрессия» и «оккупация» по отношению к событиям июня 1940 года в Прибалтике и последующего периода оставим на его совести. Автор, в частности, сетует на то, что Съезд народных депутатов СССР в декабре 1989-го, осудив подписание секретного дополнительного протокола к советско-германскому договору о ненападении от 23 августа 1939 года (пакт Молотова – Риббентропа), оставил без внимания «советскую аннексию прибалтийских государств в 1940 году». Но какую связь между этими событиями усматривает Фреден? Советско-германские договоренности 1939-го не повлияли на легитимность пактов о взаимопомощи, заключенных впоследствии СССР с прибалтийскими странами в условиях уже начавшейся мировой войны.

Михаил Демурин

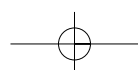
В соответствии с этими пактами Советский Союз получил право размещать свои военные объекты и контингенты войск на территории данных стран по согласованию с ними. (Литва, например, ссылаясь на такой договор в дипломатической переписке в Лиге Наций).

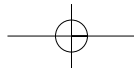
Что же касается инструментов обеспечения интересов Советского Союза и Германии в Восточной Европе и Прибалтике, то они определены не были. Поскольку же для обеспечения своих интересов в Прибалтике СССР не прибегал к ведению военных действий, а в самих Латвии, Литве и Эстонии на протяжении всего периода — с июня 1940 года и до их выхода из состава Союза ССР в начале 1990-х действовали национальные органы власти, то говорить об оккупации стран Балтии также нет оснований.

В последнее время вновь активно заговорили о том, что власти Латвии, Литвы и Эстонии дали согласие на ввод дополнительных контингентов советских войск в 1940 году отнюдь не в добровольном порядке. Между тем в соответствии с нормами международного права того времени принуждение без использования военной силы и без угрозы объявления войны не считалось основанием для признания соответствующего договора или согласия недействительными. Такой угрозы, как известно, обращения правительства СССР к властям Латвии, Литвы и Эстонии не содержали, а военная сила не использовалась.

Небезынтересно также познакомиться со свидетельствами современников и участников событий, произошедших в преддверии и в начальный период Второй мировой войны. Так, давая оценку политике, проводившейся в тот период Ригой и Таллином, Уинстон Черчилль писал: «В тот же день, 31 мая (на самом деле 7 июня 1939 года. — М.Д.), Эстония и Латвия подписали с Германией пакты о ненападении. Таким образом, Гитлеру удалось без труда проникнуть в глубь слабой обороны запоздалой и нерешительной коалиции, направленной против него».

А вот что вспоминает эстонский ветеран-антифашист Герой Советского Союза (за участие в боевых действиях летом 1941-го. — М.Д.) Арнольд Мери: «22-й территориальный корпус эстонской армии был преобразован в корпус Красной армии и вплоть до зимы 1941 года воевал в прежней, “буржуазной” форме. Бои начались 6 июля и продолжались до 4 октября — наш корпус отступил на 120 километров... Из 6–7 тысяч человек нашего корпуса после двухмесячных боев осталось в живых 640 человек... Вы можете назвать второй подобный пример в истории, когда армия “оккупированной территории” так ожесточенно сражалась бы за дело “окку-

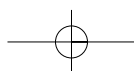
Россия и Балтия: дело не в истории

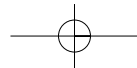
пантов”?). Так что если бы в 1940-м действительно имела место агрессия против Эстонии со стороны СССР и 22-му корпусу был бы отдан приказ отражать ее, то он бы его, видимо, с честью выполнил.

Обратимся теперь к термину «аннексия». В преамбуле Договора между РСФСР и Литвой об основах межгосударственных отношений (1991) действительно содержится ссылка на важность «устранения Союзом СССР нарушающих суверенитет Литвы последствий аннексии 1940 года». Речь, однако, идет о политической констатации присоединения без его квалификации как незаконного действия. Присоединение стран Балтии к Советскому Союзу в 1940-м не было односторонним актом, осуществлялось на основании соответствующих обращений высших органов власти этих государств и, таким образом, не противоречило международному праву того времени. Как не противоречило ему и присоединение к территориям стран Антанты отошедших к ним по итогам Первой мировой войны территорий Германии и ее союзников, также осуществленное с согласия присоединяемого государства. Кстати, одним из последствий вхождения Литвы в СССР стало обретение ею территорий, не входивших в ее состав до войны (Вильнюс, Вильнюсский край, Клайпеда).

Формат настоящей статьи не позволяет углубиться в исследование международно-правовых и исторических обстоятельств событий 1939–1940 годов в Прибалтике. Однако это в данном случае и не представляется необходимым. Совершенно очевидно, что речь идет не о научном, а о политическом споре. Особенно когда Ларс Фреден начинает давать оценки послевоенному периоду пребывания прибалтийских стран в составе СССР. Чего стоит, к примеру, заявление о существовавшем в те годы «иностранным правлении». Любой статистический справочник свидетельствует: русские и русскоязычные жители Латвии, Литвы и Эстонии трудились преимущественно в таких отраслях народного хозяйства, как промышленность, транспорт, коммунальные службы. В то же время руководящие посты в партийных, правительственных и советских органах власти занимали до 80–85 % латышей, литовцев и эстонцев. В сфере культуры и искусства также преобладали, причем со значительным перевесом, представители титульных национальностей. Кроме того, важно помнить, что латвийские, литовские и эстонские представители активно работали в советский период в высших органах власти СССР, а также и в руководящих структурах КПСС.

Отдельно стоит остановиться на тезисе Ларса Фредена о «систематическом уничтожении национальной культуры». Тем, кто сколь-

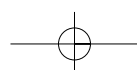
Михаил Демурин

ко-нибудь знаком с жизнью в Советском Союзе, хорошо известно, какой популярностью пользовались латвийские, литовские и эстонские мастера живописи, литературы, театра, кино, музыкального искусства, эстрады. Что же до тезиса о «русификации», скажу одно: если бы русские и все те, кто считает русский язык родным, имели в сегодняшних Латвии и Эстонии такие же права, как латыши и эстонцы в СССР, то проблема была бы попросту снята.

Знаю, что «подставляюсь» под обвинения в апологетике «советского строя». Но подобного рода обвинения могут исходить только от идеологически предвзятых оппонентов. Объективный же исследователь, читая рассуждения Фредена о необходимости признания преступлений, совершенных коммунистическим строем против россиян, вспомнит 1956 и 1962 годы, перестройку, законы о реабилитации жертв политических репрессий и репрессированных народов и многое другое. Между тем ни в Латвии, ни в Литве, ни в Эстонии не реализовано и десятой доли того, что могло бы быть сделано в плане анализа и преодоления наследия режимов Ульманиса, Сметоны и Пятса, которое ощутимо присутствует в сегодняшней политике этих стран.

Еще более двусмысленно звучит констатация предпринятых в последние годы в Прибалтике шагов, «направленных на признание правды о пособничестве нацистам в истреблении еврейского населения». Эти шаги, спору нет, должны быть всё решительнее, тем более что речь идет не о пособничестве, как таковом, а об активной самостоятельной роли части населения Прибалтики в злодеяниях, приведших к Холокосту. Но разве не взывает к справедливости память о сотнях тысяч военнопленных, замученных при участии прибалтийских эсэсовцев, о массовом уничтожении собственных мирных жителей различных национальностей только за то, что они «сочувствовали советской власти»? Наконец, возможно ли вычеркнуть из памяти жертвы чудовищных карательных акций, которые проводили латышские и эстонские зондеркоманды на Псковщине, Новгородчине, в Ленинградской области, Белоруссии, других районах?

И последнее. Ларс Фреден считает, что слабость в России презирают с такой же силой, с какой уважают твердость. На мой взгляд, это — оговорка по Фрейду, потому что к истинной России данная сентенция никакого отношения не имеет. «Не в силе Бог, а в правде». Этими словами известного шведам святого благоверного великого князя Александра Невского я бы и хотел завершить свои рассуждения.

Грани исламского мира

Монумент советским строителям
Асуанской плотины в Египте

“Если Москва не подкрепит свое влияние на Ближнем Востоке соответствующими экономическими действиями, ее роль будет здесь неуклонно ослабевать, что в конечном итоге может привести к вытеснению России из ближневосточной региональной политики. Неоценимую услугу нашей внешней политике может оказать отечественный бизнес, действуя через разрабатываемую ныне систему связей”

После затишья: Россия и арабский мир на новом этапе
Владимир Евтушенков

140

Свобода и справедливость на сегодняшнем Ближнем Востоке
Бернард Льюис

152

Центральная Азия: корни конфликтов

170

После затишья: Россия и арабский мир на НОВОМ ЭТАПЕ

Владимир Евтушенков

Ближний и Средний Восток всегда вызывал к себе повышенный интерес. Сегодня он и вовсе мог бы возглавить рейтинг внимания великих держав к регионам планеты — ведь на этой огромной, многонаселенной и богатой природными ресурсами территории сосредоточено особенно много «болевых точек», имеющих отношение к глобальным проблемам человечества. Исключительно актуальны здесь вопросы, связанные с безопасностью, угрозой терроризма, растущим спросом на энергоносители. Не случайно именно данный регион оказывался в последние годы объектом наиболее масштабных международных инициатив. Достаточно вспомнить план Соединенных Штатов по демократическому переустройству «Большого Ближнего Востока», нашедший затем отражение в инициативе «большой восьмерки» по «расширенному Ближнему Востоку», а также различные проекты Организации Объединенных Наций, направленные на стимулирование развития, на попытки ликвидировать бедность и неравенство. Развитие событий со всей очевидностью продемонстрировало: ни одна держава, даже столь мощная, как США, не способна в одиночку справиться с проблемами, возникающими в этом ключевом регионе.

СУДЬБА СОВЕТСКОГО НАСЛЕДИЯ

Россия на Ближнем и Среднем Востоке не просто сторонний наблюдатель — она пользуется здесь большим уважением. Благодаря

В.П. Евтушенков — президент АФК «Система», член бюро правления и руководитель Комитета по промышленной политике РСПП, председатель Российско-арабского делового совета, член попечительского совета журнала «Россия в глобальной политике».

После затишья: Россия и арабский мир на новом этапе

советским кредитам и технической помощи арабские страны имели возможность возводить крупные объекты инфраструктуры, энергетики, металлургии, оборонной промышленности, содержать хорошо вооруженные и обученные национальные армии.

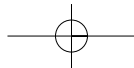
Так, основу египетской экономики и поныне составляют промышленные предприятия, построенные с помощью советских специалистов при президенте Гамале Абдель Насере. Это прежде всего высотная Асуанская плотина, Хелуанский металлургический комбинат, алюминиевый завод в Наг-Хаммади, комплекс по производству фосфатов в Абу-Тартуре, судовой верфь в Александрии и многие другие – всего около ста объектов.

Серьезное содействие Москва оказала Алжиру, в результате чего там начали развиваться такие отрасли, как энергетика, горно-добывающая и металлургическая промышленность, машиностроение, водное хозяйство и др. При поддержке СССР сооружены металлургический завод в Эль-Хаджаре, металлургическое предприятие в Аннабе, теплоэлектростанция в городе Жижель, газопровод Альрар – Тинфуйе – Хасси-Мессауд, плотина Бени-Зид и др.

В рамках сотрудничества с Ираком заключались крупные контракты по обустройству нефтепромыслов на юге страны, построены газопровод Насирия – Багдад, ТЭС «Юсифия» и ряд других объектов. С 1990 года, после введения Советом Безопасности ООН экономических санкций в отношении Ирака, большая часть контрактов оказалась заморожена.

В Ливии построен Центр атомных исследований «Таджура», сооружены линии электропередач, газопровод, пробурено около 130 нефтяных эксплуатационных скважин; проведены почвенные, геоботанические и экологические исследования на площади 3,5 млн га; разработаны схемы развития газовой промышленности, электросетей высокого напряжения и предприятий машиностроения; подготовлено технико-экономическое обоснование для второй очереди металлургического комплекса в городе Мисурата (1,67 млн т в год с возможностью расширения до 5 млн т).

Созданные и эксплуатируемые при нашем содействии объекты играют важную роль и в экономике Сирии, обеспечивая стране выработку около 22 % электроэнергии, добычу около 27 % нефти и орошение свыше 70 тыс. га засушливых земель. Каскад гидроэлектростанций на реке Евфрат, гидроузлы «Аль-Баас» и «Тишрин», около 1,5 тыс. км железных дорог, 3,7 тыс. км высо-

Владимир Евтушенко

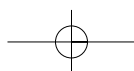
ковольтных ЛЭП, ирригационные и водохозяйственные объекты, нефтепродуктопровод Хомс – Алеппо, завод азотных удобрений в Хомсе, ряд центров профтехобразования – все это построено главным образом в счет предоставленных советских государственных кредитов.

Арабские страны (Египет, Сирия, Алжир) расплачивались за советские госкредиты потребительскими товарами, которые почти целиком производил местный частный сектор. Поэтому в ряде стран арабского мира становление и укрепление национального производственного капитала происходило в значительной степени за счет работы на предельно емкий и стабильный советский рынок.

Наша страна традиционно получала из арабских стран продовольственные товары: цитрусовые, фрукты, консервы, кондитерские изделия. Неизменным спросом пользовались парфюмерно-косметические изделия, в частности египетские духи «Нефертити» и «Клима», хлопчатобумажные ткани, сирийский текстиль: портьеры, тюль, гипюр, кримплен.

Однако с началом драматических перемен в нашей стране все эти процессы, по сути, остановились. Новые подходы, реализуемые после развала СССР в управлении государством и народным хозяйством, обусловили стремление Москвы искусственно отгородиться от ряда традиционных союзников СССР, что особенно ярко проявлялось в первоначальный период прозападной эйфории. Впоследствии отношения с некоторыми арабскими странами омрачились политическими разногласиями в связи с ситуацией на Северном Кавказе.

В результате после событий 1991-го экономические связи с арабским миром были большей частью заморожены или свернуты. Колоссальный совместный потенциал, наработанный за предшествующие годы, оказался почти невостребованным. Государство ушло из сферы торгово-экономических отношений с этими странами, а частный российский капитал долгое время не мог продемонстрировать готовность к возвращению на традиционные рынки. Да и опыта взаимодействия даже со старыми партнерами – представителями арабского национального капитала – новым российским бизнесменам подчас не хватало, как не хватало ни знания местной специфики, ни умения вести дела в сложившихся в регионе условиях. На долгие годы в наших отношениях с арабским миром наступила пауза.

После затишья: Россия и арабский мир на новом этапе

ЭКОНОМИКА И НЕ ТОЛЬКО

Вместе с тем глобальная роль Ближнего и Среднего Востока чрезвычайно важна. Здесь, на территории в 14 млн кв. км, расположенной на двух континентах – африканском и евразийском, проживает около 300 млн человек. Средние темпы экономического роста арабских стран за последние два десятилетия – 3–6,4 %. Каждая из них по-своему своеобразна и тем привлекательна для внешних партнеров. Более того, в последние годы на региональном рынке наблюдаются все более отчетливые изменения.

Долгое время господствовало представление о том, что экономика арабских государств была, есть и будет основана исключительно на нефти. Конечно, нефтяная сфера остается пока главным полем для сотрудничества (как, впрочем, и источником политической напряженности). В 2004 году для участия иностранного капитала открылось более 20 объектов в различных отраслях экономики Саудовской Аравии – от нефтедобычи до розничной торговли. В итоге ОАО «ЛУКОЙЛ» подписало в марте 2004-го концессионное соглашение, предоставляющее ему право в течение 40 лет вести геолого-разведочные работы и разрабатывать месторождения газа и газового конденсата в районе пустыни Руб эль-Хали на площади около 30 тыс. кв. км (оценка объема обязательств – 4 млрд дол.). Для реализации проекта создано СП «ЛУКСАР», в котором компаниям «ЛУКОЙЛ» и «Сауди АРАМКО» принадлежат 80 % и 20 % уставного капитала соответственно.

В регионе быстро формируется рынок капитала и появляются мощные финансовые центры. В последнее время особую активность в этом направлении проявляет Бахрейн, правящие круги которого намерены превратить страну в крупнейший торговый и финансовый центр не только регионального, но и международного значения. По степени открытости экономики Бахрейн ставят на третье место в мире после Гонконга и Сингапура. Здесь отсутствуют налоги на доходы физических и юридических лиц, нет ограничений на вывоз капитала, прибыли и конвертацию валюты. Установлен беспощадный режим ввоза сырья, полуфабрикатов и капитала для местного производства. Разрешено создание компаний со 100-процентным иностранным капиталом, и упрощена процедура их регистрации.

Крупнейший центр инвестиционной деятельности – Кувейт. Страна обладает развитым местным рынком капитала, а ее население держит на банковских депозитах больше денег, чем население

Владимир Евтушенко

Саудовской Аравии, Абу-Даби (эмират в составе Объединенных Арабских Эмиратов, ОАЭ. — Ред.) и Катара, вместе взятых. Кувейт — крупнейший инвестор долгосрочных капиталов за границей, однако субъектом является уже не частный капитал, а правительство.

Тенденция к либерализации экономики и процессы глобализации мировых экономических отношений привели к тому, что в странах Ближнего Востока и Северной Африки все большую популярность приобретает идея создания свободных экономических зон (СЭЗ). Будучи одной из форм привлечения иностранного капитала, в том числе и российского, такие зоны существуют в Сирии, Иордании, Ливане, ОАЭ, Египте, Тунисе, Марокко, Джибути и Йемене.

К наиболее успешным и привлекательным СЭЗ в арабском мире можно причислить «Джебель Али» в эмирате Дубай. Стабильное законодательство, высокоразвитые коммуникации и транспортные сети способствовали тому, что сегодня в этой свободной экономической зоне насчитывается более двух тысяч компаний из 97 стран мира. Существенный опыт в развитии СЭЗ накоплен и в Иордании, где стало возможным внедрение последнего поколения свободных экономических зон — специальных индустриальных зон, как раз и привлекающих наибольшую часть иностранного капитала. В процессе становления находятся СЭЗ в Бахрейне, Катаре и Кувейте.

Особый интерес представляет собой Ливан. Здешний банковский сектор имеет богатую историю. В Бейрут традиционно стекались средства, вырученные от экспорта нефти. Длительные торговые и культурные связи с европейскими и арабскими государствами позволили этой стране превратить торговлю в один из важнейших секторов экономики. До гражданской войны 1975–1990 годов экономика Ливана стабильно росла, действовали жесткие законы о соблюдении тайны банковских вкладов, что привлекало сюда капиталы; за страной в то время даже закрепилось название «ближневосточная Швейцария». Самые крупные компании западного и арабского мира всегда охотно приглашали на работу ливанских менеджеров высшего звена.

Война отбросила экономику Ливана далеко назад, лишив ее около 30 млрд дол., тогда как остальные страны Ближнего Востока переживали экономический бум. Деловая активность переместилась из Бейрута в другие экономические центры. Однако при этом ливанские банковские активы удивительным образом увеличились, поскольку в начале войны их удачно вложили в экономику США и Европы. И хо-

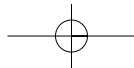
После затишья: Россия и арабский мир на новом этапе

тя сегодня долг Ливана составляет около 160 % ВВП, ни страну, ни внешний мир это ничуть не беспокоит. В 2002-м Ливан исключили из списка стран, находящихся под контролем Международной группы по борьбе с легализацией незаконных доходов. Одиннадцать ливанских банков вошли в сотню наиболее успешных арабских финансовых учреждений. Правда, политические события, последовавшие за гибелью бывшего премьер-министра Рафика Харири, внушают некоторые опасения относительно перспектив дальнейшего развития страны; тем не менее с учетом того, что стабильность целиком и полностью отвечает интересам экономики Ливана и его деловых кругов, есть надежда на то, что страна преодолет нынешний кризис.

Вместе с тем странам региона приходится сталкиваться с рядом серьезных проблем. Экономика многих арабских стран, как и российская, испытывает серьезную зависимость от конъюнктуры нефтяного рынка. По существу, арабским странам приходится решать те же проблемы, что и России. Они осознают наличие дефицита во внешних инвестициях и необходимость поиска новых рынков сбыта для своих товаров. Даже Саудовской Аравии в последнее время пришлось прекратить экспорт капитала и заговорить о привлечении средств в те или иные проекты на собственной территории. Кроме того, арабский мир обеспокоен своим невысоким экономическим ростом. Так, объем ВВП на душу населения в Саудовской Аравии упал с 28 тыс. дол. в 1982 году до 7 тыс. дол. в 2004-м.

Перед Россией открываются реальные возможности расширения экономического сотрудничества с арабскими странами. Речь идет о высоких технологиях, банковских услугах, поставках металлопродукции и материалов для промышленного использования, а также о передаче технологического опыта, особенно в нефтегазовой сфере.

Возможно сотрудничество и в таких областях, как бурение с целью разведки месторождений подземных вод, опреснение морской воды (дефицит водных ресурсов в среднесрочной перспективе вообще способен превратиться в главную проблему региона), нефтехимия и металлургия. Разработаны также совместные проекты по производству химических удобрений, побочной продукции нефтяной промышленности, древесины, изделий кожевенной промышленности, охотничьих принадлежностей и аксессуаров, рыболовной оснастки, речных лодок, катеров, судов, кабельной арматуры, готовых быстросборных деревянных домов, автомобилей и других транспортных средств.

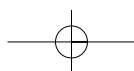
Владимир Евтушенков

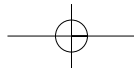
Особо перспективным является военно-техническое сотрудничество (ВТС) с арабскими странами, обеспечивающее высокорентабельными заказами предприятия военно-промышленного комплекса России. По объему поставок военной техники и вооружений в арабские государства Россия пока не в состоянии сравняться со странами Запада. Однако дальнейшее развитие сотрудничества с Россией в данной сфере поможет арабам диверсифицировать источники приобретения оружия и тем самым уменьшить свою зависимость от американских поставок.

Активизация экономического взаимодействия России с арабскими странами имеет и огромное геополитическое значение. Во-первых, Россия является международно признанным коспонсором ближневосточного урегулирования. Политическое присутствие нашей страны в регионе достаточно стабильно и отвечает важнейшей государственной задаче — играть роль одного из полюсов в многополярном мире. Визит на Ближний Восток президента России Владимира Путина в апреле 2005-го значительно повысил авторитет России в региональном и глобальном масштабе.

Во-вторых, и это особенно важно в долгосрочной перспективе, Россия способна сыграть уникальную роль в деле защиты интересов арабских народов в международном масштабе и внести свой вклад в предотвращение их вытеснения на обочину современного мира, которое зачастую осуществляется под флагом борьбы с угрозой «исламского экстремизма». Существуют силы, стремящиеся ответить на активизацию международного терроризма новым разделом мира. Только теперь границу предполагается провести не по идеологическому, а по цивилизационно-религиозному признаку. Большинство арабских государств рискуют попасть в разряд «подозрительных», то есть таких, по отношению к которым дозволены все действия, вплоть до прямого вооруженного вмешательства во внутренние дела.

Не случайно, что нарастающий интервенционизм внешнеполитической доктрины США вызывает беспокойство даже у таких традиционно ориентированных на Запад стран, как государства Персидского залива. В условиях, когда Вашингтон нередко проводит высокомерную и неуклюжую политику, они всё больше осознают необходимость диверсификации внешних связей с тем, чтобы если не нейтрализовать, то хотя бы ослабить американское давление. С этой точки зрения отношения с Россией, которая, несмотря на временное ослабление своих позиций в 1990-е годы,

После затишья: Россия и арабский мир на новом этапе

продолжает оставаться влиятельным игроком на мировой арене, имеют существенное значение для арабских государств.

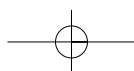
Россия остается надежным партнером для тех, кто выступает против одностороннего (в обход Совета Безопасности ООН) применения силы в отношении любого государства. По двум самым животрепещущим проблемам позиции России и арабских стран совпадают или очень близки. Во-первых, и мы, и они признаём необходимость передачи всей полноты власти в Ираке самим иракцам с целью сохранения территориальной целостности и стабилизации положения в этой многострадальной стране. Во-вторых, обе стороны поддерживают идею справедливого урегулирования ближневосточного конфликта на основе резолюций Совета Безопасности ООН и мадридской формулы «Мир в обмен на территории».

Однако, если Москва не подкрепит свое влияние на Ближнем Востоке соответствующими экономическими действиями, ее роль будет здесь неуклонно ослабевать, что в конечном итоге может привести к вытеснению России из ближневосточной региональной политики. Неоценимую услугу нашей внешней политике может оказать отечественный бизнес, действуя через разрабатываемую ныне систему связей. Путем экономического взаимодействия со всеми без исключения странами региона Россия на деле подтвердит свою роль успешного и дружественного посредника между столь разными государствами.

Экономическое сближение России с арабским миром должно сопутствовать упрочению обоюдных политических связей. Не случайно президент России Владимир Путин призвал российские деловые круги в короткий срок поднять уровень российско-арабского сотрудничества в торгово-экономической области, дабы привести его в соответствие с нынешним благоприятным климатом в сфере межгосударственных и общественно-политических отношений.

ПАРТНЕРЫ СТАРЫЕ И НОВЫЕ

После ухода из российско-арабских отношений идеологической составляющей заметно расширился круг потенциальных партнеров России. Экономические интересы, равно как и стремление к получению экономической выгоды, диктуют необходимость налаживания контактов со всеми странами региона в зависимости от их реальной готовности к сотрудничеству и от спектра предлагаемых ими товаров или услуг, а не от политических лозунгов, стоящих там на повестке дня.

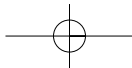

Владимир Евтушенков

Ключевую роль среди традиционных партнеров России играет **Египет**. Товарооборот между обеими странами уже составляет около полумиллиарда долларов в год и имеет тенденцию к росту. К числу новых, наиболее перспективных областей сотрудничества относится сфера коммуникации и информационных технологий. Вряд ли простым совпадением стал тот факт, что недавно назначенный премьер-министр Египта Ахмед Назиф возглавлял ранее Министерство коммуникаций и информационных технологий. За время пребывания Назифа на этом посту данная отрасль постоянно демонстрировала успехи, обеспечивая в течение прошедших пяти лет 34 % роста.

Широкий резонанс получил запуск проекта «Умная деревня». Речь идет о своеобразном технопарке, т. е. об оснащенной самым современным оборудованием и удобной жилищной инфраструктурой территории, где предполагается разместить ведущие фирмы и компании в области разработки и внедрения информационных технологий. Компании, желающие обосноваться здесь, получают от властей «налоговые каникулы» сроком на 10 лет и к тому же пользуются упрощенной процедурой регистрации документов в административных учреждениях Египта. Ведущие египетские компании (*Alcatel Egypt, Al Ahly Telecom* и др.) уже приобрели на территории «Умной деревни» участки под офисы. Разместиться здесь планируют и российские фирмы. Помимо всего прочего, национальный рынок Египта моложе, а следовательно, он способен более гибко реагировать на изменения конъюнктуры и располагает более существенными возможностями. Да и цены в Египте значительно ниже, чем, например, в Объединенных Арабских Эмиратах, и потому производственные издержки здесь заметно меньше.

Ливан — это еще один яркий пример государства, с которым у России восстанавливаются исторические и налаживаются новые контакты. Поощрение взаимной торговли и инвестиций, содействие установлению тесных партнерских связей по линии частного капитала представляют собой важнейшую составляющую экономических отношений. Однако наиболее пристальное внимание этой страны направлено на сотрудничество с Россией в нефтегазовой отрасли. Ливанская сторона неоднократно давала понять, что она приветствовала бы участие России в строительстве нефте- и газопроводов через свою территорию. Бейрут также заинтересован в привлечении к сотрудничеству российских специалистов по сооружению ирригационных систем, строительству плотин.

После затишья: Россия и арабский мир на новом этапе

Особый случай представляет собой **Саудовская Аравия**. Россию разделял с этим королевством барьер полувековой неприязни, и по ряду причин в Москве изначально почти не питали надежд на то, чтобы основательно там закрепиться.

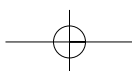
Во-первых, вся новейшая история России характеризовалась отсутствием политических позиций в Саудовской Аравии. Местные правящие круги не забыли о враждебном отношении Советского Союза к их стране. Да и в России Саудовская Аравия ассоциируется скорее с радикальным исламом — тем самым, проявлениям которого российская сторона противостоит на Северном Кавказе. Саудовское общественное мнение, в свою очередь, крайне отрицательно оценивает действия российских властей в этом регионе РФ. Во-вторых, саудовские элита и общество в целом, традиционно ориентирующиеся на Запад, просто не привыкли к работе с другими партнерами.

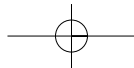
Подобного рода препятствия имеют скорее политический характер, однако пути их постепенного преодоления и формирования атмосферы доверия могут быть найдены в экономической области. В качестве потенциальных сфер кооперации традиционно называют энергетику и военно-техническое сотрудничество. Однако нельзя обходить вниманием и области, где инвестиции быстро окупаются. Это в первую очередь недвижимость, строительство, торговля, ценные бумаги, развитие транспортной инфраструктуры.

Важную роль может сыграть уже имеющийся у России опыт в таких высокотехнологичных сферах, как сжижение газа, прокладка газопроводов, регазификация. Саудовцы же готовы инвестировать средства в российскую аэрокосмическую промышленность. И наконец, несмотря на то что саудовская армия уже укомплектована американским и западноевропейским вооружением, Эр-Рияд, похоже, внимательно присматривается к российским боевым вертолетам. С учетом вышесказанного первый Российско-саудовский экономический форум, проходивший в Москве в июле 2003-го, можно считать поистине историческим.

**РОССИЙСКО-АРАБСКИЙ ДЕЛОВОЙ СОВЕТ:
МИССИЯ И ДОСТИЖЕНИЯ**

Достигнутый до 1991 года уровень торгово-экономических и военно-политических отношений между нашей страной и арабским миром, выражавшийся в миллиардах долларов, обеспечивался исключительно государственными структурами и рычагами, общей госу-

Владимир Евтушенков

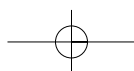
дарственной политикой. Основой для сотрудничества служили главным образом политические соображения и логика холодной войны. Но на нынешнем этапе особенно важным фактором углубления российско-арабских отношений становится развитие частно-государственного партнерства.

Связать воедино систему торгово-экономических отношений России со странами этого обширного, политически разобщенного и экономически разнородного региона, придать импульс их возрождению на новом качественном уровне призван недавно созданный Российско-арабский деловой совет (РАДС).

Он быстро превратился в активного и уважаемого участника российско-арабского сотрудничества не в последнюю очередь потому, что Торгово-промышленную палату (ТПП) — учредителя его российской части — возглавляет академик РАН Евгений Примаков, чей авторитет в арабском мире чрезвычайно высок, а опыт и знание региона повсеместно признаны.

С арабской стороны РАДС учрежден Генеральным союзом торговых, промышленных и сельскохозяйственных палат 22 арабских государств, куда входят руководители и представители местных ТПП, крупные бизнесмены. С российской стороны одну из ведущих ролей играет Акционерная финансовая корпорация «Система». К числу основных задач РАДСа относятся: создание совместно с каждой из арабских стран двусторонних комитетов, ответственных за реализацию конкретных проектов сотрудничества; установление прямых контактов между российскими и арабскими предпринимательскими структурами; стимулирование инновационной деятельности.

За полтора года существования Российско-арабский деловой совет зарекомендовал себя как эффективный инструмент восстановления и налаживания деловых связей, центр сбора, анализа и распространения необходимой обеим сторонам коммерческой информации. Уже сейчас обратившийся в РАДС арабский или российский коммерсант может рассчитывать на консультацию и на обретение достойного делового партнера. При поддержке РАДСа учреждены три комитета на двусторонней основе: Российско-египетский, Российско-сирийский и Российско-ливанский. Готовится формирование аналогичных комитетов с другими странами. Создание двусторонних комитетов позволит упорядочить отношения между предпринимателями и выявить наиболее привлекательные направления взаимодействия по каждой стране.

После затишья: Россия и арабский мир на новом этапе

Результаты деятельности РАДСа и заметное увеличение деловых контактов позволяют утверждать, что период «безвременья» в российско-арабских отношениях подошел к концу. При поддержке и в рамках РАДСа сотрудничество России и стран арабского Востока получает шанс для выхода на новый качественный уровень. Главными его признаками становятся отсутствие идеологических барьеров и конструктивное взаимодействие между бизнесом и государством. В области бизнеса решающая роль должна принадлежать новейшим информационным технологиям и сфере услуг, что позволит как России, так и странам арабского Востока преодолеть стереотип тотальной энергозависимости их экономик и совместно войти в высокотехнологичную экономическую среду XXI века.

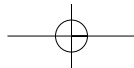
ПОЛИТ.РУ

«Полит.ру» — официально зарегистрированное независимое средство массовой информации, старейший общественно-политический ресурс русского Интернета.

- новости 24 часа в сутки: все самое важное и ничего лишнего;
- аналитические статьи, комментарии и репортажи;
- эксклюзивные интервью;
- обзоры прессы и телевидения;
- новейшие исследования крупнейших российских социологических и аналитических служб

<http://www.polit.ru>

Свобода и справедливость на сегодняшнем Ближнем Востоке

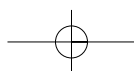
Бернард Льюис

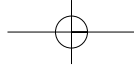
ПЕРЕМЕНА ВОСПРИЯТИЯ

История важна для всех людей, но мусульман отличают особое внимание к ней и глубокое осознание ее значимости. Деяния пророка Мухаммеда, создание и расширение исламского сообщества и государства, изложение и уточнение священного закона ислама — все эти события запечатлены в письменных документах и в исторической памяти народа, и ученые с давних времен пересказывают и обсуждают их. На исламском Ближнем Востоке и по сей день можно наблюдать за яростными спорами и даже ожесточенными раздорами по поводу того или иного события, случившегося сотни, а то и тысячи лет назад, — о его сути, степени важности и значении для современных условий. Поскольку мусульмане, особенно на Ближнем Востоке, пережили новые болезненные потрясения, изменившие как их представления о себе и мире, так и сам язык обсуждения данных вопросов, эта историческая осведомленность приобретает новое значение.

В 1798 году Великая французская революция докатилась до Египта в виде небольшого экспедиционного корпуса под командованием молодого генерала Наполеона Бонапарта. Французские войска вторглись в Египет, завоевали его и без всяких затруднений правили страной в течение нескольких лет. Как гордо заявил Наполе-

Бернард Льюис — заслуженный профессор (почетная должность имени Кливленда Доджа) кафедры ближневосточных исследований в Принстонском университете. Данное эссе написано на основе лекции, прочитанной им 29 апреля 2004 года в рамках цикла лекций, посвященных Роберту Пелоски-младшему в Школе международных отношений имени Эллиота Университета Джорджа Вашингтона. Опубликовано в журнале *Foreign Affairs*, № 3 (май — июнь) за 2005 год. © 2005 *Council on Foreign Relations Inc.*

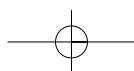

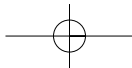
Свобода и справедливость на сегодняшнем Ближнем Востоке

он, он пришел «во имя Французской Республики, основанной на принципах свободы и равенства». Это заявление, конечно, распространили как на французском языке, так и на арабском. Ведь Наполеон прибыл в Африку, имея собственных переводчиков на арабский (эту предосторожность, похоже, упустили из виду некоторые из более поздних «гостей» региона).

С равенством проблем не возникло: египтяне, как и другие мусульмане, прекрасно понимали, что это такое. Равенство среди верующих являлось одним из основных принципов ислама с момента его возникновения в VII веке, что кардинально отличает этот регион и от расположенной к востоку Индии с присущей ей кастовой системой, и от находящегося на западе христианского мира с его привилегированной аристократией. Ислам действительно требовал равенства и вполне успешно его обеспечивал. Это не значит, что реальность не породила некоторого неравенства — прежде всего социального и экономического, иногда этнического и расового, — но оно шло вразрез с принципами ислама и никогда не достигало такого уровня, как в западных странах. Надо отметить, что в самом священном законе заложены три исключения: принцип равенства не распространялся на рабов, женщин и неверных. Но в этих исключениях нет ничего особенно примечательного: в США, сообразно с действующей на протяжении долгого времени практикой, если не нормой, «рожденными свободными и равными» считались только белые мужчины протестантского вероисповедания. Исходя из исторических источников можно заключить: вплоть до XIX или даже до начала XX века человек незнатного происхождения и без средств имел больше возможностей преуспеть в жизни на мусульманском Ближнем Востоке, чем где-либо в пределах христианского мира, включая Соединенные Штаты и постреволюционную Францию.

Таким образом, мусульмане хорошо понимали принцип равенства, но как обстояло дело с другим понятием, упомянутым Наполеоном? Слово «свобода» вызывало у египтян некоторое замешательство. На тот момент и еще в течение некоторого времени арабское *хуррия* (свобода) ни в каком отношении не являлось политическим термином. Оно касалось области права: свободен тот, кто не является рабом. Стать свободным значило получить свободу от хозяина; в исламском мире, в отличие от Запада, слова «рабство» и «свобода» до недавнего времени не использовались в качестве метафор для обозначения плохого и хорошего правления.

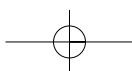
Бернард Льюис

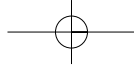
Замешательство продолжалось до тех пор, пока один из выдающихся египетских просветителей не нашел ключ к решению загадки. В начале XIX века шейх Рифаа Рафи ат-Тахтави преподавал в Университете Аль-Ажар (Каир), тогда еще не тронутым модернизацией. А когда правитель Египта счел, что пришла пора попытаться догнать Запад, и в 1826-м отправил в Париж первую группу из 44 египетских студентов, ат-Тахтави сопровождал их. Ученый прожил во французской столице до 1831 года, будучи, так сказать, духовным наставником юношей: следил за их благочестием и оберегал от соблазнов, что, учитывая время и место, оказалось весьма непростой задачей.

За эти годы шейх, по-видимому, узнал больше, чем все его подопечные, и написал поистине незаурядную работу, в которой поделился своими впечатлениями о постреволюционной Франции. На арабском языке книга увидела свет в Каире в 1834 году, а в 1839-м ее перевели на турецкий. На протяжении десятилетий этот труд оставался единственным доступным для мусульман Ближнего Востока описанием современной западной страны. В главе, посвященной французскому правительству, ат-Тахтави отмечает, что французы много говорят о свободе. Очевидно, что он, так же как и все вокруг, сначала недоумевал по поводу того, какое отношение статус нераба имеет к политике. Но потом ученый все понял и дал правильное толкование. Мол, когда французы говорят о свободе, они имеют в виду то, что мы, мусульмане, зовем справедливостью. И шейх был абсолютно прав. В то время как во Франции и на Западе в целом хорошее и плохое управление ассоциировалось со свободой и рабством, мусульмане мыслили категориями справедливости и несправедливости. Эта разница восприятия помогает пролить свет на политическую полемику, начавшуюся в мусульманском мире с вторжением французов в 1798-м и продолжающуюся в самых разнообразных формах и по сей день.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ ДЛЯ КАЖДОГО

Как верно сказал шейх ат-Тахтави, исламская традиция связывает хорошее правление с понятием «справедливость», представленным в арабском и других языках мусульманских народов несколькими различными словами. Самое распространенное, *адль*, означает «справедливость в соответствии с законом» (причем под законом подразумевается закон Аллаха, шариат, явленный Пророку и всему

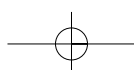
Свобода и справедливость на современном Ближнем Востоке

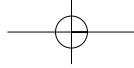
мусульманскому миру). Но что же есть противоположность справедливости? Что отличает режим, не соответствующий ее стандартам? В традиционной исламской системе законов и идей справедливый правитель — это тот, кто отвечает двум требованиям: он должен получить власть законным образом и обязан осуществлять ее по закону. Иными словами, он не может быть ни узурпатором, ни тираном. Возможно, конечно, что кто-то окажется либо тем, либо другим, хотя правители, как правило, совмещали обе эти «функции».

Исламское понимание справедливости, отраженное во многих письменных источниках, уходит корнями во времена Пророка. Жизнь пророка Мухаммеда, как повествуется в его жизнеописании, а также в откровениях и преданиях, делится на два основных этапа. Сначала он живет в родной Мекке и противостоит правящему режиму. Он проповедует новую веру, новую доктрину, бросающую вызов олигархам-язычникам, управлявшим Меккой. Стихи Корана, а также соответствующие фрагменты из преданий о Пророке и его жизнеописаний, относимых к мекканскому периоду, отражают идею противостояния — бунта, можно даже сказать, революции, направленной против существующего порядка.

Затем следует знаменитый переход, *хиджра*, из Мекки в Медину, где Мухаммед из жертвы власти превращается в ее носителя. За годы жизни он становится главой государства и выполняет все то, что полагается лидеру государства. Устанавливает законы и обеспечивает их выполнение, собирает налоги, начинает войны, заключает мир — иными словами, правит. Политические обычаи, политические принципы и политическое руководство сосредоточены в этот период (в отличие от мекканского) не вокруг того, как противодействовать или противостоять властям, а того, как осуществлять управление. Поэтому с самого зарождения исламского священного писания, мусульманской юриспруденции и политической культуры существовали две явные традиции: одна, относящаяся к мекканскому периоду, может быть названа активистской (активизм — учение, придающее большое значение деятельности. — **Ред.**), а вторая, мединская — квиетистской (квиетизм — этическое учение, проповедующее в том числе созерцательно-пассивное отношение к миру. — **Ред.**).

Например, в Коране ясно говорится о долге повиновения: «Повинуйся Аллаху, и повинуйся Пророку, и повинуйся тем, кто правит вами». Та же идея развивается в ряде высказываний, приписываемых Мухаммеду. Но есть и изречения, жестко ограничиваю-

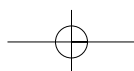
Бернард Льюис

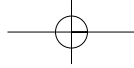
щие обязанность повиноваться. В этом смысле показательны два из них, приписываемые Пророку и, по всеобщему признанию, аутентичные. Одно гласит, что «нет повиновения в грехе»; это означает: если приказ правителя противоречит священному закону, подданные не просто освобождаются от долга повиновения, а обязаны не подчиняться. Это больше, чем право на революцию согласно западной политической мысли. Долгом становится сама революция или, по меньшей мере, неповиновение и противостояние властям. Другой завет: «если замыслит кто против Творца своего, не повинуйся ему» — вновь четко ограничивает власть правителя независимо от формы правления.

Эти две традиции, активистская и квиетистская, прослеживаются на протяжении всей документированной истории исламских государств и исламской политической мысли и практики. Мусульман с самого начала занимали вопросы политики и управления, такие, как получение и применение власти, правопреемство, легитимность и, что особенно важно в данном случае, границы власти.

Все это подробно отражено в обширной и разнообразной политической литературе. Она включает в себя богословские труды, юридическую литературу, которую можно назвать конституционным законом Ислама; есть практические пособия о методах повседневного управления, написанные чиновниками для чиновников. И, конечно, философская литература, испытавшая значительное влияние со стороны древнегреческих ученых, работы которых переводились и адаптировались, что привело к появлению на свет явно исламских версий платоновского «Государства» и «Политики» Аристотеля.

С течением времени квиетистская, часто сопровождавшаяся авторитарной, тенденция усилилась и стало труднее удерживать автократию в рамках, очерченных Священным Писанием и священным законом. Поэтому в литературе все больший упор делается на необходимости порядка. В дискуссиях очень часто звучит арабское слово *фитна* — «бунт», «волнения», «беспорядки», даже «анархия» в определенных контекстах. С неприкрытой болью люди снова и снова страстно повторяют: тирания лучше, чем анархия. Некоторые авторы доходят до утверждения, что час или даже миг анархии страшнее, чем столетие тирании. Это — одна точка зрения, но она не единственная. Такое мнение преобладало в некоторые эпохи в ряде регионов мусульманского мира, однако в другое время и в других местах оно решительно отвергалось.

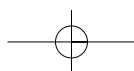
Свобода и справедливость на современном Ближнем Востоке

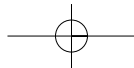
ТЕОРИЯ VS ИСТОРИЯ

В том, что касается осуществления правителем руководства, исламская традиция твердо настаивает на двух моментах. Во-первых, совещательность. В Коране об этом говорится прямо. Тот же принцип часто упоминается в преданиях о Пророке. Антипод совещательности — деспотизм, *истибдад* — специальный термин с крайне негативной окраской. Он ассоциируется с пороком и грехом; обвинить правителя в *истибдад* — значит фактически призвать к его смещению.

С кем же следует консультироваться главе государства? На практике — с определенными кругами, пользующимися в обществе авторитетом. В древнейшие времена важным представлялось прислушиваться к мнению вождей племен, и это положение сохранилось и сегодня в ряде регионов, например в Саудовской Аравии и некоторых районах Ирака (но оно менее актуально в таких урбанизированных государствах как Египет или Сирия). Правители советовались также с сельской знатью, составлявшей весьма мощную группировку, и с представителями городских страт: базарными торговцами, писцами (выходцы из образованных светских классов, по преимуществу чиновники), религиозными деятелями и представителями военной верхушки, включая издавна существовавшие боевые объединения, к примеру, полки янычар в Османской империи. Эти группы играли важную роль, поскольку обладали прежде всего реальной властью. Они могли причинить (и временами причиняли) правителю серьезные неприятности, вплоть до смещения. К тому же их лидеры — главы племен и гильдий, деревенская знать, религиозные вожди, армейские командиры — не назначались правителем страны, а происходили из этих же групп.

Совещательность — центральный элемент традиционного исламского порядка, но это не единственный фактор, ограничивающий власть правителя. Традиционная система исламского правления строится как на согласии, так и на договоре. В толкованиях священного закона обычно утверждается, что новый халиф — глава исламского сообщества и государства — должен быть «выбран». Соответствующее арабское слово иногда переводится как «избрать путем голосования», но это не означает всеобщих или даже местных выборов. Скорее имеется в виду, что «престолонаследника» выбирает небольшая группа компетентных лиц, подходящих для этой роли. В принципе юридическая традиция отвергает получение власти по наследству. На практике же верховная власть наследова-

Бернард Льюис

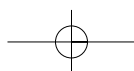

После бомбардировки Каира британской авиацией.
Суэцкий кризис, 31 октября 1956 года

лась всегда за исключением тех случаев, когда цепочку нарушали восстание или гражданская война. В прежние времена — а также и в наши дни в большинстве стран — обычным делом считалось, когда монарх или правитель иного типа сам назначал себе преемника.

И все же фактор согласия по-прежнему важен. В теории, а иногда даже и на практике власть правителя — как ее приобретение, так и удержание — зависит от консенсуса среди подданных. Основа этой власти описывается в классических текстах арабским словом *байа*, что обычно переводится как «присяга», т. е. присяга, приносимая народом новому лидеру. Но возможен и более точный перевод. *Байа* — производное от глагола, означающего «покупать и продавать», и, следовательно, оно означает взаимную «делку», иными словами, контракт между правителем и подданными, налагающий обязательства на обе стороны.

Некоторые критики скажут, что, мол, теория теорией, а в реальности модель своевластного, тиранического, деспотического правления характерна как для всего Ближнего Востока, так и для остальных регионов мусульманского мира. Кое-кто идет дальше, утверждая, что «мусульмане всегда так живут и жили, и Западу с этим ничего не поделать». Это неверная интерпретация истории. Необходи-

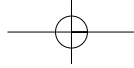
Свобода и справедливость на сегодняшнем Ближнем Востоке

Американские морские пехотинцы после высадки в Ливане, 16 июля 1958 года

мо заглянуть немного назад, чтобы понять, каким образом ближневосточная практика правления обрела свою нынешнюю форму.

Эти изменения происходили в два этапа. Первый начался со вторжения Наполеона и продолжался в течение XIX и XX веков, когда ближневосточные лидеры, остро ощущавшие необходимость догнать современный мир, пытались модернизировать общество, начиная с собственного правительства. Эти трансформации осуществлялись не имперскими вождями, склонявшимися к осмотрительному консерватизму, а местными правителями — турецкими султанами, египетскими хедами (титул правителей Египта в XIX и в начале XX века. — **Ред.**) и пашами, персидскими шахами, которые хотя и питали самые лучшие надежды, но привели к катастрофическим результатам.

Модернизация подразумевала введение западных систем коммуникации, западной модели ведения войн и управления, неизбежно включавшей механизмы господства и подавления. Новые инструменты контроля, наблюдения и принуждения, даже не снившиеся прежним правителям, обернулись таким ощутимым усилением государственной власти, что к концу XX века любой царек в незначительном государстве или даже квазигосударстве обладал гораздо большей властью, чем могущественные халифы и султаны прошлого.

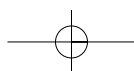
Бернард Льюис

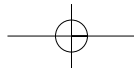
Но, возможно, еще более пагубным результатом модернизации явилось упразднение влияния промежуточных общественных сил (земельная аристократия, городское купечество, племенные вожди и пр.), эффективно ограничивавших власть государства в рамках традиционного устройства. Авторитет этих групп постепенно подрывался и был в основном сведен на нет, в результате чего, с одной стороны, государство становилось сильнее и проникало во все сферы жизни, а с другой — исчезли факторы ограничения и контроля за властью.

Этот процесс воспроизведен и охарактеризован одним из лучших авторов XIX века, пишущих о Ближнем Востоке, Адольфусом Слейдом. Будучи офицером британских военно-морских сил, он являлся советником при турецком флоте, и основная часть его карьеры прошла именно в данном регионе. Слейд ярко изображает этот процесс перемен. Он сравнивает тех, кого называет «старой аристократией» (в основном земельную знать и городскую буржуазию), с «новой аристократией» — людьми, представляющими государственную власть и получившими полномочия не от собственного народа, а от правителя. «Старая аристократия жила за счет своих имений. Имение же новой аристократии — государство», — заключает Слейд. Это — глубокое и верное наблюдение, к тому же пророческое в свете последовавших и сегодняшних событий.

Мы можем точно установить, когда началась вторая стадия политических сдвигов на Ближнем Востоке. В 1940 году Франция капитулирует перед нацистской Германией. В городке Виши формируется и учреждается новое коллаборационистское правительство, а генерал Шарль де Голль переезжает в Англию, где создает комитет «Свободная Франция». Владения французской колониальной империи находились в то время вне досягаемости немцев, и губернаторы французских колоний и зависимых территорий сами могли решать, оставаться ли им с правительством Виши или же поддержать де Голля. Большинство, в частности правители Сирии и Ливана — подмандатных французских территорий, расположенных в самом сердце Арабского Востока, выбрало Виши. Это означало, что область, охватывавшая Сирию и Ливан, была открыта для немцев, которые и ввели туда войска, превратив регион в основной плацдарм для своей оперативно-пропагандистской деятельности в арабском мире.

Именно тогда, в процессе адаптации нацистских идей и методов к ближневосточным условиям, и была заложена идеологическая основа того, что впоследствии превратилось в партию Баас.

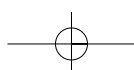
Свобода и справедливость на сегодняшнем Ближнем Востоке

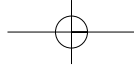
Идейная доктрина новорожденной партии делала упор на панарабизм, национализм и некую разновидность социализма. Формальное создание партии Баас пришлось лишь на апрель 1947-го, но из воспоминаний о тех годах и прочих источников очевидно: эта организация родилась в период «нацистской интерлюдии». Кроме того, находясь в Сирии, немцы и «протобаасисты» способствовали установлению в Ираке пронацистского режима во главе с печально известным Рашидом Али аль-Гайлани (правительство которого, придя к власти весной 1940 г., начало переговоры со странами «оси» о военно-политическом сотрудничестве. — Ред.).

Режим Рашида Али в Ираке пал в результате краткосрочной военной кампании, предпринятой британцами в мае — июне 1941 года. Бывший премьер-министр перебрался в Берлин и оставался в Германии в качестве гостя Гитлера (вместе с ним находился друг фюрера муфтий Иерусалима Хадж Амин аль-Хуссейни). Позже британская армия и силы «Свободной Франции» захватили Сирию и передали ее под контроль голлистов. Через несколько лет после окончания Второй мировой войны британцы и французы покинули страну, и спустя недолгое время их место занял Советский Союз.

Лидеры Баас легко перешли от нацистской модели к коммунистической: потребовалась лишь незначительная корректировка. Баас не являлась партией в западном понимании, т. е. организацией, созданной для борьбы за голоса избирателей и победы на выборах. Это была партия нацистско-коммунистического типа, составная часть государственного аппарата, занятая главным образом идеологической обработкой населения, слежкой и репрессиями. Сирийская Баас и одноименная самостоятельная партия в Ираке продолжали функционировать в этом ключе.

Начиная с 1940-х, а также и позднее, после прихода советских войск, Ближний Восток в основном перенимал две европейские модели правления: фашистскую, или нацистскую, и коммунистическую. Но говорить о диктатуре как об извечном способе правления в данном регионе — значит попросту исказить факты. Подобные утверждения выдают незнание истории арабского мира, презрение к его настоящему и безразличие к будущему. Такой тип режима, который существовал при Саддаме Хусейне и по-прежнему сохраняется некоторыми другими лидерами в ряде мусульманских стран, — явление современное, возникшее на самом деле недавно и весьма чуждое принципам исламской цивилизации. Есть более древние за-

Бернард Льюис

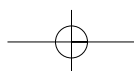
коны и традиции, на основе которых народы Ближнего Востока могут создавать фундамент для дальнейшего развития.

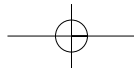
«ГОРКИ И ЛЕСТНИЦЫ»

Существует, конечно, ряд очевидных препятствий на пути к становлению на Ближнем Востоке институтов демократии. Первое и наиболее явное — укоренившаяся в регионе в настоящее время модель автократического и деспотического правления. Конечно, это чуждая для местных народов модель, не восходящая ни к классическому периоду арабской истории, ни к прошлому исламского мира, но ей уже пара сотен лет, она вполне прижилась здесь и представляет собой серьезную преграду на пути прогресса.

Еще одна, более традиционная помеха — это отсутствие в классической исламской политической философии и практике понятия гражданина как свободного и активного члена гражданского сообщества. Это понятие, производное от греческого *polites* («член полиса»), являлось ключевым в западной цивилизации с античных времен и до наших дней. Ни оно само, ни идея участия людей не только в выборе правителя, но и в процессе управления страной не входят в систему традиционного ислама. В великую эпоху Халифата существовали могущественные процветающие города, но в этом качестве они не имели никакого формального статуса, как не имели ничего отдаленно напоминающего гражданское правительство. Города представляли собой конгломераты общин, которые сами по себе являлись для людей важным объектом самоидентификации и лояльности. Часто эти общины возникали на этнической, племенной, религиозной, сектантской или даже профессиональной основе. В арабском языке и по сей день нет слова, выражающего понятие «гражданин». В паспортах и других документах обычно используется слово *мувагин*, буквально означающее «соотечественник». Отсутствие идеи гражданства повлекло за собой отсутствие народного представительства. Хотя в классический период различные социальные группы сами выбирали своих лидеров, концепция избрания индивидуумов с тем, чтобы те представляли сограждан в корпоративных или законодательных органах, являлась инородным элементом в мусульманской истории и практике.

Все же в исламской философии и истории есть и другие положительные моменты, способные помочь развитию демократии. Так, идея совещательного, ограниченного и основанного на договоре

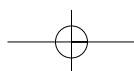
Свобода и справедливость на сегодняшнем Ближнем Востоке

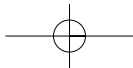
правления сегодня снова активно выходит на первый план. Традиционное неприятие деспотизма (*устибдад*) усилилось и приобрело большую актуальность: если Европа и распространила в регионе идеологию диктатуры, она же привила и связанную с нею идею народного восстания против диктатора.

Принципы неприятия деспотизма, прослеживающиеся в классических трудах и в современных работах, число которых все возрастает, уже оказывают серьезное влияние на общество. Мусульмане снова выдвигают, а в ряде случаев и воплощают в жизнь связанную с ними идею совещательного правления. В глазах правоверных этот поворот обусловлен традицией и священным законом, поскольку исламская история отмечена впечатляющей серией подобных прецедентов. Возрождение исконных принципов особенно заметно в Афганистане, народ которого в меньшей степени затронут модернизацией, в связи с чем ему более легко дается восстановление лучших традиций прошлого, особенно практики консультаций правительства с влиятельными кругами по интересам и группами лояльности. Таковы функции Лойя джирги, «большого совета», включающего представителей широкого спектра самых различных групп — этнических, племенных, религиозных, профессиональных и др. На Ближнем Востоке заметны также признаки осторожного движения в сторону представительного правления.

Имеют место и другие факторы положительного влияния, подчас принимающего неожиданную форму. Возможно, самым важным событием стало усвоение современных методов коммуникации. Печатный станок и газета, телеграф, радио и телевидение изменили Ближний Восток. Изначально технологии связи являлись лишь одним из инструментов тирании, новым эффективным оружием пропаганды и контроля в руках государства.

Но подобное положение не могло сохраняться бесконечно. В последнее время те же технологии начали давать обратный эффект, особенно с появлением Интернета, спутников телевизионной связи и сотовых телефонов. Теперь уже все очевиднее, что информационная революция послужила одной из основных причин крушения Советского Союза. Старая советская система во многом зависела от контроля над производством, распределением, а также над обменом информацией и идеями. По мере развития современных коммуникаций такой контроль оказывался уже невозможным. Информационная революция поставила перед Советским Союзом

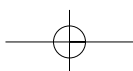
Бернард Льюис

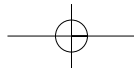
ту же дилемму, что индустриальная — перед Османской и другими исламскими империями: либо принять эту революцию и открыть дверь переменам, либо отвергнуть ее и оказаться позади остального мира, отставая все больше и больше. Попытка Советов разрешить эту дилемму потерпела провал, с последствиями которого россияне борются до сих пор.

В исламских государствах Ближнего Востока уже начинается параллельный процесс. Косвенно и невольно ему способствуют даже некоторые из тех заполонивших ныне эфир пропагандистских телепрограмм, что действуют наиболее активным и недобросовестным образом: распространяемая ими разнообразная ложь вызывает у людей сомнения и подозрения. Телевидение также дало народам Ближнего Востока возможность увидеть незнакомую прежде картину оживленных и интенсивных публичных споров и обсуждений. Кое-где молодежь даже смотрит израильское телевидение. Помимо того что молодые люди наблюдают за тем, как известные израильские деятели «стучат кулаком по столу и кричат друг на друга» (как изумленно описывал это один арабский телезритель), они иногда даже становятся свидетелями того, как израильские арабы выступают в Кнессете, обвиняя израильских министров и их политику, — и все это на каналах телевидения Израиля. Зрелище живой, кипучей и бурной демократии в действии и особенно знакомство с тем, что представляет собой непринужденная, свободная, но упорядоченная дискуссия между сторонниками конфликтующих идей и интересов, оказывают воздействие.

Внедрение современных средств коммуникации дало и другой результат, усугубив у мусульман Ближнего Востока болезненное ощущение того, насколько плохо все повернулось в их мире. Раньше они на самом деле не осознавали различий между своим и остальным миром. Они не понимали, насколько отстали не только от развитого Запада, но и от развивающегося Востока (сначала от Японии, потом от Китая, Индии, Южной Кореи и стран Юго-Восточной Азии) и практически от всех других государств по уровню жизни, прогресса и — в более общем плане — гуманитарного и культурного развития. Но еще мучительнее воспринимается социальное неравенство в самом регионе.

На данный момент вопрос развития демократии, наверное, в большей степени относится скорее к Ираку, чем к какой-либо иной ближневосточной стране. Помимо общих факторов Ирак может из-

Свобода и справедливость на сегодняшнем Ближнем Востоке

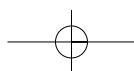
влечь выгоду из двух специфических для страны особенностей. Первая связана с инфраструктурой и образованием. Из всех государств, благополучие которых основывалось в прошедшие десятилетия на выручке от продажи нефти, досадамовскому Ираку, вероятно, лучше всего удалось распорядиться своими доходами. Средства направлялись властями страны на строительство новых дорог, мостов и развитие коммунальных услуг, но особенно на развитие системы школ и университетов, превосходящих стандарты в большинстве других государств региона. Эта система, как и всё в Ираке, подвергалась разрушительному воздействию со стороны режима Саддама, но даже при самом плачевном ее состоянии образованный средний класс все же находил возможность обучать своих детей, и сегодня в иракском обществе заметны результаты.

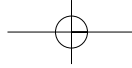
Другое преимущество – положение женщин, которое здесь намного лучше, чем в большинстве стран исламского мира. Нельзя сказать, что они имеют больше прав (слово «права» бессмысленно в данном контексте), – скорее, для них открыто больше дверей и имеется больше возможностей. До прихода Саддама к власти иракские женщины имели возможность получить образование, в том числе и высшее, а следовательно, и добиться успехов на профессиональном поприще, что редко случается в мусульманском мире. На Западе относительная свобода женщины стала значительным фактором развития общества в целом. Несомненно, в демократическом будущем Ближнего Востока женщине суждено сыграть важную и, более того, неотъемлемую роль.

ОПАСНОСТИ ФУНДАМЕНТАЛИЗМА

Главная угроза развитию демократии в Ираке и в конечном итоге в других арабских и мусульманских странах – не в исконных социальных свойствах или особенностях региона, а в очень настойчивых усилиях с целью не допустить победу демократии. Противники демократизации мусульманского мира являются выходцами из самых различных кругов, имеющих абсолютно противоположные идеологии. Но между группировками с расходящимися интересами существует альянс на основе выгоды.

Одна из них объединяет представителей тех двух слоев, которым продвижение демократии нанесло максимальный непосредственный ущерб, – пособников тиранического режима Саддама в Ираке, а также деятелей, связанных с оказавшимся под угрозой тираническим правлением в других странах региона; защищая эти параллель-

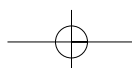

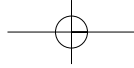
Бернард Льюис

ные интересы, данная группа стремится восстановить первое и сохранить второе. При этом внешние силы (правительственные, коммерческие, идеологические и др.) из Европы, Азии и других регионов оказывают ей по меньшей мере негласную поддержку, с практической или эмоциональной точки зрения желая ей успеха.

Наибольшую опасность представляют так называемые исламские фундаменталисты, для которых демократия — часть бóльшего, надвигающегося с Запада зла, проявляющегося либо в устаревшей форме имперского гнета или в более современном облике культурного проникновения. Согласно Корану, Сатана — «вероломный искуситель, нашептывающий в человеческие сердца». Деятельность сторонников модернизации, ориентированная на женское население и большей частью на молодежь, рассматривается как удар в самое сердце исламского порядка — как атака на государство, образование, рынок, даже семью. В глазах фундаменталистов Запад и его сознательные или одурманенные им сторонники — вестернизаторы не только препятствуют предназначенному движению к окончательному торжеству ислама во всем мире, но и угрожают ему в его родных пределах. В отличие от реформаторов фундаменталисты видят беду мусульманского мира не в недостаточной, а в чрезмерной модернизации или даже в модернизации, как таковой. Демократия для них — чуждая система, насильственно насаждаемая неверными и являющаяся частью более сильного и более пагубного влияния со стороны Великого Шайтана и его пособников.

Реакция фундаменталистов на западное правление и еще в большей степени на социальное и культурное влияние Запада набирала силу в течение долгого времени и нашла выражение в литературе с ее усиливающимся влиянием на общество, а также в устремлениях ряда активно функционирующих движений (наиболее заметное из них — «Братья-мусульмане», основанное в Египте в 1928 году). Политический ислам впервые проявил себя как серьезный фактор международной жизни во время иранской революции в 1979-м. На Ближнем Востоке слово «революция» слишком часто употребляют некорректно: им нередко оправдывают любое насильственное свержение существующей власти. Что же касается событий в Иране, то они представляли собой настоящую революцию, коренные изменения в стране наряду с весьма значительной сменой идеологии; это был сдвиг основ общества, оказавший огромное интеллектуальное, моральное и политическое воздействие на весь мусульманский мир.

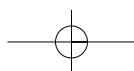

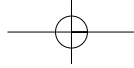
Свобода и справедливость на сегодняшнем Ближнем Востоке

Процесс, начавшийся в Иране в 1979 году, являлся революцией в том же смысле, что и французская, и российская революции. Подобно своим предшественницам, революция в Иране прошла различные стадии внутреннего и внешнего конфликта и трансформации и сейчас, кажется, вступает в бонапартистскую или, пожалуй, правильнее было бы сказать, в сталинистскую фазу.

Теократический режим в Иране победил на волне народной поддержки, порожденной неприятием старого режима, его политики и всего, что с ним было связано. С тех пор популярность его стремительно падала по мере того, как находившиеся у власти муллы выказывали себя столь же коррумпированными и деспотичными лидерами, как и правители в других странах региона. Есть много признаков нарастающего недовольства в Иране. Некоторые стремятся к радикальным переменам в форме возврата к прошлому; однако значительно бóльшая часть населения связывает надежды с приходом подлинной демократии. Таким образом, иранские правители с тревогой следят за демократическими переменами в Ираке, тем более что большинство иракцев — шииты, как и иранцы. Самим своим существованием шиитская демократия на западной границе Ирана стала бы вызовом, на самом деле — смертельной угрозой для режима мулл, которые поэтому делают все, чтобы предотвратить ее возникновение или помешать ей.

Но на сегодняшний день гораздо большее значение имеет деятельность суннитских фундаменталистов. Важный элемент суннитской священной войны — подъем и распространение, а в ряде регионов и преобладание ваххабизма. Ваххабизм — течение ислама, возникшее в провинции Неджд (Центральная Аравия) в XVIII веке. В то время он доставил некоторые неприятности мусульманским правителям, но в конце концов его удалось подавить и обуздать. В XX столетии ваххабизм опять поднял голову и приобрел новый статус, когда дом Саудов — местные племенные вожди, исповедующие ваххабизм, — захватил священные города Мекку и Медину и основал саудовскую монархию. Это привело к совпадению двух важнейших факторов. Во-первых, как правители священных городов, ваххабиты из дома Саудов контролировали ежегодно совершаемое мусульманами паломничество, что намного подняло их престиж и усилило влияние в исламском мире. Во-вторых, обнаружение и разработка нефтяных месторождений приносило им колоссальные средства. Таким образом, то, что могло бы

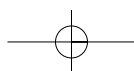
Бернард Льюис

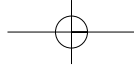
быть экстремистской акцией в малозначительном государстве, оказало огромное влияние на весь мир. Сегодня силы, возвращенные, взлелеянные и выпущенные на свободу ваххабитскими властями, представляют угрозу даже для самого дома Саудов.

Первым большим триумфом суннитских фундаменталистов стал крах Советского Союза, что они — и не без оснований со своей точки зрения — считали собственной победой. В их понимании СССР потерпел поражение не в холодной войне, которую вел Запад, а в результате исламского джихада, начатого вооруженными отрядами в Афганистане. По выражению Усамы бен Ладена и его приспешников, они уничтожили одну из двух оставшихся мировых империй неверных — причем наиболее сильную и опасную. Мол, справиться с американцами — неженками и дегенератами — гораздо проще. Эту их уверенность иногда подрывали, а иногда укрепляли действия и риторика Вашингтона.

В условиях подлинно свободных выборов фундаменталисты имели бы некоторые ощутимые преимущества по сравнению с умеренными и реформаторами. Одно из них состоит в том, что они говорят на языке, понятном мусульманам. Демократические партии продвигают идеологию и используют терминологию, по большей части чуждые «мусульманской улице». Напротив, и критикуя существующий авторитарный светский строй, и предлагая альтернативу, фундаменталистские партии используют знакомые слова и апеллируют к знакомым ценностям. Свои идеи фундаменталисты распространяют, опираясь на сверхэффективную сеть своих пособников, которые собираются, общаются и проповедуют в мечетях. Ни одна из светских партий не располагает сопоставимыми возможностями. Религиозные революционеры и даже террористы тоже пользуются поддержкой в обществе, поскольку стремятся — и зачастую искренне — облегчить тяготы простого народа. Такое отношение с их стороны нередко заметно контрастирует с черствым и своекорыстным безразличием нынешних обладателей власти и влияния на Ближнем Востоке. Пример иранской революции, вероятно, покажет, что, оказавшись у руля, эти борцы за религию ведут себя ничуть не лучше, а иногда и хуже тех, кого они свергли и кому пришли на смену. Но до тех пор фундаменталисты смогут извлекать выгоду и из восприятия людьми настоящего, и из их надежд на будущее.

И наконец, по-видимому, самое важное: идеология демократических партий требует от них предоставления фундаменталистам

Свобода и справедливость на сегодняшнем Ближнем Востоке

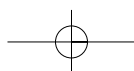
свободы действий. Для фундаменталистов же это не проблема; напротив, когда они получают власть, искоренение инакомыслия и неверия становится их задачей.

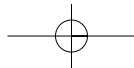
Но, несмотря на все сложности, основания для надежды есть, и прежде всего это всеобщие выборы в Ираке в январе 2005 года. Миллионы иракцев пришли на избирательные участки, выстояли очередь и проголосовали, зная, что каждую минуту рискуют жизнью. Это было поистине весомое достижение, и его эффект уже ощущается в соседних арабских и других странах. Арабская демократия выиграла битву, но не войну, и впереди еще много опасностей, исходящих как от упорных, беспощадных врагов, так и от нерешительных и ненадежных друзей. Тем не менее это была важная битва. Иракские выборы могут оказаться поворотным моментом в истории Ближнего Востока, не менее важным, чем приход в Египет Наполеона и Великой французской революции более двух столетий назад.

ПРИРОДА СТРАХА

Установление демократического общественно-политического строя в Ираке или любой другой стране Ближнего Востока — задача непростая, но осуществимая, и сегодня все больше появляется признаков того, что этот процесс уже начался. С возможностью формирования демократии в Ираке связаны в настоящее время два опасения. Одни боятся, что демократия не сработает: подобное утверждение часто звучит в США, в Европе же оно принимается почти как догма. Другие, особенно в правящих кругах ближневосточных стран, боятся того, что демократия состоится. Совершенно очевидно, что подлинно свободное общество в Ираке будет представлять смертельную угрозу для многих правительств региона, включая как противников Вашингтона, так и некоторых из тех, кто считается его союзниками.

С завершением Второй мировой войны для стран — бывших держав «оси» открылись пути к демократии. Окончание холодной войны дало некоторую степень свободы и импульс развитию демократии в большинстве стран, прежде входивших в сферу интересов Советского Союза. Не исключено, что сегодня, вооружившись терпением и упорством, можно будет наконец принести пострадавшим народам Ближнего Востока и свободу, и справедливость.

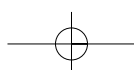

«На мусульманский вопрос, к сожалению, не было обращено должного внимания...»

Недавние события в Центральной Азии, сначала в Киргизии, потом в Узбекистане, привлекли внимание к вопросу о том, сколь велико влияние исламского фактора в этом регионе. Весьма любопытные оценки можно найти в трудах российских путешественников и этнографов конца XIX – начала XX веков. Так, достаточно подробно религиозную ситуацию в Туркестанском крае анализируют авторы монографии «Россия, полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга под редакцией **В.П. Семенова-Тянь-Шанского**», вышедшей в Санкт-Петербурге в 1913 году.

«Огромное значение в Средней Азии имеет мусульманский вопрос, на изучение которого до сего времени, к сожалению, не было обращено должного внимания, – сетуют ученые. – Внутренний мир туземного мусульманского населения и все стороны его духовной жизни, вытекающие из векового господства ислама, нам до сих пор мало известны. В отношении выяснения стремлений и идеалов населения, внесения света в умственную жизнь туземца, рациональной постановки школьного дела и т.п., мы не сделали почти ничего».

«Огромное влияние, оказанное исламом на бытовой, политический и экономический строй Средней Азии, и глубокое значение, которое он имеет поныне в мирозерцании, духовной и внешней жизни туркестанского населения, вызывает необходимость остановиться подробнее на этом вероучении, – продолжают авторы монографии. – В основе ислама лежит Коран, сборник изречений и поучений Магомета, считающийся мусульманами божественным откровением. Сжатость и отрывочность изложения Корана и противоречивость его положений вызвала необходимость, при применении его в жизни, разъяснений и толкований затрагиваемых им вопросов. Разъяснения эти, делавшиеся учениками и сподвижниками Магомета, а затем и вообще мусульманскими богословами, были впоследствии систематизированы и сведены в ряд книг, носящих название шариата (прямой путь). Кроме догматов, Коран содержит правила нравственности и религиозных обрядов (молитв, омовений и т.п.), указания на обязанности мусульманина и даже главнейшие государственные законоположения. Поэтому ислам является не только вероучением, но и гражданским и уголовным уложением, а в книгах шариата имеются указания, как должен поступать мусульманин во всех случаях общественной и частной жизни. Уклонение от указаний шариата есть неверие (кюфр), а всякий уклоняющийся является неверным (кяфыр), которого в будущей жизни ожидает

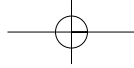
геена. Желая получить ответ на какой-либо вопрос, мусульманин обращается в настоящее время не к Корану, а к шариату, который, предусматривая все мельчайшие подробности его жизни и внешних отношений, регламентирует в то же время все его действия, все поступки и даже мысли, воображение и мирозерцание правоверных. Охватывая все стороны жизни мусульманина, исключая у своих последователей всякую попытку к критике окружающих явлений и убивая в них любознательность, ислам оказал пагубное влияние на все средне-азиатские народности, остановил их развитие и создал в их среде почти полный умственный застой. С течением времени, под влиянием ислама, в населении развилось фанатическое изуверство, ханжество и чисто формальные отношения к религии, отрицательные стороны которой при низком культурном уровне населяющих Туркестан народов получили здесь пышное развитие. Затворничество женщин и многоженство, две главные язвы семейной и общественной жизни мусульман, не мало способствовали падению нравственности и семейного быта и в Туркестане. Наиболее ярыми мусульманами являются оседлые народности, как, например, сарты, таджики и узбеки, жизнь которых совершенно замкнута в круге шариатских толкований и постановлений. Кочевники, киргизы и туркмены, сохранившие до настоящего времени свои прежние мировоззрения и обычаи, значительно менее подверглись влиянию ислама; они мало религиозны, не фанатичны и имеют в большинстве весьма смутное понятие о Коране и сущности мусульманского учения; посты, молитва и другие обряды, предписываемые законом Магомета исполняются ими плохо и, в особенности у киргизов, перемешаны с остатка-

ми языческих (шаманских) верований. Хранителем заветов мусульманства в среде населения является духовенство, для причисления к которому не требуется, однако, особого рукоположения или посвящения. Каждый грамотный, умеющий читать и писать, называется *муллой* (учитель), а лицо, изучившее, кроме того, главнейшие из книг шариата, носит название *улема* (ученый, богослов). Муллы и улемы, занимающие, в зависимости от обширности обладаемых ими познаний по мусульманскому богословию и праву, различные должности, и составляют главную массу туземного духо-

венства, которое может быть разделено на следующие четыре главнейшие разряда: 1) причт мечетей, состоящий в каждом из них из священника (*имам*) и пономаря (*азанчи, муэдзин, суфи*), 2) лица, занимающиеся разбором судебных дел по шариату, а именно судья (*кази*) и его помощники (*аглам и муфти*), 3) учителя мектебов (*дамулла*), которыми могут быть не только имам или азанчи, но и особые приглашаемые лица, и 4) преподаватели права и богословия в медресе (*мударрисы*). Несравненно большим влиянием на туземное население пользуются, однако, не эти представители мусульманского духовенства, а так называемые *ишаны, пиры* или *шейхи* (духовники, наставники в вере), обыкновенно не занимающие никаких

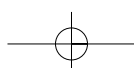
должностей, но снискавшие себе известность аскетическим образом жизни, набожностью и строгими правилами нравственности и приобретшие многочисленных учеников (*мюридов*). Ишаны Средней Азии были с давнего времени не только наставниками в правилах мусульманской веры, но и распространителями особого религиозно-философского учения, известного под именем суфизма или дервишизма. Суфизм, развившийся под влиянием древних религий востока, представляет смесь пантеизма, аскетизма и мистицизма; цель этого учения, возникшего на почве неудовлетворенности монотонностью, сухостью и обрядностью ислама заключается в искании истины и приобретении качеств, которые дают возможность слиться с всеобъемлющим Божеством. Познание пути, ведущего к цели, достигается вступлением в орден (*силък*), где, под руководством ишана (*шейха*), проходится искус, состоящий из ряда духовных упражнений

(зикр), ведущих к совершенству и к полному уничтожению индивидуальности мюрида. Мюриды (желающие, жаждущие) во всех делах должны руководствоваться волей шейха и беспрекословно ему повиноваться во всех случаях жизни. По существующим правилам, «мюрид должен считать своего пира единственным в мире и самым важным»; «тайны пира мюрид должен хранить от людей, а тайны свои обязан сообщать пиру», словом, мюрид должен находиться в полном духовном рабстве у своего наставника. В результате, под влиянием суфизма и его деятелей, в мусульманском мире возникли многочисленные ордены дервишей, последователи которых, возбуждая свою нервную систему телодвижениями, пляской, повторением в течение целых часов определенных изречений корана и другими упражнениями, приводят себя в состояние религиозного экстаза, считающимся слиянием с Божеством. Классической страной дервишей является Средняя Азия, в которой подвизались такие светила суфизма, как Мухаммед-Богаэддин-Накшбенди, Ходжа-Обейдулла-Ахрор, Ахмет-Ясави и другие, где были основаны важнейшие дервишские ордены. Известнейшие представители суфизма и ишаны причислены к святым, и могилы их с воздвигнутыми над ними гробницами (мазар) и мавзолеями служат предметом почитания и паломничества правоверных. Одним из популярнейших суфийских авторов в Туркестане является Дивана-и-Машраб, родившийся в 1640 г. в Намангане; произведения его знакомы большинству туземцев, а имя известно решительно всем. Его стихотворения (газаль) декламируются рассказчиками и певцами.

В настоящее время в Туркестане имеется несколько суфийских орденов, из которых самыми распространенными являются: Накшбенди, Каляндар, Кадрие и Кубрави. Основатель первого, наиболее важного по числу мюридов и деятельности ордена, Мухаммед-Богаэддин-Накшбенди жил во времена Тимура и умер в 1388 году в городе Бухаре; гробница его находится в окрестностях этого города при монастыре (текие) Богаэддин, в котором имеет свое местопребывание главный шейх ордена. Богаэддин является национальным святым сартов и таджиков и троекратное поклоне-

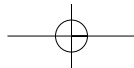
ние его гробнице заменяет паломничество в Мекку. Орден Каляндар, составляющий, по мнению некоторых, лишь ветвь ордена Накшбенди, основан около двухсот лет назад шейхом Сафа, похороненным в Самарканде во дворе орденского общежития (текие) или монастыря. Члены этого ордена, главный шейх коего живет в Самарканде, являются нищенствующим орденом, так как во время пребывания в ордене они не могут иметь не только никакой собственности, но даже собственной пищи и питаются подаянием. Дервиши этого ордена, часто попадающиеся на улицах и базарах и известные в Туркестане под названием дувана (юродивый), обращают на себя внимание особым костюмом (остроконечная шапка с меховой оторочкой, халат сшитый из лоскутов, чашка из скорлупы кокосового ореха, жезл и т.п.), громким пением и возгласами (я Алла – о Боже, я Хуа – о вездесущий, и др.) и т.п. Орден *Кадрие*, основанный в XII веке Абдул-Кадыр-Гиляни, распространился в Туркестане с XIV века благодаря деятельности мистика Ахмета-Ясави, над могилой которого Тимур построил мечеть, существующую поныне в г. Туркестане (древний Ясы). Дервиши этого ордена, состоящего в Средней Азии из нескольких ветвей, во главе коих стоят самостоятельные шейхи и ишаны, принадлежат к *джагрие*, т.е. приводят себя в экстаз и выражают душевные чувства во время радений неистовыми возгласами и криками. Противоположность дервишам-джагрие (явные, громко прославляющие) составляют дервиши *хуфие*, т.е. молчаливники, прославляющие Бога тайно. К дервишам хуфие относятся последователи ордена *Кубрави*, основанного в Хиве в XIII веке подвижником суфизма Наджмеддином Кубра, погибшим во время нашествия Чингиз-

хана; могила его находится среди развалин г. Куны-ургенча. Орден Кубрави до недавнего времени был единственным в Хивинском оазисе и пользовался большим почетом, но ныне вследствие сильного распространения из соседней Бухары ордена Накшбенди, потерял свое значение.

Наиболее ревностные мюриды, прошедшие послушание, получают от своего ишана диплом (*иршод*) на звание наставника (*халифа*) и сами по истечении некоторого времени становятся ишанами. Влияние суфизма и орденов дервишей на население Средней Азии было в старину очень велико, приближаясь, по своему значению и характеру, к тому влиянию, которое имело в средние века монашество в Западной Европе. С падением культуры в Средней Азии, мистическое учение суфизма потонуло в схоластическом догматизме и в выполнении обрядовых формальностей, а значение орденов, дервишей и ишанов, стоящих во главе орденских кружков, сильно пошатнулось. Число ишанов увеличилось, и в среду их стали часто попадать люди не столько стремящиеся к познанию истины и аскетизму, сколько к собственной наживе и к эксплуатации невежественного населения. Контингент мюридов уменьшился, а вместе с тем сократились и доходы ишанов, получающих обязательные от них приношения. Обстоятельство это привело к усиленной вербовке ишанами мюридов, что не могло не отразиться на понижении их значения и влияния. Ныне нередко можно слышать иронические замечания туземца, что ишан отправился на охоту за новыми мюридами. В последнее время ишаны и дервиши успешно развивают свою деятельность среди кочевого населения, еще сравнительно недавно придерживавшегося шаманст-

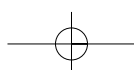

ва. Тем не менее, значение ишанов и дервишизма в Средней Азии, при невежестве и фанатизме туземцев, все еще очень велико. Проповедуя учение Магомета в наиболее терпимой его форме и раздувая фанатизм, ишаны и ревностные их мюриды внушают туземцам отчуждение от всего немусульманского, сеют среди них вражду к русским, а иногда и вызывают открытые возмущения. Волнения среди жителей Чирчикской долины в 1871 году и так называемое Андиганское восстание в 1898 году были вызваны исключительно проповедью ишанов.

Не малое значение в религиозно-духовной жизни населения Туркестана имеют хаджи и маддахи. Одной из важнейших обязанностей верующего мусульманина считается паломничество в Мекку (хадж); лица, совершившие последнее, получают звание хаджи и пользуются большим авторитетом и влиянием среди туземцев. В числе множества мусульман, совершивших хадж, жители Туркестана занимают довольно видное место. Маддахи – это в сущности те же дервиши, проповедующие на улицах, площадях и базарах на различные религиозно-нравственные темы, а нередко касающиеся и вопросов текущей жизни. Духовным и умственным центром туркестанского ислама служит Бухара. Город этот является не только среднеазиатским Римом, где завершается мусульманское образование, но и своего рода Парижем, откуда распространяется мода на те или иные богословские учения.

Огромное большинство туземцев-мусульман принадлежит к секте *ханыфи* суннитского толка. К шиитам относятся, помимо персов, живущих в Закаспийской области, небольшая часть таджиков в верховьях Зеравшана и в Дарвазе. Население Вахана, Ишкашима, Горана, Шугнана, Рошана и частью Дарваза принадлежит к секте исмаилья, одной из самых радикальных и рационалистических сект ислама. Апостолом секты и святым в верховьях Пянджа считается Носир-хосрау, живший в начале XI века и умерший в 1088 году в Иемгоне на левом берегу Пянджа. Последователи секты исмаилья встречаются также и в остальных местностях Туркестана. В числе персов Закаспийской области имеется некоторое количество последователей *Баба* (бабидов), нашедших себе убежище в наших пределах от преследований, которым они подвергались в Персии».

«Между последователями ислама фанатиков немного; они встречаются в более отдаленных пунктах, изолированных от русского населения, – отмечают авторы географического сборника **«Азиатская Россия»**, вышедшего в свет в Москве в 1901 году. – Некоторые из них или удалились куда-нибудь в горы, где нашли себе приют в одной из многочисленных пещер, которыми изобилуют горы Туркестанского края, или поселились где-нибудь в необитаемой степи, где из глины и камня сложили себе убогое жилище. Эти отшельники проводят свои дни в молитве, питаются

одним хлебом и фруктами, которые приносят им благочестивые мусульмане, приходящие за благословением. В рубище, босой, с непокрытой головою, иногда в веригах, с изможденным лицом, попадает где-нибудь в степи такой отшельник и производит впечатление сумасшедшего. Встретив путника, он обыкновенно начинает махать руками, сопровождая жесты какими-то громкими восклицаниями. Туземцы подают ему милостыню, и он читает над ними напутственные молитвы. Совсем противоположное происходит при встрече такого аскета с русскими, он начинает дрожать, взгляд его загорается каким-то зловещим огнем, и в бешеном порыве самого дикого фанатизма, он с пеною у рта произносит, хрипя и задыхаясь, свои проклятия. Но такие фанатики редки и число их с каждым годом становится все незначительнее».

Город Андижан, печально прославившийся на весь мир в мае 2005 года, как выясняется, привлекал внимание проезжающих еще сто лет назад. «Главная, настоящая достопримечательность Андижана – это его невероятная, чисто легендарная грязь, – с некоторым даже восхищением пишет **В.Н. Гартенвельд**, автор путевых очерков Туркестана под выразительным названием «**Среди сыпучих песков и отрубленных голов**» (Москва, 1914 год). – Вы не подумайте! Это не лечебная какая-нибудь грязь, а, наоборот, грязь, от которой люди мрут, как мухи. Уже с вокзала начинается она, жидкая, желтая, в аршин глубины. Весь город тонет в ней и о хождении пешком не может быть и речи. Были случаи, когда лошади тонули буквально со своими седоками...

И надо думать, что конюшни Авгия, сравнительно с андижанскими улицами, представляли собой по чистоте операционные залы берлинской клиники! И живут же люди в таких клоаках!

Немудрено, что администрация стыдливо запрещает иностранцам въезд в города Туркестана... Пожалуй, что и неловко...

Гостиницы в Андижане такие же грязные и неустроенные, как и улицы. Но цены за комнаты берут такие, как будто грязь в них привезена из одесского лимана и, если бы в Андижане не существовало клуба, то путешественник умер бы с голоду.

Каким-то секретным, вероятно, только им одним известным, способом, андижанцы ухитряются вечером по своей грязи доплыть до клуба, где веселье стоит столбом. Там ужинают, танцуют и т.д., причем есть оркестрик и кое-какие кафешантанные номера».

Уникальный доступ к информации

Компания East View Information Services, Inc., надежный поставщик информации, предлагает электронные полнотекстовые базы данных периодики России и стран Ближнего зарубежья:

Центральная пресса России

- Около 60 наиболее авторитетных столичных газет и журналов
- Освещают события в сфере политики, экономики, науки, культуры и общественной жизни России
- Представляют широкий диапазон мнений
- Ориентированы на государственные и коммерческие структуры, ученых, специалистов, экспертов
- Глубина архива - с 1996 года
- Тексты изданий приводятся без сокращений
- Ряд изданий появляются на сайте накануне выхода из печати

Гуманитарные науки и литературно-художественные журналы

- Более 30 изданий Российской академии наук
- «Толстые» литературные журналы
- Независимые научные журналы
- Глубина архива - с 1997 года
- Для удобства цитирования сохранена пагинация печатных оригиналов
- Предназначена для ученых, политических консультантов, информационно-аналитических центров

Периодика стран СНГ и Балтии

- Авторитетные газеты, журналы и информационные ленты новостных агентств государств бывшего СССР
- Освещают внутренние и международные события
- Достоверный источник обширной и оперативной информации из Ближнего зарубежья
- Глубина архива – с 1997 года

Издания Украины

- Единственное в мире электронное собрание газет, журналов и библиографических изданий Украины
- Политическая, экономическая и культурная жизнь страны, ее движение по пути реформ
- Взгляды и позиции различных политических сил, изменения в законодательстве
- Тенденции военного строительства, Украина и НАТО, роль Украины как военной державы
- Академические исследования, проблемы экономики, международных отношений
- Глубина архива – с 2001 года

Смотрите полный список изданий по адресу: <http://www.online.eastview.com/titles>

По Вашему запросу предоставим бесплатный тестовый доступ

По вопросам подписки обращайтесь:

в России:

тел: (095) 777-6557, 318-0937,
факс: (095) 318-0881
E-mail: sales@mosinfo.ru

в США:

тел.: (763) 550-0962,
факс: (763) 559-2931
E-mail: sales@eastview.com

Продолжение темы: эпоха перемен

Гравюра В.А. Фаворского

“Часто можно услышать сетования на то, что до сих пор не преодолены ментальные установки, мешающие встраиванию России в современную мировую экономику. Но любая стратегия развития не может игнорировать цивилизационную специфику как фундаментальный объективный фактор”

Аршин для России *Александр Музыкантский*
180

Необратимый бег «колесницы реформ» *Владимир Дегоев*
191

Свобода СМИ в России: юбилей без торжеств *Владимир Энтин*
199

Аршин для России

Александр Музыкантский

Бурные изменения, происходящие на постсоветском пространстве, то есть в зоне, где влияние Москвы традиционно не подвергалось сомнению, со всей остротой ставят перед Россией – и перед ее властями, и перед обществом – вопрос о ее собственной самоидентификации. Как отмечает Андрей Кокошин, «одной из слабостей нашего общества и государства является проблема отсутствия не только в народе в целом, но даже и у интеллектуальной, политической и деловой элиты понимания того, что именно представляют собой наш народ и наше общество».

Идейная сумятица, в которой пребывает отечественная элита после крушения советской и горького разочарования в постсоветской либеральной модели, заставляет в очередной раз задуматься о фундаментальных характеристиках российской цивилизации. Без учета типичных особенностей, во многом определявших формы существования и Российской империи, и Советского Союза, и нынешней Российской Федерации, невозможно спроектировать и новую модель, необходимую для приспособления к реалиям современного, стремительно меняющегося мира.

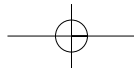
Каковы же специфические черты «ядра» традиционной российской ментальности?

МЫСЛИТЬ ПО-РУССКИ

Согласно мнению социолога Игоря Яковенко, российской ментальности присущи следующие особенности:

- установка на синкрезис, идеал синкрезиса;

А.И. Музыкантский – профессор, заведующий кафедрой мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова.

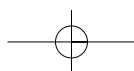
Аршин для России

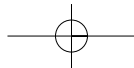
- манихейская интенция;
- мироотречная установка;
- раскол в культурном сознании.

(См.: *И.Г. Яковенко*. Доклад на «круглом столе» «Цивилизационная специфика России: каким аршином мерить?» / Никитский клуб. Цикл публичных дискуссий «Россия в глобальном контексте». Выпуск 12. М., 2003.)

Синкретиз — состояние общества и культуры, для которого характерны всеобщее слияние, невыделенность элементов. Таково первобытное общество, в котором не выделены ни социальные роли, ни профессии, отсутствуют институты семьи, частной собственности. В синкретическом обществе знания о мире, нормы поведения, художественная культура, религия, умения и навыки существуют в слитном, нерасчлененном виде. Вся история человечества есть процесс бесконечного дробления начального синкретиза. Причем на Западе этот процесс развивался быстрее и энергичнее, чем на Востоке, где его блокировала и замедляла культура. Фундаментальная особенность русской ментальности состоит в том, что она фиксирует достигнутый уровень дробления синкретиза как окончательный, противостоит его дальнейшему дроблению, а в качестве абсолютного идеала видит возврат к его исходному состоянию. В любой ситуации русский традиционалист из двух альтернатив выберет ту, для которой характерен более высокий уровень синкретиза. Поэтому в России так популярны идеи всеобщего равенства, а в идеальном — коммунистическом — обществе, согласно концепции советских теоретиков, отсутствуют различия между городом и деревней, физическим и умственным трудом, происходит сближение социалистических наций вплоть до образования новой единой общности людей. И разумеется, нет деления на богатых и бедных. Легко заметить сходство подобной идеологии не только с представлениями о христианском рае, но и с народным видением идеального царства, воплощенным в многочисленных сказаниях и легендах.

Не случайно в свое время коммунистические идеи быстро нашли себе в России массу сторонников. И именно по этой причине столь трудно идет здесь процесс становления гражданского общества. Ибо формирование гражданского общества — это замена ограниченного числа жестких, вертикально интегрированных политических и общественных конструкций множеством самоуправляемых образова-

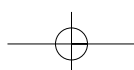
Александр Музыкантский

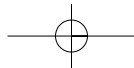
ний, находящихся в процессе сложного взаимодействия друг с другом и с органами власти. Гражданское общество соответствует более высокой стадии дробления синкрезиса.

Манихейская интенция. Понятие манихейства связано с иранским религиозным реформатором Мани (III век), который подвел итоги грандиозного процесса, последовавшего за распадом первобытного мифо-ритуального синкрезиса. Усложнение как деятельности человека, так и его представлений об окружающем мире привело к выделению культуры, а между внутрикультурными, субъектными полюсами, маркированными семантикой добра и зла, пролегал фундаментальный водораздел. В манихейском сознании мир предстает как арена извечной борьбы двух сил — света и тьмы, Добра и Зла. Противоборствуют такие силы, как «мы» и «они». «Мы» всегда на стороне света, а «они» — на стороне тьмы. Носителю манихейского сознания необходим «враг» — либо реальный, либо искусственно созданный. В качестве врага может выступать кто угодно — от соседа по квартире до инородца, иноверца, идеологического противника, конкурента по бизнесу. В контексте межгосударственных отношений типичными для манихейства образами врага становятся враждебное окружение, империалистические круги, мировая закулиса или просто «темные силы», стремящиеся «уничтожить, расчленивать, оторвать кусок пожирнее».

Мироотречная установка базируется на том, что реальный мир погряз в пороке, а все попытки его исправить и усовершенствовать обречены на провал. Идеи мироотречности глубоко укоренены в русских традициях: они имеют отношение, например, к монашеству, идеалам нестяжательства и различным современным вариантам системного «пофигизма». Мироотречная установка генерирует множество асоциальных комплексов — от упаднических настроений и ощущения безнадежности до оправдания в массовом сознании провала в реализации любой идеи, любого начинания (от построения социализма или внедрения демократии до монетизации льгот): мол, все равно ничего не получится — ведь мир неисправим.

Раскол в культурном сознании. Коротко эту особенность традиционной российской ментальности можно охарактеризовать как возникновение в обществе по любому значимому вопросу двух полярных мнений. В их основе — несовпадающие системы понятий и аргументации, разные ценности и способы языкового выражения. Между носителями этих позиций не может быть диалога.

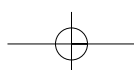
Аршин для России

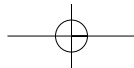
Вместо него реализуется система монологов. К тому же стороны, придерживающиеся противоположных точек зрения, испытывают по отношению друг к другу чисто манихейские комплексы. В такой ситуации доминирующим является стремление подавить, а если представится возможность, то и уничтожить оппонента. Еще одним из следствий подобной ситуации является неэффективность принимаемых решений, что вызвано не недомыслием, а глубоко заложенными культурными стереотипами.

Указанные элементы лежат в основе ядра российского культурного и ментального пространства. (При этом культурное ядро представляет собой системную целостность: указанные элементы существуют в нем не изолированно и реализуются не каждый сам по себе, а лишь в системной связи. Они поддерживают, взаимодополняют друг друга, и в этом — одна из причин их общей устойчивости.) Среди прочих компонентов стоит отметить *сакральный образ власти*, причем всех ее уровней (в глазах большинства россиян государство во все времена является *единственным* субъектом, к тому же всегда противопоставленным своим подданным, и любое «первое лицо» неизменно схватывает проблему быстрее и понимает ее глубже, чем какой бы то ни было специалист или эксперт). Важную роль играет и *примат экстенсивности*, который всегда связан с насилием (над природой, людьми или соседями) ввиду того, что вовлечение новых ресурсов без насилия невозможно. Русской ментальности присущ и *комплекс ресурсорасточительности и человекорасточительности*, вытекающий из приматов экстенсивности и сакральности власти.

Следует отметить, что традиционная русская культура, возникшая одновременно с русским централизованным государством в XIII–XVI веках, неоднократно подвергалась (и подвергается донныне) модернизационным влияниям, в связи с чем в нее привносились иные черты и идеи. При этом традиционные черты не размывались, а как бы отодвигались на периферию, продолжая действовать во многих случаях просто на подсознательном уровне.

Тем не менее, даже не будучи рационально осознанными, эти фундаментальные черты культурного ядра моделируют проявления духовной, общественной и государственной жизни на всех уровнях — от бытового до сферы государственного управления. Не может эта «цивилизационная специфика» не влиять и на проводимую внешнюю политику.

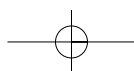
Александр Музыкантский

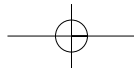
ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ДРОБЛЕНИЕ СИНКРЕЗИСА

Человеку, который руководствуется, быть может сам того не сознавая, ценностями российской цивилизации, конечно же, более комфортно и уютно живется в мире, устроенном «правильно». Например, таком, который разделен противостоящими союзами на блоки. Лучше на два блока. Скажем, Антанта — Союз центральных держав или Варшавский договор — НАТО. Здесь все понятно и привычно, ясно, кто «свой», а кто «чужой». Причем «свой» всегда прав, «своих» не сдают. Для защиты «своей» Сербии в 1914 году можно было пойти на риск быть втянутыми в общеевропейскую войну (и таки втянулись). Так же, как, защищая «свою» Кубу в 1962-м, Москва пренебрегла опасностью возникновения ракетно-ядерного конфликта с США (которого, к счастью, в последний момент удалось избежать). Кроме того, «своему» помогают, что Советский Союз и делал в отношении стран социалистического лагеря, выделяя на эти цели колоссальные суммы.

В подобной картине мира любое государство необходимо отнести либо к «своим», либо к «чужим». Если, к примеру, Египет или Сирия — «свои», то, значит, нужно поставлять им на миллиарды долларов оружия, хотя очевидно, что оно никогда не будет оплачено и даже освоено. А Израиль — «чужой», так что следует, во-первых, его заклеймить как проводника реакционной сионистской идеологии, во-вторых, прекратить с ним всякие отношения и, в-третьих, максимально затруднить советским евреям эмиграцию в эту страну (а то, что при этом можно противопоставить себя остальному миру, — не так уж и страшно).

Характерна стремительность, с какой некоторые трансформируются из «своих» в «чужие». Так, в 1948 году Иосип Броз Тито за несколько месяцев превратился из национального героя в «гестаповского выкорыша». Уже на наших глазах Виктор Ющенко из прагматичного политика, с которым можно иметь дело, стремительно преобразился в «людину, яка на чужі гроші провела гучну передвиборну кампанію й, продавши свою незалежність, готова продати незалежність України» (Из предвыборной листовки, подписанной заместителем председателя правления Союза землячеств Украины в РФ В.Б. Христенко). «Уж на что пророссийским казался новый президент Молдовы — русский коммунист Воронин. Теперь он, оказывается, прозападный и проамериканский»,

Аршин для России

— иронизирует, подмечая эту тенденцию, политолог Андрей Пинотковский.

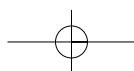
Между тем концепция «правильно» устроенных международных отношений стремительно теряет позиции в современном мире. Взрывной рост числа государств делает неэффективным и неудобным основной механизм международных отношений, приспособленный под «блоковое» устройство мира.

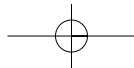
Потребность в глобальной координации породила новые механизмы, привела к созданию во второй половине XX века новых международных организаций. «К середине 80-х годов в мире насчитывалось 365 межправительственных и 4 615 неправительственных международных организаций (в два с лишним раза больше, чем в начале 70-х)» (А.А. Пелипенко. «Кризис экономической цивилизации в контексте макрокультурных процессов»). Как раз сюда и сместился центр тяжести в процессе принятия решений по вопросам международной координации и международного сотрудничества.

Это и есть дробление синкретиза применительно к системе международных отношений. Место «простой и понятной» конструкции, в которой все связи определяются парой десятков договоров и ясно, кто «свой», а кто «чужой», занимает замысловатая схема взаимодействия, где все связано сложной, многослойной системой соглашений и протоколов, где каждый каждому «и не друг, и не враг», а партнер, формулирующий и отстаивающий свои интересы. То есть жесткая иерархическая конструкция заменяется гибкой и мобильной сетевой структурой, и в этом заключается главное содержание сегодняшнего этапа исторического развития.

Аналогичные процессы коснулись и внутренней структуры международного терроризма, что весьма важно для современной России. Международный терроризм представляет собой мобильную и гибкую сеть взаимодействующих, но автономных структур, не имеющую единого центра управления. Этим он и силен; оттого-то с ним так сложно бороться. И именно поэтому не стоит надеяться на то, что с ним будет покончено, как только антитеррористическая коалиция схватит полумифического Усаму бен Ладена или разгромит совсем уж мифический штаб «Аль-Каиды». Сеть бьет иерархию.

Размышляя о трех веках российской политики (от Смутного времени до 1917 года), Александр Солженицын делает вывод об

Александр Музыкантский

«упущенных возможностях внутреннего развития и о безжалостной растрате народных сил на ненужные России внешние цели: заботились о европейских интересах больше, чем о своем народе». Но какой оценки заслуживает внешняя политика нашей страны после 1917-го? Сначала подготовка мировой революции, затем братская помощь странам социалистического лагеря и странам, «ставшим на некапиталистический путь развития», потом, уже в наши дни, помощь бывшим братским республикам – ныне самостоятельным суверенным государствам. Что это, как не бессмысленно затраченные усилия?

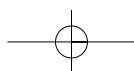
Таким образом, несмотря на различные исторические условия, воспроизводятся сходные внешнеполитические парадигмы и механизмы. Ведь в них так или иначе проявляются фундаментальные цивилизационные черты культурного ядра, влияющие на выработку доктринальных внешнеполитических концепций. В случае с Россией решающую роль играет установка на синкретизм, выражающаяся в стремлении свести все многообразие международного взаимодействия к противостоянию небольшого числа союзов или блоков, определить «полюса» влияния, зафиксировав при этом зоны своих особых интересов.

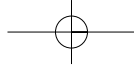
МЕНТАЛИТЕТ И ГЛОБАЛИТЕТ

Как и всякая научная теория, концепция цивилизационной специфики России, решая целый ряд проблем, ставит множество новых вопросов. Главный из них, быть может, в том, как вскрытые механизмы цивилизационной специфики соотносятся со стратегией модернизационного развития.

Часто можно услышать сетования на то, что «до сих пор не преодолены» ментальные установки, мешающие встраиванию России в современную мировую экономику, в системы международного разделения труда и современных международных отношений. Но, во-первых, любая стратегия развития не может игнорировать цивилизационную специфику, как фундаментальный объективный фактор. Конечно же, можно ставить вопрос о целенаправленной коррекции специфических черт нации, затрудняющих приспособление к модернизационным реалиям. Однако в любом случае речь идет о чрезвычайно длительном и болезненном процессе.

Во-вторых, правомерна и другая постановка вопроса. Действительно ли все базовые характеристики российской ментальности тре-

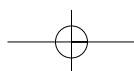
Аршин для России

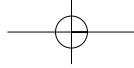
буют преодоления, делая бесперспективными в России любые модернизационные проекты? Нет ли среди них таких, которые, напротив, могут быть с успехом использованы для целей модернизации?

Конечно же есть. Например, способность русской культуры, не изменяя своей природе, вбирать в себя различные черты других культур и другого сознания. Эту особенность, также вытекающую из русской установки на синкрезис, подметил еще Фёдор Достоевский: «Мы не враждебно (как, казалось, должно бы было случиться), а дружелюбно, с полной любовью приняли в душу нашу гении чужих наций... умея инстинктом... различать, снимать противоречия, извинять и примирять различия, и тем уже высказали готовность и наклонность нашу... ко всеобщему общечеловеческому воссоединению». (Кстати, Достоевский же предвосхитил оценку российской политики, которую спустя сто лет даст Солженицын: «..Что делала Россия во все эти два века в своей политике, как не служила Европе, может быть, гораздо более, чем себе самой? Не думаю, чтоб от неумения лишь наших политиков это происходило».) Таким образом, приверженность синкрезису может играть позитивную роль. Это особенно важно в эпоху глобализации, когда все более значительную роль в развитии страны начинает играть ее «глобалитет», т. е. способность к «всемирной отзывчивости».

Другой пример. Когда в 1945 году американская оккупационная администрация во главе с Дугласом Макартуром взяла курс на превращение Японии в страну, приверженную демократическим и рыночным ценностям, многие эксперты указывали, что традиционная установка японцев на общинные отношения станет естественным препятствием на этом пути. Но вот через 30 лет один из лучших российских знатоков Японии Владимир Цветов, исследуя механизм японского «экономического чуда», приводит слова руководителя крупнейшей японской судостроительной компании: «Нам повезло. Общинные отношения господствовали в Японии вплоть до 1945 года, и за сравнительно короткий промежуток растерянности, последовавший после окончания войны, общинный дух не успел выветриться».

Здесь важны два обстоятельства. Во-первых, «представитель монополистического капитала», как его представляет Цветов, утверждает, что общинные отношения оказались вовсе не тормозом, как предсказывали американские эксперты, а одним из главных двигателей модернизации японской экономики. Но еще важнее то, что

Александр Музыкантский

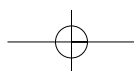
период после окончания войны назван «промежутком растерянности». А ведь речь идет о периоде, когда американская администрация проводила наиболее радикальные преобразования, затрагивавшие все стороны жизни японского общества. В те годы происходили не только демократические выборы, принятие новой Конституции, ограничение деятельности военно-промышленных корпораций, но и лишение синтоизма государственного, а императора Хирохито божественного статуса, бесплатное распространение 10 миллионов экземпляров Библии, чистка школьных учебников и т. д.

Макартур вспоминал, что «получил абсолютное право контролировать жизнь 80-миллионного народа» и при этом должен был «перестроить нацию, заполнить образовавшийся политический, экономический и духовный вакуум». Однако через три десятилетия вся эта кипучая деятельность оценивалась как «короткий промежуток растерянности». А там, где генерал Макартур видел только разные виды «вакуумов», сохранились, «не успев выветриться», фундаментальные, базовые сущности культурного ядра, которые и обеспечили впоследствии столь впечатляющую динамику развития японского общества.

Еще один пример заимствован у политолога Алексея Зудина. В 1950-е многие авторы объясняли причину экономического застоя в странах Юго-Восточной Азии конфуцианской этикой: мол, человек ориентирован на созерцательное отношение к жизни, пассивность и т. п. Через 20 лет в этих регионах возникли очаги исключительно быстрого экономического роста, появились «азиатские тигры». И теперь специалисты заявляют: этому способствовала как раз конфуцианская этика. Она ориентирует человека на самодисциплину, сосредоточенность, и как только появятся благоприятные возможности, индивид реализует свою энергию.

Между тем в ходе исторической трансформации общества может происходить и принципиальная перенастройка ментальных установок. Глубокие перемены, произошедшие в Турции в 1920-х годах, касались не просто формы правления — они затронули отношение к религии и к империи. В результате «революции младотурок» во главе с первым президентом Турции Мустафой Кемалем Ататюрком изменению подверглись базовые элементы культурного ядра, фактически была сформирована новая нация.

Современный мир диктует свои требования. Но так или иначе,

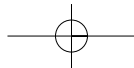
Аршин для России

Генералу Дугласу Макартуру (1) не удалось изменить менталитет японцев, а вот Мустафа Кемаль Ататюрк (2) создал новую турецкую нацию

возможности преобразований, способных обеспечить необходимую историческую динамику, безусловно, ограничиваются системообразующими культурными характеристиками. Поэтому вопрос об их продуманной целенаправленной коррекции ставится в повестку дня самым императивом исторического развития.

«ТЕОРИЯ ХАОСА»

Вся история России показывает, что «силовые» методы изменения менталитета, попытки его «корректировки сверху» контрпродуктивны. Единственно возможный стратегический путь, способный дать позитивный результат в течение относительно короткого времени, — это модернизация образования. Комплекс общественных дисциплин советской высшей школы заимствовал многие традиционные установки российской ментальности. Современное гуманитарное образование также не дает ответов на вопросы, связанные с самоидентификацией нации. Между тем даже их постановка невозможна вне широкого общемирового контекста, понимание которого подразумевает включение в систему гуманитарного образования в обязательном порядке таких системообразующих

Александр Музыкантский

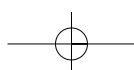
курсов, как история культуры, история религии. Уже накоплено достаточно научных знаний для создания учебных курсов, которые условно можно было бы обозначить как теория цивилизаций или цивилизационный анализ.

Большое значение имеет формирование у современных гуманитариев способности к аналитической работе. Аналитика в каком-то смысле противоположна синкрезису. Для русского традиционалиста мир распавшегося синкрезиса представляет собой пугающий хаос. Преодоление хаоса он видит в упрощении ситуации и установлении порядка — в регулировании в экономике, вертикали власти в обществе, новом поляризованном миропорядке.

Между тем построение аналитических моделей сложных систем уже давно стало предметом исследования. Существует специальное направление в математике — «теория хаоса». Любому гуманитарии по силам усвоить хотя бы тот факт, что для построения моделей произвольной сетевой структуры и анализа процессов, в ней происходящих, существует адекватный математический аппарат. Вообще, совершенно необходимо знакомство студентов-гуманитариев с математикой для того, чтобы путем построения математических моделей исследовать текущее состояние объектов или явлений и предсказывать перспективы их развития.

Гуманитариям необходимо и умение ориентироваться в современном информационном пространстве. Ведь для принятия эффективных решений во все более усложняющемся мире еще на уровне проработки проекта требуется проанализировать все сложные и многообразные связи объекта или явления, просчитать последствия. А подобного рода анализ нельзя провести без привлечения и обработки огромного объема информационных ресурсов.

И конечно же, при решении столь масштабного вопроса необходимы цельная стратегия и ее заинтересованное обсуждение в обществе. Ведь речь идет ни много ни мало об изменении системообразующих сущностей культуры.

Необратимый бег «колесницы реформ»

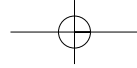
Владимир Дегоев

«Народ собрался в дорогу...» Этой фразой русский историк Сергей Соловьёв, который жил и работал в XIX столетии, определил социально-политическое и духовное состояние России в конце XVII века. Он полагал, что страна, осознававшая необходимость перемен, жила в предчувствии их и в ожидании вождя-реформатора, который не замедлил явиться в образе Петра I. Соловьёв был не первым и не последним русским мыслителем, обращавшимся к теме специфики исторических переломов в России, но, пожалуй, никто до него не ставил эту проблему столь глубоко и остро.

С тех пор не прекращается спор о том, существует ли такой феномен, как «реформы по-русски», и в чем их уникальность? Насколько естественно и органично связаны они со «всемирным ходом предшествующего развития»? Почему именно на верхних, самых благополучных социальных этапах концентрируются наиболее пассионарные силы, не желающие жить по-старому, а народ предпочитает либо роль ведомого, либо «бессмысленный» бунт? Чем объяснить неизбежный разрыв между реформаторскими замыслами и конечными результатами? И отчего преобразования «сверху» заканчиваются революцией «снизу», а вместе с ней — и непомерными жертвами?

Сергей Соловьёв считал, что «народ, собравшийся в дорогу» — это отнюдь не гарантия движения вперед: успех преобразованиям обеспечивает только великий человек, умеющий глубоко проникнуть в народное сознание, обуздать массовую энергию в одних случаях и подчиниться ей в других, ясно осознавать цели и искусно

В.В. Дегоев — д. и. н., руководитель Центра кавказских исследований МГИМО (У) МИД РФ.

Владимир Дегоев

распорядиться средствами. В руках же заурядных людей реформирование оборачивается катастрофой.

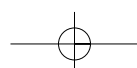
«Человек властвующий» — самая загадочная тема российской истории. Кому не везло чаще — России на правителей или правителям на Россию? Марксисты говорят: когда в обществе возникает нужда в великой личности, то жизнь порождает ее незамедлительно и заставляет делать то, что предписывают «объективные законы бытия». Эта формула находит подтверждения в истории. Но всегда ли? Двадцатилетие советской перестройки, о котором много говорили весной нынешнего года, — один из поводов задуматься над этим.

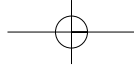
И Н О Г О Н Е Д А Н О ?

В новейшей историографии почти непререкаемым стал тезис о неизбежности радикальных реформ 1980-х годов — ведь для них созрели (и даже перезрели) все необходимые внутривнутриполитические и внешнеполитические условия. В результате стечения объективных и субъективных обстоятельств в советской интеллектуальной и политической среде возобладало убеждение в принципиальной невозможности реформирования существующей системы: только ее слом и замена новой! Источником этой, в сущности, глубоко деструктивной энергии явились интересы различных корпоративных групп с мощным социально-агрессивным потенциалом.

В 1985-м, пожалуй, единственным «общим знаменателем» в обществе являлось стремление «жить лучше». Там же, где речь заходила о способах достижения этой цели, начинались проблемы. Абсолютное большинство вообще не задумывалось над данным вопросом, по привычке делегируя верховным властям право и обязанность принимать судьбоносные решения. (Почти как у славянофилов: «Народу — авторитет мнения, правителям — свободу презирать его».) Драма заключалась в том, что, пока одни обсуждали, чего они хотят, другие уже давно сообразили, как нужно действовать.

Роль международного фактора не стоит ни абсолютизировать, ни преуменьшать. Изоляция СССР от внешнего мира всегда была относительной. Информация о том, как обстоят дела на Западе, давала поводы и для гордости, и для зависти, и для тягостных раздумий. Здравый смысл требовал отказа от нигилистического отношения к Западу. Сравнения побуждали к соответствующим выводам, расколовшим советскую политическую и интеллектуальную элиту, условно говоря, на обновленцев и радикалов.

Необратимый бег «колесницы реформ»

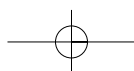
Первые считали, что социализм с человеческим лицом — это капитализм, лишенный его бесчеловечных крайностей. Они не видели принципиальных препятствий для счастливого союза между достижениями обеих систем. Вопрос о том, которой из них придется пройти большую часть пути навстречу друг другу, по их представлениям, должен был решаться на основе компромисса. По сути, это старый рецепт, предлагавшийся западными конвергенционистами еще в 1960-е годы.

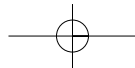
Радикалы же настаивали на полном уничтожении и социалистического «базиса», и советско-коммунистической «надстройки», ссылаясь на имманентную обреченность этих институтов. За ними стояли определенные внутренние и внешние силы. Уже почуяв вкус победы и запах добычи, они отвергали всякого рода компромиссы.

Сегодня, оглядываясь назад, проще доказывать закономерность, чем случайность падения советского колосса. Довольно бессистемное нагромождение событий второй половины 1980-х «легко» выстраивается в один логический безальтернативный ряд. Но существовала ли в реальности такая «необратимость» эволюции, или она лишь плод нашего лукавого сознания, всегда склонного к упорядочиванию уже случившегося? Выживи Советский Союз в какой-либо форме, мы нынче столь же убедительно разъясняли бы, почему «иное не было дано».

Историк и философ Эрик Хобсбаум следующим образом описывает глобальное состязание между Востоком и Западом в 60–80-е годы XX века. Борьба между двумя системами, принявшая воистину вселенско-мессианский размах, являлась в основном игрой с нулевой суммой. В этом состояла вся внутренняя логика холодной войны, питаемая страхом, недоверием, фобиями, трагическим опытом прошлого. Дело усугублялось тем, что великое противостояние развивалось с переменным успехом, возбуждавшим у одной стороны надежду на «чистую» победу, а у другой — реваншистские устремления, выражавшиеся порой в нервических и асимметричных контрвыпадах. Ход состязания обуславливался сложной мировой конъюнктурой с ее многочисленными составляющими: региональными и локальными, экономическими и военно-технологическими, политическими и дипломатическими, идеологическими и культурными, объективными и субъективными.

По мнению Хобсбаума, к началу 1980-х и тот и другой «бегун» на длинную историческую дистанцию начали выдыхаться, о чем

Владимир Дегоев

свидетельствовали кризисные процессы по обе стороны «железного занавеса». В этих условиях Запад решил из последних сил сыграть ва-банк. И выиграл — но не потому, что был «объективно» обречен на победу, а потому, что у кремлевской геронтократии не нашлось трезвого, интеллектуально емкого, системного ответа на блеф противника. В продолжение мысли Хобсбаума можно добавить: на партийно-советском «престоле» не оказалось личности, способной к упреждающему анализу и принятию нестандартных решений.

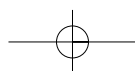
НЕОТРАБОТАННЫЙ ЗАПАС ПРОЧНОСТИ

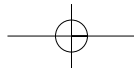
Допустим, у Советского Союза, как геополитической и цивилизационной реальности, сохранились резервы для выживания. Кто и как мог бы их реализовать? Только государство и только «сверху», ибо в России революционная инициатива «снизу» всегда нацелена на разрушение, а не на преобразование.

Разумеется, обстановка к середине 1980-х годов сложилась непростая, особенно в экономике. Недовольство в массах постепенно возрастало, но ни о каких революционных настроениях или предреволюционной ситуации говорить не приходилось. Народ, в общем-то, «в дорогу не собирался», жил буднично и размеренно — без войны, голода, потрясений да еще и с целым набором социальных гарантий, которых никто не замечал, как не замечают само собой разумеющееся. Люди верили в завтрашний день и надеялись на патерналистское государство, не задумываясь о том, чем измеряется «народное счастье».

В трудностях, которые приходилось испытывать, не было ничего нового и непривычного, и огромный запас народного терпения не вызывал сомнений. Интеллигенция шепталась на кухнях и почитывала запрещенную литературу, горстка правозащитников совершала акции протеста и т. д. Власти не давали этим явлениям выйти из традиционных ниш, позволяя и даже поощряя дозированное инакомыслие, но пресекая на корню всякое посягательство на основы.

Все это в том или ином виде существовало всегда и представляло собой норму жизни, а не предсмертный синдром. Кризисное состояние советской экономики и коммунистической идеологии, отрицать которое бессмысленно, не являлось фатальным. Ведь *кризис — это органичная составная часть процесса развития и обновления*, вызов человеческому разуму и воле. Неспособность адекватно ответить на него трансформирует кризис в катастрофу и ее разновидности.

Необратимый бег «колесницы реформ»

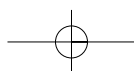
ность — революцию, хотя и они по большому счету являются звеньями исторической эволюции.

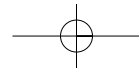
В гонке на выживание Западу сопутствовало скорее субъективное, чем объективное, везение. Там, в условиях колоссальных системных напряжений и, казалось бы, роковых внешнеполитических провалов, едва не приведших к социальному взрыву, нашлись люди, точно понимавшие природу кризиса. Наглядные примеры — усвоенные уроки вьетнамской войны, расовых волнений, студенческих революций и нефтяных шоков 1970-х годов.

В результате Запад относительно благополучно вышел из периода смуты, продемонстрировав способность к самообновлению без апокалипсиса. А советское коммунистическое руководство, получившее краткосрочные выгоды вследствие мировой экономической конъюнктуры 1970-х, уверовало, что Советскому Союзу с его богатейшими ресурсами и стабильной социальной системой остается лишь извлекать из чужих несчастий материальные и моральные дивиденды, инвестируя их не в реорганизацию экономики, а во внешнеполитическую экспансию с опорой на экстенсивное развитие военно-промышленного комплекса. И ждать скорого окончания «третьего (последнего) этапа общего кризиса капитализма».

«Явление народу» Михаила Горбачёва, признавшего в 1985 году ошибки и обещавшего неустанно трудиться над их искоренением, казалось добрым предзнаменованием. До поры до времени конкретную программу действий успешно замещали общие положения «нового политического мышления».

Однако во второй половине 1980-х общество мало-помалу приходит в состояние нетерпеливого, порой даже раздраженного возбуждения: позитивных изменений нет, зато появились явно негативные. Взбаламученные «низы», терявшие веру и не знавшие, куда и за кем идти, оказывались благодатным объектом манипулирования со стороны групп и кланов, быстро формирующихся в элите. К концу 1980-х кризис начал перерастать из конъюнктурного и управляемого в структурно-обвальный. Вместо того чтобы сплотиться перед лицом надвигающейся катастрофы и выдвинуть проект общенационального спасения, разнородные политические силы и рекрутированные ими интеллектуальные кадры принялись еще жестче и циничнее эксплуатировать стихийную энергию народа, его растерянность, иллюзии и фобии. Началась безумная фаза мобилизации на

Владимир Дегоев

«последний и решительный бой» всего общества, которое соблазнили заведомо несбыточными обещаниями.

Вновь приходит на память историк Соловьёв. Когда «колесница реформ», писал он, несется под гору, поводья должны находиться в твердых руках возницы, иначе — крушение. У перестройки не нашлось ни твердых рук, ни провидческих умов, ни чувства великой исторической ответственности. Но зато в избытке имелось всего остального: хищнических инстинктов и обслуживавшей их стяжательской идеологии, изощренной воровской смекалки и моральной разнузданности, фанатичной одержимости «властью-целью» и готовности щедро проливать за нее чужую кровь.

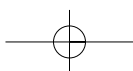
Историческая заслуга Горбачёва состоит в том, что на краю гражданской войны Человек победил в нем Политика. В 1991 году это явилось таким же спасением для народа, каким в 1985-м могла бы стать победа Политика над Человеком.

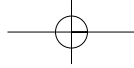
Борис Ельцин, в отличие от Михаила Горбачёва, куда более страстно и последовательно стремился к власти. Он стал символом другого Проекта, и пока народ разбирался, в чем его суть, сработал механизм, разваливший горбачёвский социалистический Союз ради ельцинской капиталистической России.

ПРОВАЛИВШИЙСЯ ПРОЕКТ

Самое существенное отличие перестроечных и постсоветских реформ от всех предыдущих преобразований — в беспрецедентно негативных для России геополитических результатах.

Пётр I использовал реформы как средство строительства империи. Он приспособил европейские новшества к сугубо российскому Проекту — державному по смыслу, методам осуществления и соответствующим издержкам. В нем отразилась извечная для Киевской, Удельной и Московской Руси идея выживания, принуждавшая к поиску надежных (естественных) защитных барьеров в условиях враждебного окружения, равнинного ландшафта и отсутствия выхода к морям. Пётр I радикально переосмыслил данный императив, перейдя от обороны к экспансии и переоснастив инструментарий этой «оборонительной экспансии» по последнему слову западной военной, политической и дипломатической технологии. Преклонение царя перед достижениями европейской цивилизации не мешало ему подходить к ним в высшей степени утилитарно. (За это его позже критиковали русские либералы, в частности Павел Милюков

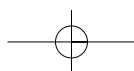
Необратимый бег «колесницы реформ»

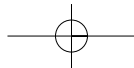
в конце XIX – начале XX столетия.) Беспощадно перекраивая импортированные идеи под российскую действительность, Пётр I поставил их на службу имперским основам – политической (самодержавие, опиравшееся теперь уже на вестернизированную бюрократию и дворянство), военной (огромная и, благодаря своему сословному характеру, непропорционально дешёвая армия) и социально-экономической (крепостничество, представлявшее, по мнению известного американского историка Уильяма Фуллера-младшего, почти неисчерпаемый ресурс для эффективного решения внутренних и внешних задач).

Реформы Александра II – вторая волна модернизации Российской империи, обусловленная необходимостью преодолеть «крымский синдром» 1853–1856 годов, восстановить статус и престиж страны на международной арене, обеспечить безопасность и конкурентоспособность России в условиях обострявшейся борьбы за раздел и передел мира.

В противоположность проводимым «сверху» петровским и александровским преобразованиям реформы 1917–1936 годов происходили из гигантского социального бунта «низов» в ситуации полного хаоса. Был брошен небывалый вызов самому существованию России. Так случилось, что ответить на него не смог никто, кроме большевиков. Их версия модернизации России, при всем своем эклектизме и революционности, отличалась глубокой исторической преемственностью – если не по форме, то по сути. Это тот же большой российский цивилизационный проект самосохранения перед лицом жестоких реалий международной и внутренней среды. Проект с очевидной имперско-геополитической и мессианской составляющей.

1917-й положил начало длительному периоду глобального переустройства мира в направлении его упрощения до такого уровня, который позволял бы достичь хотя бы элементарной управляемости и защититься от угрозы хаотизации. Вселенское противоборство двух общественно-политических систем до неузнаваемости изменило картину мировой политики и характер прежних идеологических войн именно потому, что впервые дихотомный принцип был распространен практически на все человечество. В рамках двухполюсной сверхдержавной модели обе стороны развернули невиданное по масштабам состязание за торжество во всем мире собственного видения «смысла и назначения истории».

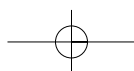
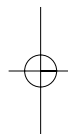
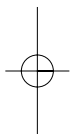

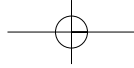
Владимир Дегоев

Однако столь острое соперничество не вылилось в вооруженное противостояние, как это случилось в 1914 и в 1939 годах. Итог оказался иным: заметное повышение регулируемости мировых процессов, укрепление механизмов ослабления международной напряженности, одновременное ужесточение и облагораживание правил глобальных игр и, как следствие, осуществление в некоторой степени мечты европейских и русских просветителей о «долгом мире».

В 1991 году всему этому пришел конец. В истории человечества, как в 1917-м и в 1945-м, наступила новая эпоха, в которой ничего нельзя ни загадывать, ни исключать и которая уже переполнена драматическими событиями.

В самой же России *реформа для всех* незаметно обернулась *реформой для избранных*. Развалившийся Советский Союз, разваливающаяся Россия, напряженность в странах-соседях стали нашей геополитической реальностью. В такую действительность народ доперестроечной России уж точно не собирался...

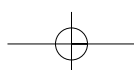
Свобода СМИ в России: юбилей без торжеств

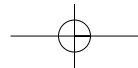
Владимир Энтин

У законодательства о свободе печати в России ныне юбилей. Пятнадцать лет назад, 12 июня 1990 года, Верховный Совет СССР принял Закон «О печати и других средствах массовой информации (СМИ)», в котором формально воплотилась политическая воля руководства страны к установлению гласности и отказу от репрессий в отношении журналистов. В 1991-м эти принципы были закреплены в Законе РФ «О средствах массовой информации».

Свобода СМИ — ровесница перемен, происходивших в стране в те годы, их самое зримое и яркое проявление. В начале 1990-х годов средства массовой информации не только отражали, но и в значительной степени формировали надежды и ожидания людей. Однако противоречие между заявленными целями развития и реальным благосостоянием населения, осознание того, что ставший ориентиром западный мир не готов воспринимать Россию как равноправного участника своего сообщества, довольно скоро породили разочарование в демократических либеральных ценностях. Граждане не видели, как самые громкие разоблачения, появлявшиеся в средствах массовой информации, оставались без последствий, а частная жизнь превращалась в предмет нездорового интереса. В условиях резко обострявшейся конкуренции за аудиторию рынок одерживал над незащищенной духовностью одну победу за другой. Свободное

В.Л. Энтин — автор (вместе с Ю.М. Батуриным и М.А. Федотовым) инициативных авторских проектов «Закон СССР о печати и других средствах массовой информации», «Закон о средствах массовой информации. Республиканский вариант», ставших основой одноименных законодательных актов, адвокат, член-корреспондент Международной академии сравнительного права (Франция), директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности.

Владимир Энтин

волеизъявление оказалось беспомощным перед техникой черного пиара и информационными злоупотреблениями, а сам принцип свободы слова и массовой информации, слишком часто используемый как индульгенция на вседозволенность, во многом утратил свое значение.

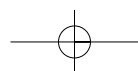
Согласно замерам общественного мнения, проведенным компанией *ROMIR-Monitoring*, больше половины россиян полагают, что в стране есть свобода слова, а вот 80 % опрошенных журналистов считают иначе («Известия». 2005. 7 апр.). Вместе с тем граждане, недовольные конкретными проявлениями свободы прессы, в своем большинстве считают введение цензуры целесообразным (с этим, правда, категорически не согласны свыше 60 % опрошенных журналистов).

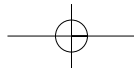
Рассматривать ситуацию с российскими СМИ исключительно как следствие действий «сверху» было бы большим упрощением. Она во многом отражает изменения внутри самого общества. В силу бурных событий начала прошлого и нынешнего столетий представление о свободе деятельности СМИ как об одной из осей координат, позволяющих отслеживать положение политического маятника в России, «сместилось». Журналистам же оказывалось все сложнее балансировать на грани между добросовестным использованием и злоупотреблениями (недопустимыми согласно ст. 4 Закона РФ «О средствах массовой информации») свободой прессы.

СВОБОДА ПРЕССЫ

КАК ЗЕРКАЛО РУССКИХ РЕВОЛЮЦИЙ

Опыт революционных потрясений в России показал, что свобода прессы имеет огромный деструктивный потенциал. В свое время его успешно использовали для ниспровержения царского и образовавшегося на его обломках буржуазного режимов. Сложившаяся затем система тотального контроля исключала наличие свободы слова, что привело к невиданной концентрации власти. Однако идеологическое и жесткое партийно-государственное управление средствами массовой информации лишило обслуживаемую ими политическую систему способности адаптироваться к изменениям, происходившим внутри страны и за ее пределами. Переворот, связанный со снятием цензуры в СМИ, сопоставим по последствиям с перезагрузкой системы компьютера. Отказ от прежних ценностей и переосмысление истории привели к «переформатированию» общественного сознания.

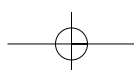

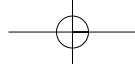
Свобода СМИ в России: юбилей без торжеств

Однако генетическая предрасположенность российской чиновничьей касты к репрессиям и мздоимству заставила политиков не только провозгласить приверженность свободе печати как основной демократической ценности, но и заняться созданием законодательного инструмента, позволяющего сохранить свободу прессы независимо от состояния других прав и свобод. Действуя как автономная система жизнеобеспечения, Закон РФ «О средствах массовой информации» формирует правовые механизмы, направленные на то, чтобы редакции и журналисты имели максимальные возможности для независимой профессиональной деятельности. Вместе с тем отождествление свободы прессы с неуправляемостью средств массовой информации вызывает настороженное отношение со стороны политического класса, который инстинктивно опасается слишком частых «перезагрузок» народного сознания, способных поставить под вопрос легитимность его полномочий.

Свобода слова, свобода массовой информации и запрет цензуры – базовые ценности, закрепленные в ст. 29 Конституции РФ, – стали частью правовых стандартов современной России (*acquis russe*). Российская модель реализации свободы слова вышла из эпохи гласности времен СССР и складывалась в условиях жесткого противостояния между исполнительной властью во главе с президентом Борисом Ельциным и враждебным ему коммунистическим большинством высшего законодательного органа. В ситуации политического соперничества между ветвями власти, вылившегося в тотальное неприятие реформистских устремлений правительства большинством законодателей и в открытую конфронтацию в октябре 1993 года, СМИ получили относительную самостоятельность. Они превратились в своеобразный центр силы, способный склонить чашу весов в ту или другую сторону.

Политика – это еще и искусство символических жестов, которые благодаря средствам массовой информации приобретают известность или, наоборот, проходят незамеченными. Картинка в телевизоре, увиденная миллионами, способна подменить собой реальные события. Ее эмоциональное воздействие превосходит по своей силе многие пространственные аналитические статьи и исследования, публикуемые даже в наиболее уважаемых печатных изданиях. На этапе собирания государства, рассыпавшегося на региональные вотчины, контроль над телевизионной картинкой означал контроль над государством.

Владимир Энтин

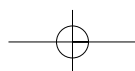
Оппозиционные центральной власти, частные медиаимперии стали восприниматься как угроза и вызов информационной безопасности страны. А средства, использованные для устранения этой угрозы, заставили вновь заговорить об особенностях правового регулирования деятельности СМИ и нерушимости принципа свободы прессы в условиях современного общества.

РОССИЙСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СМИ

Первоначальный этап развития законодательства о средствах массовой информации был связан со стремлением привить идею свободной прессы к древу российской государственности, блюстители которой привычно рассматривали прессу как часть своей идеологической машины. Становление независимой от власти печатной и электронной прессы, ее успешное развитие оказались шоковой терапией для бюрократии, у которой ушли годы на то, чтобы приспособиться к изменившемуся порядку вещей. От удушающей бюрократической регламентации прессу оберегало законодательство, четко определившее параметры обретения и сохранения свободы от государственного вмешательства в профессиональную деятельность СМИ.

С 1995-го развитие российского законодательства о средствах массовой информации двинулось в направлении, традиционном для современных демократий. Имеется в виду стремление регламентировать участие СМИ в гражданском обороте (совокупность всех юридических сделок, совершаемых членами данного гражданского общества. — Ред.) через законодательство о рекламе, а также регулировать деятельность прессы не более чем это требуется для пресечения правонарушений в современном демократическом обществе. Большинство поправок и дополнений, внесенных в текст Закона РФ «О средствах массовой информации», имели целью предотвратить использование свободы массовой информации для совершения правонарушений, в том числе и в ходе избирательных кампаний.

Нынешний *modus vivendi* государства и СМИ лишь частично опирается на правила, зафиксированные в законодательстве. Неписанные законы политической корректности лимитируют деятельность средств массовой информации куда в большей степени. Впрочем, говорить о СМИ как о чем-то однородном неверно. Так, заметно отличаются юридические режимы печатных и основных электронных СМИ. Иностранцы, к коим приравниваются россияне,

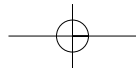
Свобода СМИ в России: юбилей без торжеств

имеющие двойное гражданство, а также российские юридические лица с долей иностранного участия свыше 50 % не могут выступать учредителями или владельцами определенных видов средств массовой информации. Это касается теле- и видеоканалов, вещание которых охватывает территорию большинства субъектов Российской Федерации или территорию, где проживает более половины населения страны. Подобных ограничений на создание печатных СМИ не существует. На уровне закона это различие обусловлено стремлением обеспечить государственный суверенитет и национальную юрисдикцию над общедоступными информационными потоками.

Кроме того, положение вещателя более уязвимо по сравнению с другими участниками информационного процесса. В силу новой редакции ст. 32 Закона «О средствах массовой информации», предусмотренной Федеральным законом от 22.08.2004 № 122-ФЗ, аннулирование лицензии на вещание производится решением выдавшего ее органа. Деятельность же по созданию и выпуску изданий и программ может быть прекращена извне только решением суда, принятым по иску регистрирующего органа в порядке гражданского судопроизводства. Регистрирующий орган не может самостоятельно закрыть средство массовой информации. Он должен действовать через суд, доказывая наличие у него законных оснований в ходе состязательной процедуры.

В период проведения избирательных кампаний регистрирующий орган в соответствии со ст. 16.1. Закона «О средствах массовой информации», введенной Федеральным законом от 29.06.2004 № 58-ФЗ, наделяется правом ходатайствовать перед судом о приостановлении деятельности СМИ на срок до момента окончания голосования. Но данное полномочие, несмотря на его грозный характер, трудно реализуемо, так как для его применения необходимо как повторное нарушение, так и наличие действующего решения суда о привлечении СМИ к административной ответственности за нарушение закона о выборах. Тем не менее не раз случалось, что триумф воли творил чудеса.

В соответствии со ст. 8 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ прекращение деятельности того или иного средства массовой информации не обязательно требует введения чрезвычайного положения; это может произойти и в результате распространения через это СМИ экстремистских материалов либо выявления в его деятельно-

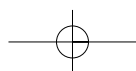

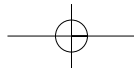
Владимир Энтин

сти признаков экстремизма. В последнем случае право направить предупреждение имеет не только регистрирующий орган, но также и федеральный орган исполнительной власти в сфере печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций, а также генеральный прокурор РФ или подчиненные ему прокуроры. Гарантией от административного произвола служит право обжаловать предупреждение в суде.

Но если предупреждение не обжаловано в суде и не признано судом незаконным, или если соответствующие нарушения не устранены в установленный им срок, то оно считается действующим. Таким образом, предупреждение превращается в дамоклов меч. Если в течение года со дня вынесения предупреждения выявятся новые факты, свидетельствующие о наличии признаков экстремизма в деятельности данного средства массовой информации, то они будут рассматриваться как повторное нарушение. А уже тогда деятельность этого СМИ подлежит прекращению в порядке, оговоренном Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности».

Изменения, внесенные в законодательство о средствах массовой информации, можно сравнить со снежной массой, угрожающей сходом лавины, способной перекрыть движение. Своеобразным противовесом такому развитию событий является постановление пленума Верховного суда РФ от 24 февраля 2005 года № 3. Оно предоставило новые руководящие разъяснения судам по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц. Ссылаясь на позицию Европейского суда по правам человека при толковании ст. 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, оно предписывает нижестоящим судам проводить различие между утверждениями о поддающихся проверке фактах и оценочными суждениями, которые, как выражение субъективных взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия действительности в рамках гражданского иска. Как считает Верховный суд, требование доказать, что те или иные оценочные суждения, мнения и убеждения соответствуют действительности, вступает в противоречие с конституционным правом, в соответствии с которым никто не может быть принужден ни к выражению своего мнения или взглядов, ни к отказу от них (п. 3 ст. 29 Конституции РФ). С учетом автономности судебной системы по отношению к другим ветвям власти данное поста-

Свобода СМИ в России: юбилей без торжеств

новление призвано предотвратить нецелевое использование законодательства, направленного на борьбу с терроризмом.

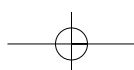
ОБЩЕСТВЕННОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ КАК ПАНАЦЕЯ
Опасение, что национальные телевизионные каналы станут манипулировать общественным мнением, обуславливает постоянные стремления изменить наш телевизионный ландшафт и подпитывает дискуссию об общественном телевидении в России.

По данным Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, российское телевизионное пространство не отличается большим разнообразием. Только 43,2 % граждан могут принимать пять и более программ. Формирование общедоступного пакета программ федеральных, региональных и местных каналов, решение проблем дистанционного образования, устранение информационного неравенства при том, что действующие в региональных распределительных сетях теле- и радиопередатчики и антенно-фидерные тракты выработали свой ресурс, — всё это требует внятной государственной политики.

Концентрация преобладающих информационных ресурсов в руках государства является своеобразной форой в пользу власть имущих, но она явно наносит ущерб многопартийности и плюрализму. В 2002-м по инициативе Союза журналистов России был разработан и даже внесен на рассмотрение в Государственную думу проект Закона «Об общественном телерадиовещании». Однако он не рассмотрен и по сей день.

Между тем развитие Интернет-вещания и современных способов интерактивного взаимодействия грозит в скором времени превратить в анахронизм нынешнюю национальную систему средств массовой информации — замкнутую, громоздкую, не рассчитанную на конкурентов в виртуальной реальности.

Принадлежащие государству органы вещания и информационные агентства необходимо реформировать путем изменения их статуса так, чтобы обеспечить их беспристрастность и профессиональную независимость. В соответствии с Софийской декларацией ЮНЕСКО 1997 года и многочисленными решениями Совета Европы законодательство в области вещания должно способствовать становлению организаций общественного вещания, и прежде всего путем трансформации государственных телерадиокомпаний. Однако откликнуться на этот призыв должным образом Россия с ее суженной законодательной базой в сфере СМИ пока не в состоянии.

СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ — XXI

Теоретический и политический журнал

**ЕДИНСТВЕННЫЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
ЖУРНАЛ УНИВЕРСАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА
ДЛЯ ДУМАЮЩИХ ЛЮДЕЙ**

*Актуальные проблемы политики и экономики.
Общественная жизнь и культура.
Анализ прошлого и прогнозы на будущее.
Публикации документов.*

Ежемесячно, на протяжении многих лет, наперекор всем превратностям политической конъюнктуры вместо слухов и сплетен, вместо пиара и политтехнологий, вместо рекламы и заказных статей — авторитетные мнения российских и зарубежных ученых и деятелей культуры.

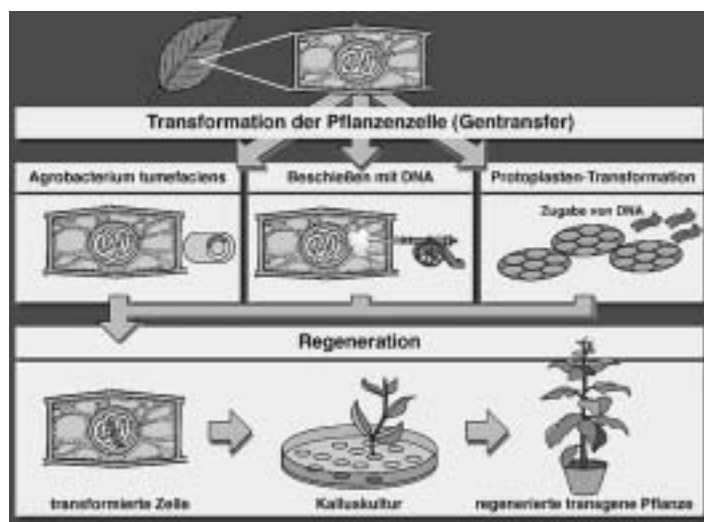
Репутация журнала — в репутации его авторов:

Дмитрий Львов и Сергей Глазьев, Нодари Симония и Станислав Меньшиков, Борис Капустин и Александр Неклесса, Михаил Делягин и Сергей Rogov, Дмитрий Фурман и Юрий Афанасьев, Виталий Третьяков и Андрей Торкунов, Алексей Малашенко и Александр Тарасов, Лилия Шевцова и Валентина Федотова, Фрэнсис Фукуяма и Джозеф Най, Андре Глюксман и Эрик Хобсбаум.

Теряет тот, кто не читает.

С 2001 года журнал издает в качестве приложения «Библиотеку журнала "Свободная мысль-XXI"», в которой уже вышли книги Ларри Зидентопа, Зигмунда Баумана, Генри Киссинджера, Иммануила Валлерстайна, Сейлы Бенхабиб, Уилла Хаттона, Фариды Закарии. В 2005 году впервые на русском языке выйдут новые книги Амиталя Этциони и Джагдиша Бхагвати.

Рецензии

“ На протяжении ряда лет Вашингтон вел настоящую торговую войну, добиваясь от Европейского союза устранения препятствий для экспорта в Старый Свет генетически модифицированной сельхозпродукции. ЕС, однако, сразу же взял курс на ограничение импорта. С точки зрения Вашингтона, Брюссель просто пытался защитить своих фермеров от конкуренции со стороны более эффективных американских производителей ”

О чем мечтают сорвавшиеся с цепи евробюрократы?

Игорь Федюкин

208

Евроатлантическое сообщество: реформы и реакция

Владимир Устинов

213

О чем мечтают сорвавшиеся с цепи евробюрократы?

Игорь Федюкин

Jeremy Rifkin. The European Dream: How Europe's Vision of the Future Is Quietly Eclipsing the American Dream (Джереми Рифкин. Европейская мечта: как европейское видение будущего постепенно лишает блеска американскую мечту). New York: Jeremy P. Tacher / Penguin. New York. 2004

Шеф Пентагона Доналд Рамсфелд назвал ведущие западноевропейские страны, заложившие десятилетия назад основы Европейского союза, «старой», то есть устаревшей, Европой. Презрительная формула родилась в разгар трансатлантического противостояния вокруг Ирака в 2003 году и была призвана противопоставить мягкой, «согласительской» политике европейских держав позицию центральноевропейских стран, поддержавших взятый Вашингтоном курс на свержение Саддама Хусейна. Одновременно в данной формуле отразилось то раздражение, какое значительная часть американского истеблишмента и общественного мнения в целом испытывает в отношении многих тенденций по ту сто-

рону океана. Это и «власть бюрократов» в Брюсселе; и неспособность ЕС к решительным действиям на внешнеполитической арене; и нежелание европейцев нести бремя военных расходов, адекватных их политическим амбициям; и поддержка, которую Европа (в пику США) оказывает наднациональным институтам вроде Международного уголовного трибунала; и открытое недовольство европейских интеллектуалов и политиков глобальной гегемонией США; и влияние, которое на европейскую политику оказывают зеленые, защитники прав животных и подобные им группы. Свою роль сыграли и все более ожесточенные торговые споры, которые США и Европа вели на протяжении последнего десятилетия.

Книга Джереми Рифкина, профессора Школы бизнеса Пенсильванского университета, представляет собой одну из довольно многочисленных попыток американских интеллектуалов противостоять пренебрежительному отношению к Европе со стороны своих соотечественников.

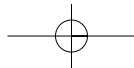
Рецензии

Автор доказывает, что едва ли не все «недостатки» Европы являются на самом деле отличительными чертами целостной общественно-политической модели, которая, в свою очередь, отражает определенную идеологическую систему — «европейскую мечту». Это, конечно, не первая из предпринятых за последнее время американскими экспертами попыток увидеть за непонятными поступками вчерашнего младшего партнера по холодной войне появление самостоятельного цивилизационного центра. Однако, в отличие от того же Роберта Кейгана, автора книги «О рае и могуществе: Америка и Европа в новом мировом порядке», Рифкин усматривает в действиях Европы не просто целостную идеологию, а идеологию будущего. Более того, по Рифкину, Евросоюз не только самостоятельно воплощает в жизнь определенную идеологическую модель, но и считает ее универсально применимой, а значит, стремится нести ее окружающему миру, как это делают Соединенные Штаты и делал Советский Союз. Соответственно противоречия между Европой и США носят не тактический, а стратегический характер.

Логика размышлений автора отчетливо прослеживается на примере его подхода к трансатлантическим спорам вокруг генетически модифицированных продуктов. На протяжении ряда лет Вашингтон вел настоящую торговую войну, добиваясь от Евро-

пейского союза устранения препятствий для экспорта в Старый Свет такого рода сельхозпродукции. Для американцев, лидирующих в создании новых генетически модифицированных сортов растений, речь идет всего лишь о новом, более рентабельном и технологичном способе ведения агробизнеса — такие сорта лучше сопротивляются засухе и болезням, более устойчивы к воздействию вредителей и дают более обильный урожай. Власти США одобрили использование генетически модифицированных семян на своей территории в середине 1990-х, и уже к концу десятилетия под эти культуры было отведено более половины всех сельскохозяйственных земель. Европейский союз, однако, сразу же взял курс (при самой широкой поддержке европейской общественности) на ограничение импорта генетически модифицированных продуктов на свою территорию и потребовал, как минимум, снабжать их специальной маркировкой, ссылаясь при этом на недостаточную изученность последствий, которые может вызвать их употребление. Однако, с точки зрения Вашингтона, Брюссель просто использовал эти опасения в протекционистских целях — для того, чтобы защитить своих фермеров от конкуренции со стороны более эффективных американских производителей.

Аналогичный пример — ситуация с регулированием химической промышленности. В 2003 году Евросоюз

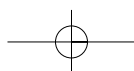

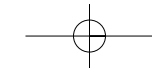
Рецензии

предложил (к ужасу американцев) обязать производителей химикатов доказывать компетентным органам безопасность своих новых продуктов, прежде чем эти химикаты будут допущены на рынок. В обоих случаях Рифкин видит за действиями Брюсселя не происки сорвавшихся с цепи евробюрократов, которые стремятся регулировать всё и вся, а проявления новой идеологической парадигмы, нового восприятия действительности — той самой «европейской мечты». И наоборот, требования американцев, согласно Рифкину, мотивированы отнюдь не давлением сельскохозяйственного или химического лобби, а идеологией. В основе «американской мечты» лежит просвещенческое представление о самоценности научно-технического развития, которое не может быть ограничено искусственными правилами и стремление к которому естественно для человека. Равно как естественно и представление о природе как кладовой, из которой человечество имеет право безоглядно черпать материалы для своей хозяйственной деятельности. Отсюда и характерное для американской культуры уважение к инженеру — пионеру-первооткрывателю наподобие одного из героев «фронтира» (Эпоха освоения свободных земель на западе США (до 1890 г.), от англ. *frontier* — «граница»; согласно «теории границы» американского историка Фредерика Тёрнера, колонизация Запада — оп-

ределяющая черта американской истории; «пограничье» между цивилизацией и варварством; в художественной литературе этому понятию соответствуют мотивы «открытой дороги», «пионерства», героического покорения природы, борьбы с индейцами. — **Ред.**), индивидуалисту, собственным упорством и талантом делающему дикий мир вокруг себя пригодным для жизни.

Но «европейская мечта», однако, требует пересмотра этих принципов — потому, в частности, что связанные с их реализацией риски имеют сегодня глобальный характер. Двести и сто лет назад ошибка инженера могла в худшем случае привести его к личному банкротству; сегодня самопроизвольно мутирующая генно-модифицированная кукуруза, новейшие химикаты или одичавшие нанороботы могут вызвать необратимые и катастрофические последствия для самой жизни на Земле, а некоторые эксперименты в области атомной физики способны (хотя и с очень малой долей вероятности) вызвать цепные реакции, трансформирующие структуру пространства и времени во Вселенной. Поэтому в основу европейской идеологии положен «принцип предосторожности»: с точки зрения европейцев, право властей ограничивать действия отдельных экономических агентов оправдано самой логикой вещей, особенно когда причинно-следственная связь между их поступками и теми

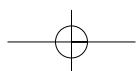
Рецензии

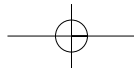
или иными негативными тенденциями представляется вероятной. И это несмотря на то, что достаточных научных доказательств такой связи пока нет; когда же такие доказательства появятся, может быть уже слишком поздно.

Усложнением современного мира объясняет Рифкин и кажущуюся бюрократизацию Евросоюза. То, что американцы (и россияне) воспринимают как бюрократический лабиринт, на самом деле есть новая модель управления: «централизованные механизмы управления и контроля» устарели и не могут приспособиться «к огромным изменениям пространственной и временной структуры общества, которые вызывают новые информационные и коммуникационные технологии». Появление такой модели связано в том числе и с ситуацией в мире, которая определяется теперь не биполярным противостоянием сверхдержав, а борьбой и взаимодействием мириад разнородных сил и интересов. Соответственно «ЕС рассматривается не как носитель предназначения, а как механизм управления множеством текущих конфликтов и соперничающих устремлений»; эта модель ориентирована не на цель, а на процесс. Критики упрекают европейцев в том, что они застряли на полпути к созданию единого европейского государства, но Евросоюз и не стремится стать традиционным государством: он

лишь «вводит директивы, устанавливающие правила игры, собирает игроков на одном поле и помогает вести политический диалог между разными сторонами». Будущее, считает автор, может быть именно за такими моделями управления — сетевыми, многоуровневыми, децентрализованными системами балансирования и примирения различных интересов. По Рифкину, зарождение подобного рода системы управления именно в Европе объясняется, помимо прочего, и историческим наследием густонаселенного континента с его традициями коммунальной жизни — подобно тому, как в основе «американской мечты» лежит бескомпромиссный индивидуализм пустынного западного «фронта».

Органичными элементами европейской системы являются основанная на *soft power* (мягкая сила) внешняя политика и неправительственные организации, выходящие за рамки национальных границ, деятельность которых направлена на достижение «универсальных целей» и защиту универсальных прав в новом мире. Эта последняя связана, в частности, с универсализацией угроз: теперь они носят не локальный, классовый или национальный, а всецело глобальный характер. По Рифкину, общество сегодня объединяют не вера и жажда спасения, как в Средние века, и не характерная для эпохи Нового времени приверженность здравому смыслу, как средству достижения материаль-

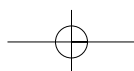
Рецензии

ного прогресса, а общечеловеческое сочувствие, основанное на ощущении универсальности угроз и всеобщей уязвимости. В стремлении построить глобальную политическую систему, основанную на этих принципах, и состоит «европейская мечта», и, по мнению профессора, будущее принадлежит именно ей. Традиционная же «американская мечта», предусматривающая неограниченные возможности для улучшения своей доли отдельным предприимчивым индивидуумом, оказывается безнадежно устаревшей.

Примечательно, что под многими критическими высказываниями в адрес Европы, с которыми спорит Рифкин, готовы подписаться и российские интеллектуалы, и их коллеги из развивающихся стран. Подобно американцам россияне еще не вступили в тот прекрасный постсовременный век, который строят у себя европейцы, и потому ведение дел с Европой часто вызывает фрустрацию: россиянам непонятна дисперсность европейской политики, отсутствие единого центра, с которым можно «решать воп-

росы» и «договариваться». Раздражение представителей развивающихся стран тем сильнее, что нести (то есть навязывать) свои ценности европейцы собираются в первую очередь именно им.

Предлагаемая Джереми Рифкином версия европейской идеологии достаточно логична и во многом объясняет суть европейской политики, так же как идеологемы «града на холме» и «американской мечты» объясняют политику США. Однако если мифология «града на холме» легко читается в программных выступлениях американских президентов, то о новой европейской мифологии мы узнаём в основном из выкладок Рифкина. Отчасти отсутствие у новой европейской системы четкого голоса как раз и обусловлено ее децентрализованностью и консенсусностью, но, вообще говоря, европейцам предстоит еще немало поработать, чтобы у наблюдателей не оставалось сомнений, считать ли им брюссельскую политическую машину «неповоротливой бюрократией» или «системой управления XXI века».

Евроатлантическое сообщество: реформы и реакция

Владимир Устинов

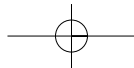
Михаил Троицкий. Трансатлантический союз (1991–2004). Модернизация системы американо-европейского партнерства после распада биполярности. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2004.

Книга Михаила Троицкого посвящена отношениям между Соединенными Штатами и Европейским союзом. Проследив историю реформирования трансатлантического союза после 1991 года, автор анализирует концепции европейской политики США после распада биполярности и характер внешнеполитической деятельности ЕС как субъекта мировой политики. Эти концепции обобщают и продолжают теоретические наработки российской и западной политологии, что позволяет говорить о вкладе данной работы в развитие теории международных отношений.

Первая из концепций, предложенных автором, затрагивает механизмы

комбинированного использования Соединенными Штатами традиционных компонентов своей национальной мощи (дипломатическое давление, экономические санкции, военная сила и др.) и организационного ресурса, под которым подразумевается ключевая роль США в ряде международных союзов и неформальных группировок, доступ к важной информации и т. д. Троицкий называет стратегию США в области поддержания единства евроатлантического сообщества после окончания холодной войны «программирующим партнерством». Суть его составляют «действия [администрации США], направленные на опережающее установление повестки дня, то есть круга проблем, определяющих спектр и направленность совместных действий США с государствами — объектами данной стратегии» (с. 50). Эта концепция заслуживает внимания как перспективный инструмент, позволяющий анализировать американскую политику

В.И. Устинов — к. и. н., старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН.

Рецензии

в отношении не только союзников, но и более широкого круга стран (включая, очевидно, и Россию).

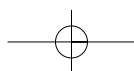
Вторая концепция касается «интеграционной составляющей» во внешнеполитической активности Евросоюза, которая усиливалась на рубеже XX и XXI веков по мере его формирования как самостоятельного центра силы (гл. 2), выигрышных и слабых сторон Европейского союза как международного лидера и партнера США. По мнению автора, влияние ЕС на мировой арене основано не столько на полномочиях и возможностях формальных внешнеполитических институтов, сколько на привлекательности европейских ценностей гуманизма и свободы, образе «интеграционного гуру», программах экономической помощи и торговых преференций для стран – соседей объединенной Европы. Сегодня Евросоюз обладает значительным потенциалом «мягкого» лидерства, который – при наличии определенного уровня взаимопонимания с Вашингтоном – может дополнять «жесткий» военно-политический и бескомпромиссный идеологический ресурс Соединенных Штатов.

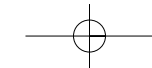
В целом рассмотрение специфики Европейского союза как субъекта международных отношений и его растущих «внешнеполитических амбиций» удачно вписывается в линию анализа евроатлантической стратегии США как ответа на укрепление

автономии прежде жестко подчиненных Вашингтону европейских союзников. Подобное объединение под одной обложкой европейских и американских проблем выработки внешнеполитической стратегии в постбиполярном мире выгодно отличает работу Михаила Троицкого от ранее издававшихся трудов по европейской интеграции, трансатлантическим отношениям и внешней политике США.

Автор обобщает дискуссию по вопросам формирования внешнеполитической стратегии Вашингтона после окончания холодной войны и его отношений с европейскими союзниками (гл. 1). Он называет причины восприятия Соединенными Штатами процессов роста международно-политической самостоятельности Западной Европы в качестве вызова своим национальным интересам. Понимание этих причин, отмечает Троицкий, играет важную роль в анализе европейской политики США, поскольку курс на противодействие стремлению Западной Европы к проведению независимой политики безопасности не был изначально «предопределен» структурными факторами.

В разделе, посвященном «экономической составляющей американо-европейских отношений» (гл. 3), автор показывает, насколько возросло влияние ЕС на международные отношения благодаря развитию «интеграционного компонента» экономической

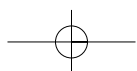
Рецензии

политики государств Европы. Главным институциональным рычагом воздействия Евросоюза на своих торгово-финансовых партнеров стало усиление полномочий наднациональных органов в принятии решений по вопросам экономического взаимодействия с окружающим миром. Емкий внутренний рынок и наличие общей денежной единицы («по совместительству» – второй мировой валюты) делают ведение бизнеса на пространстве ЕС столь привлекательным, что крупнейшие иностранные компании (включая американскую *General Electric*) вынуждены беспрекословно адаптировать свою рыночную стратегию, подчиняясь требованиям «скромных» чиновников Европейской комиссии.

Книга содержит подробный исторический анализ процессов в области институциональной реформы евроатлантических и европейских институтов безопасности – НАТО, Западноевропейского союза, Общей внешней политики и политики безопасности ЕС (гл. 4). Автор вполне справедливо замечает, что военнополитические сюжеты трансатлантического взаимодействия, в которых влияние США было особенно значимым, позволили американской администрации эффективно предотвращать повышение уровня международной самостоятельности Запад-

ной Европы в областях, где это было особенно нежелательно для США. В фокусе американской внешней политики оказались уже вступившие или стремящиеся к вступлению в НАТО страны Центрально-Восточной и Южной Европы, а также государства Закавказья, причем последние – благодаря своей готовности поддержать иракскую кампанию, географической близости к стратегически важному ближневосточному региону, а также широким возможностями продемонстрировать миру на своем примере успехи американской политики «содействия свободе и демократии». В то же время традиционные западноевропейские союзники США утратили стратегическую важность для американских интересов и стали с разной степенью критичности относиться к масштабным американским проектам переустройства целых регионов, а также к методам, которыми такие проекты предполагается осуществлять.

В исследовании впервые в отечественной политической науке комплексно проанализированы новые явления, закономерности и тенденции, проявившиеся в американо-европейских отношениях после прекращения глобальной конфронтации – в эпоху доминирования США как в евроатлантической зоне, так и в мире в целом.

**ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Современная **ЕВРОПА**

ЖУРНАЛ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 2000 г.

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ШЕФ-РЕДАКТОР

академик Н. П. ШМЕЛЕВ

**ДЛЯ ТЕХ, КТО ХОЧЕТ ЗНАТЬ,
КАК И ЧЕМ ЖИВУТ СЕГОДНЯ
СТРАНЫ ЕВРОПЕЙСКОГО КОНТИНЕНТА**

Широкий круг российских и зарубежных авторов:
государственных и политических деятелей, видных ученых,
дипломатов, военных экспертов, журналистов

становление новой, интегрированной Европы
•
проблемы экономики, политики, безопасности, науки,
культуры и искусства, религиозной жизни
•
европейский опыт развития гражданского правового общества,
создания социальных и духовных условий жизни,
достойных человека
•
Россия и Европейский Союз
•
научная жизнь – разнообразие мнений, дискуссии
•
документы
•
рецензии

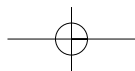
ПОДПИСКА

по каталогу «Роспечать», индекс 79701,
по объединенному каталогу «Пресса России», индекс 14492,
по каталогу для библиотек, индекс Б902 и непосредственно в редакции.

ЗАРУБЕЖНАЯ ПОДПИСКА

каталог ЗАО «МК-Периодика»

телефон редакции (095) 292 2720 • факс (095) 200 4298 • E-mail: sov_europe@mail.ru

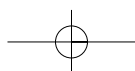
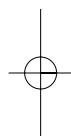
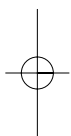
Отечественные записки

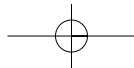
ЖИВАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
РОССИЙСКОЙ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Пополняется каждые два месяца

Подписной индекс 43785

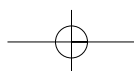
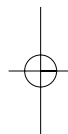
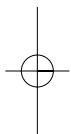
www.strana-oz.ru

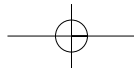

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

КАРАГАНОВ Сергей Александрович (председатель)	д. и. н., председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, заместитель директора Института Европы РАН
АРБАТОВ Алексей Георгиевич	член-корреспондент РАН, заведующий Центром международной безопасности ИМЭМО РАН
АХТИСААРИ Маргги	президент Финляндии в 1994–2000 гг.
БЕЛОУСОВ Лев Сергеевич (заместитель председателя)	д. и. н., профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
БЕРГСТЕН Фред	доктор экономики, директор Института международной экономики (Вашингтон, США)
БИЛЬДТ Карл	член Наблюдательного совета корпорации <i>RAND</i> , премьер-министр Швеции в 1991–1994 гг.
ГРИГОРЬЕВ Владимир Викторович (в личном качестве)	советник руководителя Федерального агентства РФ по печати и массовым коммуникациям
ЖУКОВ Александр Дмитриевич (в личном качестве)	заместитель председателя Правительства РФ
ЗВЕРЕВ Сергей Александрович	президент ЗАО «Компания развития общественных связей»
ИВАНОВ Игорь Сергеевич (в личном качестве)	к. и. н., секретарь Совета безопасности РФ
ИНОЗЕМЦЕВ Владислав Леонидович	д. э. н., научный руководитель Центра исследований постиндустриального общества, председатель научно-консультативного совета журнала «Россия в глобальной политике», главный редактор журнала «Свободная мысль—XXI»
КАЙЗЕР Карл	профессор, приглашенный исследователь, Гарвардский университет
КОЖОКИН Михаил Михайлович	к. и. н., первый вице-президент ЗАО «КРОС»
КОКОШИН Андрей Афанасьевич	член-корреспондент РАН, председатель Комитета Государственной думы РФ по делам СНГ и связям с соотечественниками, директор Института проблем международной безопасности РАН
КОЛЬ Гельмут	канцлер ФРГ в 1982–1998 гг.
КОМИССАР Михаил Витальевич	генеральный директор ЗАО «Интерфакс»
КОПЬЕВ Вячеслав Всеволодович	к. ю. н., заместитель председателя Совета директоров АФК «Система»
КУЗЬМИНОВ Ярослав Иванович	к. э. н., доцент, ректор Государственного университета — Высшей школы экономики
ЛАВРОВ Сергей Викторович (в личном качестве)	министр иностранных дел РФ

- ЛИВШИЦ**
Александр Яковлевич д. э. н., профессор, заместитель генерального директора ОАО «Русский алюминий»
- ЛУКИН Владимир Петрович** д. и. н., профессор, Уполномоченный по правам человека в РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
- ЛУКЬЯНОВ**
Федор Александрович главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»
- МАУ Владимир**
Александрович д. э. н., профессор, ректор Академии народного хозяйства при Правительстве РФ
- МОНБРИАЛЬ Тьерри де** президент Института (Академии наук) Франции, директор Французского института международных отношений
- НИКОНОВ**
Вячеслав Алексеевич
(заместитель председателя) д. и. н., президент фонда «Политика»
- ОВЧИНСКИЙ**
Владимир Семенович д. ю. н., советник председателя Конституционного Суда РФ, генерал-майор милиции в отставке
- ПОЗНЕР**
Владимир Владимирович президент Российской телевизионной академии, автор и ведущий телепрограммы «Времена»
- ПРИМАКОВ**
Евгений Максимович академик РАН, президент Торгово-промышленной палаты, премьер-министр РФ в 1998–1999 гг.
- ПРИХОДЬКО**
Сергей Эдуардович
(в личном качестве) помощник Президента РФ
- РЫЖКОВ Владимир**
Александрович к. и. н., депутат Государственной думы РФ
- ТЕЛЬЧИК Хорст** председатель *Teltschik Associates*, руководитель управления внешней политики ведомства канцлера ФРГ в 1982–1998 гг.
- ТОРКУНОВ Анатолий**
Васильевич д. п. н., профессор, ректор Московского государственного института международных отношений (У) МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
- УОЛЛЕС Уильям, лорд** профессор Лондонской школы экономики
- ХАКАМАДА Ирина Муцуовна** к. э. н., доцент, сопредседатель «Комитета-2008»
- ХОУГ Джеймс** главный редактор журнала *Foreign Affairs*
- ШМЕЛЁВ Николай Петрович** академик РАН, директор Института Европы РАН
- ЭЛЛИСОН Грэм** профессор Гарвардского университета, директор Белферского центра, бывший заместитель министра обороны США
- ЮРГЕНС**
Игорь Юрьевич к. э. н., первый вице-президент, руководитель направления по работе с государственными и правительственными организациями группы «Ренессанс Капитал», вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей (работодателей)
- ЯСТРЖЕМБСКИЙ**
Сергей Владимирович
(в личном качестве) к. и. н., помощник Президента РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, специальный представитель Президента РФ по вопросам развития отношений с Европейским Союзом

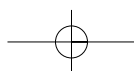
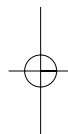
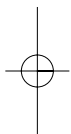

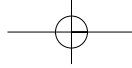
НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

АДАМИШИН Анатолий Леонидович	к. и. н., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
БУТОРИНА Ольга Витальевна	д. э. н., завкафедрой европейской интеграции МГИМО(У) МИД РФ
ГРИГОРЬЕВ Леонид Маркович	к. э. н., ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН, президент Ассоциации независимых центров экономического анализа
ЛОМАНОВ Александр Владимирович	д. и. н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН
МИРСКИЙ Георгий Ильич	д. и. н., профессор, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН
ШКУНДИН Марк Зусьевич	к. и. н., ведущий исследователь ИМЭМО РАН
ЭНТИН Владимир Львович	к. ю. н., доцент МГУ, старший научный сотрудник Института государства и права РАН, адвокат, директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности
ЮРЬЕВ Александр Иванович	д. п. н., профессор, завкафедрой политической психологии СПбГУ

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

ПОТАНИН Владимир Олегович (председатель)	президент холдинговой компании «Интеррос»
ВАЙНШТОК Семен Михайлович	президент компании ОАО «АК «Транснефть»», академик Академии горных наук
ВАРДАНЯН Рубен Карленович	президент группы компаний «Тройка-Диалог»
ВЕКСЕЛЬБЕРГ Виктор Феликсович	президент ОАО «СУАЛ-Холдинг»
ГЕНЕРАЛОВ Сергей Владимирович	председатель совета директоров Ассоциации по защите прав инвесторов
ЕВТУШЕНКОВ Владимир Петрович	к. э. н., академик Российской инженерной академии, академик Международной академии связи, заслуженный деятель науки РФ, председатель совета директоров АФК «Система»
КУЗЫК Борис Николаевич	член-корреспондент РАН, профессор, заслуженный деятель науки РФ, генеральный директор холдинговой промышленной компании «Новые программы и концепции», президент Института экономических стратегий
КУЗЯЕВ Андрей Равелевич	президент «ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг Лтд.»
ОКУЛОВ Валерий Михайлович	генеральный директор ОАО «Аэрофлот», член совета ГСГА, член совета управляющих IATA, член совета директоров ОАО «Аэрофлот»
ЦВЕТКОВ Николай Александрович	к. э. н., президент ФК «Уралсиб»

**Подписка в России, СНГ и странах Балтии по каталогу «Роспечать»,
индексы: 46708, 46709, 46710**

**Подписка в Росси и СНГ по каталогу «Пресса России»,
индексы: 15577, 11119, 16497.**

Подписка на Украине, по каталогу «KSS», тел. +38(044) 464-0235

РЕДАКЦИОННАЯ ПОДПИСКА НА АНГЛО- ИЛИ РУССКОЯЗЫЧНОЕ ИЗДАНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

- заполните квитанцию и оплатите в любом отделении Сбербанка РФ
- заполните подписной купон и пришлите его вместе с квитанцией об оплате (или ее копией) по факсу: (095) 937-7611, по E-mail: subscribe@globalaffairs.ru или письмом по адресу:

АНО РИД «Глобус» 103873, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3 «В»

Цена одного номера получение в редакции – **180 руб.**

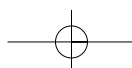
(русскоязычное издание): с доставкой (заказным письмом) – **230 руб.**

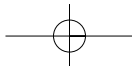
Цена одного номера получение в редакции – **250 руб.**

(англоязычное издание): с доставкой (заказным письмом) – **300 руб.**

Цены даны с учетом НДС.

АБОНЕМЕНТ на газету журнал		<input type="text"/>									
		индекс издания									
Россия в глобальной политике											
(наименование издания)		Количество комплектов									
на 2005 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда	<input type="text"/>										
	Почтовый индекс	(адрес)									
Кому	<input type="text"/>										
	(фамилия, инициалы)										
		ДОСТАВочНАЯ КАРТОЧКА									
<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>									
ПВ	место	литер									
на газету журнал		<input type="text"/>									
		индекс издания									
Россия в глобальной политике											
(наименование издания)											
Стоимость подписки	_____ руб. _____ коп.	Количество комплектов									
	_____ руб. _____ коп.										
на 2005 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда	<input type="text"/>										
	Почтовый индекс	(адрес)									
Кому	<input type="text"/>										
	(фамилия, инициалы)										

В Москве журнал можно приобрести в магазинах:

«БУКБЕРИ»

- ТРК «МЕГА» (пав. 9092) Калужское ш., 21-й км (тел.: 789-6502)
- ТЦ «Глобал Сити» ул. Кировоградская, 14 (тел.: 956-4239)
- Никитский б-р, 17 (тел.: 291-8303, 789-9187)
- ТК «Галерея Аэропорт» Ленинградский пр-т, 62а (тел.: 771-7261)

«РОССПЭН»

- «Книжная лавка историка» ул. Б. Дмитровка, 15 (тел.: 200-5007)
- «Книжная лавка обществоведа» Нахимовский пр-т, 51/21 (тел.: 332-4725)
- «Книжный киоск РОССПЭН» ул. Дм. Ульянова, 19 (тел.: 126-9418)
- «Ad Marginem» 1-й Новокузнецкий пер., 5/7 (тел.: 951-9360)
- «Политическая книга» ул. М. Дмитровка, 3/10 (тел.: 200-3694)
- В киосках «МН-Пресс»
- 1-й подъезд Российской Государственной Библиотеки
- В киоске «Деловые люди» 1-ая Тверская-Ямская ул., 1
- В киосках МГУ, МГИМО (У), РУДН, МИРЭА
- Клуб «Проект О.Г.И» Потаповский пер., 8/12, стр.2 (тел.: 927-5609)

В Санкт-Петербурге:

- «Летний сад», Большой пр. П.С., 82 (тел.: (812) 232-2104)
- «Русское богатство» (магазин при РХГИ)
Наб. Р. Фонтанка, 15 (тел.: (812) 310-5036)
- «Книжный магазин» Лесной пр., 8 (тел.: (812) 541-8639)

Интернет-магазин: www.setbook.ru

Все ранее вышедшие номера журнала можно заказать в редакции для получения по почте наложенным платежом, связавшись с нами по телефону 937-7611 или по e-mail: subscribe@globalaffairs.ru

ПОДПИСКА НА АНГЛО- И/ИЛИ РУССКОЯЗЫЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

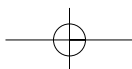
■ Через ЗАО «МК-Периодика»
или фирмы-партнеры ЗАО «МК-Периодика»
Подписной индекс в каталоге «МК-Периодика»: **10877**

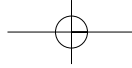
ЗАО «МК-Периодика»
129110, Москва, ул. Гиляровского, 39
Тел.: (095) 681-9137, 681-9763
Факс: (095) 681-3798
E-mail: info@periodicals.ru <http://www.periodicals.ru>

■ Через фирму East View Publications

Подписной индекс в каталоге — для русскоязычного издания: **14216**
для англоязычного издания: **14464**

East View Publications 3020 Harbor Lane N. Minneapolis, MN 55447, USA Tel: 1-763-550-0961 Fax: 1-763-559-2931 E-mail: eastview@eastview.com http://www.eastview.com	117638, Москва ул. Азовская, 6/3 Тел.: (095) 777-6557, (095) 318-0927 Факс: (095) 318-0881 E-mail: mosunova@mosinfo.com http://www.eastview.com
--	---

ПОДПИСНОЙ КУПОН для физических лиц

Внимание!
Не забудьте указать в подписном купоне точный почтовый индекс, адрес, по которому вы хотите получать журнал, и ваш номер телефона (для оперативной связи).

ПОДПИСНОЙ КУПОН

Ф.И.О. получателя (полностью) _____

Период подписки: I полугодие январь - февраль март - апрель май - июнь

II полугодие июль - август сентябрь - октябрь ноябрь - декабрь

Форма доставки получение в редакции
нужное подчеркнуть заказным письмом

Почтовый адрес (с индексом) _____

Телефоны (код) _____

E-mail _____

Идентификационный номер (ИНН) _____

Количество экземпляров _____

Извещение

Форма № ПД-4

АНО «Редакционно-издательский дом «Глобус»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7703345932

(ИНН получателя платежа)

№ _____ Р/сч. № 40703810400001000317

(номер счета получателя платежа)

ОАО «Вербанк» г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

К/сч. № 30101810000000000124

БИК 044585124

Подписка на журнал "Россия в глобальной политике"

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

Квитанция

Форма № ПД-4

АНО «Редакционно-издательский дом «Глобус»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7703345932

(ИНН получателя платежа)

№ _____ Р/сч. № 40703810400001000317

(номер счета получателя платежа)

ОАО «Вербанк» г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

К/сч. № 30101810000000000124

БИК 044585124

Подписка на журнал "Россия в глобальной политике"

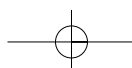
(наименование платежа)

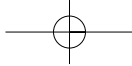
Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

ПОДПИСНОЙ КУПОН для юридических лиц

ПОДПИСНОЙ КУПОН

Наименование организации _____

Период подписки: I полугодие январь - февраль март - апрель май - июнь
 II полугодие июль - август сентябрь - октябрь ноябрь - декабрь

Форма доставки получение в редакции
 заказным письмом

Юридический адрес _____

Почтовый адрес (с индексом) _____

Телефоны (код) _____ Факс (код) _____

E-mail _____

P/c _____

Идентификационный номер (ИНН) _____

Количество экземпляров _____

Ответственное лицо (Ф.И.О.) _____

Внимание!

Не забудьте указать в подписном купоне точный почтовый индекс, адрес, по которому вы хотите получать журнал, и ваш номер телефона (для оперативной связи).

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен

" " 20 г. _____
 (подпись плательщика)

Информация о плательщике

 (Ф.И.О., адрес плательщика)

 (ИНН)

№ _____
 (номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен

" " 20 г. _____
 (подпись плательщика)

Информация о плательщике

 (Ф.И.О., адрес плательщика)

 (ИНН)

№ _____
 (номер лицевого счета (код) плательщика)

